

А.В. ЛАВРОВ

СИМВОЛИСТЫ И ДРУГИЕ

Статьи. Разыскания. Публикации

Москва
Новое литературное обозрение
2015

ЛЕОНИД СЕМЕНОВ — КОРРЕСПОНДЕНТ АНДРЕЯ БЕЛОГО

«Мои слова памяти будут о стихотворце, мятежнике, работнике, страннике, священнике и мученике Леониде Семенове-Тянь-Шанском» — в этой фразе З. Н. Гиппиус из ее очерка «Поэма жизни (Рассказ о правде)» (1930)¹ обозначены основные жизненные вехи одного из «младосимволистов», сверстника Александра Блока и Андрея Белого, избравшего, однако, иную — не собственно творческую, а, — используя символистскую терминологию, в данном случае вполне уместную, — «жизнетворческую» стезю. Обретенный Семеновым в 1907 г. путь «жизнетворчества» предполагал не только отказ от литературных форм самовыражения, но и полное изменение образа существования: «вслед за Александром Добролюбовым он расстается с “обществом” и уходит “в народ”. <...> Постепенно имя Семенова, как и имя Александра Добролюбова, становится своего рода символом — олицетворением “ухода”, к которому тяготели и другие младшие символисты (Блок, Белый)».² Закономерным образом возникает вывод о том, что биография Семенова — «самое значительное его произведение».³

Приведенная выше фраза Гиппиус содержит лишь одну неточность: пришедший в результате долгих духовных поисков в 1915 г. к исповеданию православия, Семенов в 1917 г. лишь готовился, по

¹ Гиппиус З. Н. Чего не было и что было: Неизвестная проза 1926—1930 годов. СПб., 2002. С. 515.

² Азадовский К. М. Александр Блок и Мария Добролюбова // Ал. Блок и революция 1905 года. Блоковский сборник. VIII (Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Вып. 813). Тарту, 1988. С. 35. Общие сведения о Л. Д. Семенове и статьях и публикациях, ему посвященных, см. в комментариях К. М. Азадовского к кн.: Клюев Николай. Письма к Александру Блоку. 1907—1915. М., 2003. С. 118—120, — а также в энциклопедической статье В. С. Баевского (Русские писатели 1800—1917. Биографический словарь. Т. 5. М., 2007. С. 553—555).

³ См.: Баевский В. С. Жизнестроитель и поэт // Семенов Леонид. Стихотворения. Проза / Издание подготовил В. С. Баевский. М., 2007. С. 457 («Литературные памятники»).

благословению оптинского старца отца Анатолия, принять сан священника, но за несколько дней до рукоположения, вечером 13 декабря, был застрелен на пороге собственного дома местными крестьянами. Пользуясь попустительством новой власти, воцарившейся после большевистского переворота, они безнаказанно разоряли дворянские гнезда и убивали их хозяев; жертвами бандитов стали и другие представители рода Семеновых, жившие на юге Рязанской губернии. Как свидетельствует в воспоминаниях (1942) В. П. Семенов-Тянь-Шанский, «убит Леонид был не разбойниками, а распропагандированными людьми из крестьянской молодежи — теми же самыми, которыми ранее был ранен его старший брат». «Ими же, — добавляет мемуарист, — были убиты вслед затем и другие наши родные и знакомые, как Н. Я. Грот, князь Сергей Ник. и княжна Нат. Ник. Шаховские <...>». О том, что Леонид был убит не разбойниками, говорит тот факт, что дом на его хуторе не был ограблен, но, как передавала мне его сестра, были уничтожены частично лишь его записи и дневники, что, по ее мнению, сделано было из опасения, что Леонидом в дневниках могло быть описано происходившее вокруг, причем он мог знать имена тех, кто являлся виновником разных уголовных проступков, совершавшихся вокруг, в том числе убийств и покушений».⁴

Семенов погиб от рук представителей той простонародной среды, с которой он на протяжении целого десятилетия пытался слиться и чей жизненный уклад представлялся ему единственно правильным и оправданным. На свой лад его участь могла служить подтверждением тех слов об «очарованной и проклятой пропасти», разделяющей народ и интеллигенцию, которые произнес в докладе «Россия и интеллигенция» (1908) Блок год спустя после «ухода» Семенова.⁵ Однако в плане завершения личной судьбы мученический конец придавал пройденному Семеновым жизненному пути особый смысл и переводил его в иной ценностный регистр — жизни как жития. В соответствии с канонами житийного жанра могут быть рассмотрены ранние этапы его жизни — как жизни «непросветленной», предшествовавшей духовному преображению. Именно так расценивал сам Семенов эту пору в автобиографических записках «Грешный грешным»: «безобразное время моей молодости»; тогда он, по собственному признанию, предавался соблазну «так называемыми эстетическими эмоциями (художественными впечатлениями или просто внешними щекотаниями чувств) заменить те внутренние, нравственные удовлетворения, которые ищет дух, когда чувствует себя одиноким и оторванным от других людей, когда жаждет Бога».⁶

⁴ Семенов-Тянь-Шанский В. П. То, что прошло: В 2 т. / Издание подготовил М. А. Семенов-Тянь-Шанский. М., 2009. Т. 2. С. 431.

⁵ См.: Блок А. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2010. Т. 8. С. 221.

⁶ Семенов Леонид. Стихотворения. Проза. С. 338, 252—253.

Тогда, в первые годы XX столетия, Леонид Семенов, внук сенатора, прославленного географа, общественного и государственного деятеля и сын председателя отделения статистики Русского географического общества, будучи студентом историко-филологического факультета Петербургского университета, вошел в литературную среду — сначала в студенческий поэтический кружок под руководством Б. В. Никольского, где дружески сблизился с В. Л. Поляковым и А. Блоком,⁷ затем, в 1903 г. — под покровительство Д. С. Мережковского и З. Н. Гиппиус, в круг молодых авторов, печатавшихся в руководимом ими журнале «Новый Путь». В восприятии еще более юного начинающего поэта Вл. Пяста Семенов тогда представлял уже вполне значительным и определившимся литературным талантом — «пронзал, поворачивал все внутри своими выстраданными, горячими, горячо произносимыми строфами».⁸ Тогда же, в 1903 г., Семенов завязал знакомство со своим ровесником, почти одновременно с ним пришедшим в литературу и также оказавшимся в сфере духовного притяжения четы Мережковских, — Андреем Белым.

Их общение началось в особо знаменательный для Белого день — 31 мая 1903 г., непосредственно после похорон отца Белого, Н. В. Бугаева, на кладбище Новодевичьего монастыря и поминальной церемонии в ресторане «Прага». «Вернувшись оттуда, — вспоминает Белый, — я застал у себя Леонида Дмитриевича Семенова, поэта, писателя, еще студента; он приехал из Петербурга передать мне что-то от Мережковских; и — хотел было уйти; но я оставил его у себя».⁹ Описывая события последующих дней (первая половина июня 1903 г.), Белый отмечает: «...почти каждый день ко мне приходил Леонид Дмитриевич Семенов; мы с ним совершали длинные прогулки по Москве, чаще всего оканчивающиеся сидением на лавочке в Новодевичьем Монастыре; мы посещали могилы Соловьевых, отца, Поливанова, Владимира Соловьева; и у этих могил происходили горячие и оживленнейшие разговоры наши о Боге, о России, о самодержавии и революции, о стихах, о Блоке, о Мережковских».¹⁰ «...Две недели провожу в упорных беседах с ним», — резюмирует Белый.¹¹ В мемуарах в отдельной главке «Леонид Семенов» он затрагивает отчасти проблематику этих бесед: «...казалось, что он — демагог и оратор, углами локтей протолкавшийся к кафедре, чтобы басить, агитировать, распространять убеждения — месиво из черносотенства, славянофильства с народничеством; он выдумывал своих крестьян и царя своего, чтобы скоро разбиться об

⁷ См.: Громов А. А. В студенческие годы // Александр Блок в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1980. Т. 1. С. 402—403.

⁸ Пяст Вл. Встречи. М., 1997. С. 40.

⁹ Белый Андрей. Материал к биографии // РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 2. Ед. хр. 3. Л. 38 об.

¹⁰ Там же. Л. 39.

¹¹ Белый Андрей. Ракурс к Дневнику // РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 100. Л. 18 об.

эти утопии, ратовал против капитализма; дичайшая неразбериха; не то монархист, а не то анархист! <...> Меня раздражало его самомнение, желание стать моим руководителем, организатором политических мнений; огромное сомнение перло из его слов на меня <...>».¹²

Андрей Белый не в силах передать много лет спустя в конкретных аргументах и деталях содержание тогдашних разговоров и не пытается фантазировать на эту тему. Составить определенное представление о проблематике и тональности дебатов, ведшихся между ним и Семеновым, можно по двум письмам последнего, сохранившимся в архиве Белого, которые датируются тем же 1903 г. Первое из них — не самое первое в завязавшей переписке: утрачено как минимум одно письмо Семенова к Белому, содержавшее какие-то критические суждения по адресу московской группы поэтов-«декадентов», объединенных вокруг издательства «Скорпион», которое вызвало возражения со стороны Белого (он же, как можно судить по письму Семенова от 5 октября 1903 г., воспринял то послание как отповедь от имени петербургской группы, сплотившейся в «Новом Пути»). Письмо Семенова служит наглядным подтверждением вышеприведенных слов Белого относительно доктринального характера личности его автора (который отмечали и другие знавшие Семенова люди — в частности, товарищ по университету Ю. Бекман: «Его прямой и резкий характер требовал не только соглашения с ним, но даже подчинения <...>»¹³). Оно является ответом на неизвестное нам письмо Белого (ни одно из его писем к Семенову не сохранилось):

5. X. 1903.

Вчера получил Ваше письмо. Огорчило. Отложил его в сторону, занимался своим делом. Меня немного лихорадило, был нездоров. Взял

¹² Белый Андрей. Начало века. М., 1990. С. 278—279. В ходе встреч Белый и Семенов не только дискутировали на идеологические темы, но и знакомили друг друга с плодами своего художественного творчества. Свидетельство этого — процитированная в письме Белого к А. С. Петровскому от 18 августа 1903 г. первая строфа стихотворения Семенова «Свеча» (см.: Андрей Белый — Алексей Петровский. Переписка. 1902—1932. М., 2007. С. 67), опубликованного позднее — в ноябрьском номере «Нового Пути» за 1903 г. О чтении Семеновым этого стихотворения Белому в Москве свидетельствует в своих воспоминаниях Н. И. Петровская (см.: Жизнь и смерть Нины Петровской / Публикация Э. Гарэтто // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 8. Paris, 1989. С. 38).

¹³ Цит. по: Баевский В. С. Жизнестроитель и поэт. С. 451. Ср. наблюдения Ф. Ф. Зелинского в некрологической статье «Памяти Л. Д. Семенова» (1918): «При всей своей простоте это была натура властная; чувствовалось, однако, что эта властность имела не личный характер, а была обусловлена, наоборот, подчинением собственной личности идее» (Кто дошел до Оптинских врат. Известные материалы о Л. Семенове / Публикация В. С. Баевского // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. 1998. Т. 57. № 1. С. 57—58).

вечером Фета. Прочел подряд его элегии и думы. Вспомнил о Вас. Взял «Будем как Солнце» и тоже не отрываясь прочел почти всё до конца, и изумился. Какой грандиозный мир, какая сила! какой стих и какая искренность!

Я всех люблю равно, любовью равнодушной,

* * * * *
Я всех люблю равно, любовью безучастной.
Пожалейте, люди добрые, меня.¹⁴

Да я жалею его. Мне жаль его, мне жаль его, потому что ему нет выхода из его прекрасного, таинственного то светлого, то мрачного замка. Он в нем вечный узник, несчастный узник с утробным взором каторжника, он никогда, никогда никого не согреет, *никогда не станет солнцем*, никогда не станет горячим лучом. Станный он человек — он светит, его лучи ослепительно-переливны, но это — свет холодный, не греющий, не ласковый, «электрический» свет, не оживляющий, а мертвящий. Я ненавижу электрический свет — при нем живые лица мне кажутся мертвыми — механическими масками, пугают меня своей роковой безжизненностью, своей *непроизвольной* переменностью. Я пришел к вам издалека; там в лесу у меня мерзнет жалкое слабое существо; я пришел ночью, я шел на свет, я захватил с собою лучину, чтобы затеплить ее — бережно донести назад и там у себя развести костер и согреть любимое умирающее существо, — и я прихожу и вижу электрический фонарь — и нигде живой искры, о которую я мог бы зажечь свою лучину, ее унести к себе, и у себя развести костер. А там в лесу умирают... и в эту минуту вы начинаете мне толковать про мудрость и хитрость инженера, изобретшего фонарь, познавшего законы энергии, механики и т. д. и т. д., и каков же должен быть мой ужас, когда я узнаю, что этот самый гениальный ваш инженер — как милостыни просит у кого? у читателей, у малых сих?

Пожалейте, люди добрые, меня.
Мне уж больше не увидеть блеска дня.
Сам себя слепым я сделал, как Эдип.
Мудрым будучи, от мудрости погиб и т. д.

* * * * *
Я на солнце глянул, солнце разгадал и т. д.
* * * * *
Пожалейте соблазненного мечтой!¹⁵

¹⁴ Контаминация строк из стихотворений К. Д. Бальмонта «Я не могу понять, как можно ненавидеть...» и «Слепец» («Пожалейте, люди добрые, меня...»). См.: Бальмонт К. Д. Будем как Солнце: Книга Символов. М.: Скорпион, 1903. С. 199, 212.

¹⁵ Фрагменты из стихотворения «Слепец» (Там же. С. 212).

Несчастный! он соблазнен безумной мечтой! Изобретя свой электрический фонарь, он вообразил себе, что он изобрел солнце (разгадал его!), и с этим фонарем заперся в своем замке и живет в нем один — слепой, сам себя заковавший каторжник! и какой крик:

Пожалейте, люди добрые, меня!

Да, я его жалею! Но что же делать?

Простите, дорогой Борис Николаевич, всего бы меньше хотел я обидеть Вас, грубо задевать Ваши личные *человеческие* (как они меня приятно поразили!) чувства. Не о Константине Д. Бальмонте, человеке с рыжей бородкой, очень может быть, добром, любящем выпить, Вашем друге — и не о Валерии Яковлевиче Брюсове, человеке женатом и, конечно, не думающем о потехах с козой на лужайке¹⁶ — говорил и говорю я Вам, и не о *литераторах* Бальмонте и Брюсове — выразился я, что они лишни и пусты. Как от *литераторов* — от них ничего другого — кроме как корректности и литературной добропорядочности, и не требуется. Но что значит какое-то противоположение их Мережковским — в этом отношении? Я совершенно не понимаю! мое письмо к Вам — я думаю — не заключало в себе ничего такого, что могло бы дать Вам повод — считать его выражением взглядов Нового Пути, и ни я, ни Мережковские ничего подобного никогда и не думали выражать в печати! Это раз, а затем я лично за себя скажу, что не считаю себя обязанным скрывать свои мнения о Бальмонте и Брюсове — от «малых сих», с одним конечно условием: выражать эти мнения литературно. Т. е. так, чтобы они не вызывали такие прискорбные недоразумения, как мое письмо, написанное наспех, под впечатлением и лично к Вам. Иначе что это за странная жреческая каста, какое-то замкнутое деление на посвященных и не посвященных! И так я не говорил ни о Ваших друзьях Бальм<онте> и Бр<юсове>, ни о литераторах — в том узком смысле, как Вы это слово очевидно понимаете. Я говорил, если можно так выразиться, об их литературных личностях. И в этом смысле — если Вы это мое выражение поймете — я, простите, Борис Николаевич, — не беру и не могу — взять своих слов назад.

Я не собираюсь и никогда не собирался писать критических статей о Бальм<онте>, о Брю<сове>. Это, по-моему, *теперь* в том же смысле *лишнее* дело, как лишни и они сами. Но Ваше письмо побуждает меня сказать Вам кое-что из того, что я о Вас и о них думаю. Не *нотации* я Вам читаю — Борис Николаевич! — зачем такое обидное слово! Простите, если мое письмо приняло такой нежелательный вид, но мне

¹⁶ Обыгрываются строки из стихотворения В. Брюсова «In hac lacrimarum valle» («Весь долгий путь свершив, по высям и низинам...», 1902), впервые опубликованного в «Северных Цветах. III альманахе книгоиздательства «Скорпион»» (М., 1903) и вошедшего затем в его книгу «Urbi et Orbi»: «Мы натешимся с козой, // Где лужайку сжали стены» (Брюсов Валерий. Собр. соч.: В 7 т. М., 1973. Т. 1. С. 307).

иногда страшно за Вас, страшно и за себя. Может быть, в этом последнем признании Вы найдете для меня оправдание в моей резкости. Я, может быть, потому и резок — и даже пристрастен, необъективен — потому что не победил еще в себе Бальмонта и Брюсова — потому что борюсь с ними в себе. Вы пишете мне, что Вы бываете «взорваны», когда Вам начинают говорить о «декадентстве» *извне*. Во-первых, Вы, значит, *знаете*, что такое «декадентство». Дело тут, конечно, не в словесных определениях, о которых можно бесконечно спорить, но Вы, значит, *знаете*, что оно, если различаете «его» «внутри» и «его» «извне» — если бываете даже «взорваны», когда осмеливаются говорить Вам о нем «извне». Но Боже мой! все мое письмо только и было вызвано желанием, чтобы Вы искусились выйти из этого «декадентства», чтобы Вы хоть раз взглянули на него именно «извне» — проверили бы себя: прорыв ли это к солнцу — или к электрическому фонарю Бальмонта — то, что Вы чувствуете. Не запирайтесь в этом замке «Я» — как Бальмонт, как Брюсов, как раньше их Baudelaire, Verlaine, как до последнего времени Мережковский — иначе будет время, что и Вы, вместо того чтобы светить и *греть* других, придете к «малым сим» с криком: «Пожалейте, люди добрые, меня!» Не предостережение это Вам, не нотация, это — просто мои чувства к Вам. И в ответ Вы лепечете мне азбучные истины, и поистине «нотации». Ну кто же спорит, что *легкомысленно* говорить про человека: он — лишний! не Раскольников я! и не сотрудник Петербургского листка,¹⁷ чтобы сказать про Бальмонта и Брюсова — они *пустые* люди — в том смысле как говорят — «она — пустая барынька»! Азбучная это истина — говорить, что все — нужно, все существует, следовательно, все нужно, все чем-нибудь обусловлено и что-нибудь собою обуславливает. Легко сказать, что Бальмонт — сын своего века, плод мучительных, исторических, нравственных, философских переживаний и т. д.! O sancta simplicitas! Вы чисто по-бальмонтовски убегаете от *ответственности* суда, от суда над собой в блаженную тишь холодного философского сознания; я — сын своего века, я чудный таинственный тропический цветок — выросший на почве таких-то и таких-то переживаний, — возделанной такими-то и такими-то гениями, — и вот как я сложен и чуден! любуйтесь мною! О! я знаю, что в миллионы раз легче сказать: «я знаю, что ничего не знаю», «все существующее законно» — и, удовлетворившись такой азбучкой, сложа руки любоваться своим отражением в «книге символов» — чем взять метлу в руки и сказать: я знаю, что — добро и что зло, и что *нужно* и что — *ненужно*, — идите, «малые сии», я от-

¹⁷ «Петербургский Листок» — выходившая с 1864 г. ежедневная газета, популярная в малообразованных слоях населения; выражала ретроградные эстетические взгляды.

мету сор от бисера! и прежде всего это сделать *в себе*. Ведь тут суд! тут страшная ответственность суда, тут *личное дерзание*, тут подвиг! А там ничего — холодное зеркало — сознания! Возьмите книгу «Будем как солнце» — Боже мой! какая мерзлая, механическая ретроспективность! Какое убийственное отсутствие личного дерзания, личной смелости, подвига! Какая азбучная философия. Чисто механическое отражение — личности, правда — может быть, сложной, глубокой, великолепной, как Арум,¹⁸ — но ведь это не жизнь — не биение, не стремление — не прорыв! И я беру на себя дерзость и смелость сказать, что это *ненужно и лишне*, оговорюсь: *теперь* и не так просто, огулом, *а для того*, о чем грезите Вы, о чем плачет в своей каторге сам Бальмонт, и в стремлении к чему — быть может — сходимся *мы*. Это — нужно, но чисто отрицательно — поучительно, что вот, мол, люди — бились, стучались в дверь, просили солнца и получили электричество вместо него, сначала обрадовались, а потом плакали: — пожалейте, люди добрые, нас! Это было нужно — но только потому, что это неизбежно, а не в прямом телеологическом смысле. Было нужно, чтобы *по пути* люди вошли в эти страшные замки — *заглянули*: — не в них ли то, чего мы ищем и жаждем, и вот, нагоняя страх на нас, идущих им вслед, — несется из этих замков как *предостережение* — их крик: Пожалейте нас, люди добрые. Пожалейте нас, соблазненных лживой мечтой! И мы идем *мимо*, потому что мы не потеряли еще надежды найти огонь солнца, зажечь о него свои светильники, разнести их по хижинам «малых сих», спалить ими стены проклятых замков, освободить каторжников и из «сумрачных и гордых паладинов»¹⁹ — сделать их ласковыми светлыми детьми. Но довольно! мы, может быть, говорим разными языками! Не беру и слова «пустой» назад. Не потому только, что пусто — это созерцание своих переживаний, и их отражений в символах, а и потому что — заверяя меня в литературной добропорядочности Брюсова, в чем я и не сомневался, Вы не доказали мне, что Брюсов — не нигилист, т. е. чтобы в нем было хоть что-нибудь, на что бы он мог опереться в личных дерзаниях, которые у него точно так же отсутствуют, как и у Бальмонта. Он *ничего не знает*, вот что я о нем думаю, пока не докажут мне противного. Он занят только собой, потому что, как и Бальмонт, умывая руки от всякого суда, он — безвольно созерцает поток своего сознания, свои переживания, текущие как река перед ним, мимо, сами собой и больше ничего. Он — индифферентист. Но я чувствую, что Вы меня опять не поймете. Но что соб-

¹⁸ Намек на стихотворение Бальмонта «Арум» («Тропический цветок, багряно-пышный арум!...») (Бальмонт К. Д. Будем как Солнце. С. 146).

¹⁹ «Я сумрачный, я гордый паладин» — заключительная строка сонета Бальмонта «Крестоносец» («Ни ревности, ни скуке, ни злословью...») (Там же. С. 136).

ственно дало мне повод так резко высказаться о Брюсове, — так это — известие, что он бежит в Париж. Как?! теперь, когда здесь готовятся, зреют решающие, грозные события, когда готовится каждому испытание в его личной вере и крепости, он бежит... Для чего? Простите — я не могу себе это иначе представить, как так: Ему надоело, наскучило созерцать одну и ту же переменность своей личности, одно и то же течение своего сознания — и вот, чтобы его разнообразить, он прибегает к такому детскому, простому чисто *механическому* средству — замене одних внешних впечатлений другими. Там новые улицы, новые физиономии, люди, языки — они станут новыми элементами его переживаний, новой пищей его механически их воспринимающего и пережевывающего сознания. Будет все-таки — некоторое разнообразие, перемена белья, она не замедлит отразиться и в какой-нибудь «книге символов». Ее прочтут московские друзья и превознесут за новизну. Как это просто! Так это или не так? В ответ на это Вы толкуете мне о том, что Афанасий Афан<а>с<ьевич> Шеншин — не Фет, который говорит про себя «с бородою седою — верховный я жрец».²⁰ Да неужели?! Ужели эта необыкновенная истина только вам и открыта в ваших теософских кружках в Москве?! — Я, конечно, не Вы, и еще менее Фет, и Брюсов, но представьте себе! и я *знаю*, что я не мал, когда говорил про себя: Я — горный дух непобежденный. Но изменяет ли это хоть что-нибудь в том, против чего я спорю!? Эта личность (индивидуальность, по Вашей терминологии) — может ошибаться и падать, может обнаруживать декадентство (упадок), бессилие и обнаруживает его, когда, как Бальмонт, отказывается от всякого *делания*, покорствуется механической игре своего течения (эта личность — всегда течение, переменность Бальмонта). Это не переоценка всех ценностей, а отказ от всякой оценки — т. е. именно *делания* (какое же *другое* делание можно требовать от *этой* личности — не маханье же топором и руками?!) — так это отказ от *деланья*, говорю я, — когда Бальмонт говорит: Я ничей, полюбил я беспутство свое,²¹ Все равно мне, человек плох или хорош²² и т. д. и т. д. до бесконечности. Решите сами, что легче? Сказать ли, что я не знаю, что добро и что зло? ибо все существует — во мне и следовательно — все законно едино, рав-

²⁰ В неизвестном нам письме Белый противопоставлял А. А. Фета — сына помещика А. Н. Шеншина, т. е. частное лицо, Фету-поэту. Стихотворение Фета «С бородою седою верховный я жрец...» (1884) Белый неточно цитирует в «Симфонии (2-й, драматической)» (1901). См.: *Белый Андрей*. Симфонии. Л., 1991. С. 157—158.

²¹ Имеется в виду первая строка стихотворения «Я полюбил свое беспутство...» (*Бальмонт К. Д.* Будем как Солнце. С. 76).

²² Первая строка стихотворения (Там же. С. 70).

но — или взять меч и разрубить себя пополам и сказать про одну половину, она добро, а про другую: она — зло. Ведь первое ни к чему не обязывает! и потому оно и бесплодно и, по-моему, лишне, а второе осуждает — взявшего меч на вечный подвиг, обязывает к неустанной напряженности, к вечному мучительному «настороже» и деланию! Первое — по-моему — трусость бессилия, Пилатовское умывание рук. Против него-то в декадентстве я и спорю, его-то и боюсь, боюсь за Вас, не легкость ли его — Вы приняли за прорыв из мучительной, нудной борьбы Достоевского, Толстого, ибо уж они-то не уставали в своем мучительном делании! А вы что?

Вы говорите про символизм — ничего против этого не спорю. Но зачем Вы как-то таинственно завертываетесь при этом в плащ жреца! Может быть, — вы и знаете об этом что-нибудь большее, чем я! Но пока вы не откроете этого, я наравне с *profanum vulgus*²³ буду только недоверчиво улыбаться. Простите, иначе не могу! побольше трезвости! Будем как солнце, но не солнцем при затмении. — Приглашая Вас стать «извне» — не ко всему тому, что Вы называете декадентством, — а вот к тому, о чем я говорю в этом письме, — я не звал Вас стать перебежчиком в другой лагерь, потому что сам ни к какому лагерю не принадлежу. Зачем Вы притащили за волосы либерализм и даже марксизм сюда?! — Не отрицаю глубины личности у Бальмонта, вернее, глубины философского прозрения своей личности — у него, знаю у Брюсова — в высшей степени прекрасную и трогательную, человеческую черту — но это все несколько не касается того, о чем я говорю. Допускаю даже и то, что я их неправильно односторонне понимаю, но это все не исключает моего страха за Вас, и если Вы меня не понимаете, то тем страшнее мне за Вас. Но тогда оставим споры.

Кто этот епископ? Антоний и какие у Вас с ним отношения?²⁴ Приедете ли в Петербург? Простите за все, что Вам могло быть больно читать в том и в этом моем письме.

²³ Непосвященной толпой (лат.).

²⁴ Епископ Антоний (в миру Михаил Флоренсов; 1847—1918) — духовный наставник Андрея Белого в 1903—1904 гг. (см. о нем в письме А. С. Петровского к Э. К. Метнеру от 5 октября 1903 г., приводимом в статье Джона Малмстада «“Мой вечный спутник по жизни”. Переписка Андрея Белого и А. С. Петровского: Хроника дружбы» в кн.: Андрей Белый — Алексей Петровский. Переписка 1902—1932. С. 22—23; также: Андроник, иеромонах. Епископ Антоний (Флоренсов) — духовник священника Павла Флоренского // Журнал Московской Патриархии. 1981. № 9. С. 71—77; № 10. С. 65—73). В «Воспоминаниях о Блоке» Белый приводит слова Семенова об Антонии (произнесенные, безусловно, в более позднее время): «Я не знаю, кто больше — Толстой, или этот епископ» (Белый Андрей. О Блоке: Воспоминания. Статьи. Дневники. Речи. М., 1997. С. 77).

Рад за Вас, что Вы отказались от своих фантастичных экономических (sic!) планов.²⁵ Но Ваши благодарности звучат для меня странно.

Преданный душой

Леонид Семенов.

6. X. 1903.²⁶

«Антидекадентская» позиция и обличительный пафос, столь наглядно продемонстрированные в этом письме, во многом предвосхищают дальнейшую эволюцию Семенова, которая приведет его в конце концов к разрыву с литературным миром, к отказу от «искусственных» эстетических ценностей ради ценностей религиозно-этических, коренящихся в простонародном жизненном укладе. Оппозиция по отношению к идейно-эстетическому канону «старших» символистов ни у одного из «младших» представителей этого направления не была обозначена столь резко, как у Семенова. Андрей Белый во многом разделял его установки, противопоставляя индивидуалистическому «декадентству» символизм религиозно-теургического толка, представлявший ему истинным символизмом, освященным высшими «жизнетворческими» целями, но признавал тем не менее художественные достижения «старших» безусловными и воспринимал их как надежный и необходимый плацдарм для дальнейших исканий. Судя по некоторым замечаниям Семенова, Белый готов был также истолковывать его инвективы как продиктованные своего рода «партийной» предрасположенностью — критической позицией петербургской группы «Нового Пути», руководствующейся религиозно-обновленческими идеями, по отношению к московскому самоценному эстетизму, насаждавшемуся в издательствах «Скорпион» и «Гриф» — основных литературных пристанищах Белого. По всей вероятности, эти или сходные с ними аргументы были сформулированы в его ответном письме, на которое последовал приводимый ниже отклик Семенова:

²⁵ Подразумеваются попытки Белого найти себе место службы или постоянный источник доходов — актуальные после окончания Московского университета и смерти отца. 6 июля 1903 г. он писал Брюсову: «В погоне за средствами строю различные фантастические проекты, вроде чтения публичных лекций по разным городам России и т. д.» (Литературное наследство. Т. 85. Валерий Брюсов. М., 1976. С. 358). В автобиографических записях об октябре 1903 г. Белый свидетельствует: «...профессор Лахтин <...> уведомляет меня, что мне приготовлено место преподавателя естествознания в женском Александровском Институте; но я уже вновь передумал <...>» (Белый Андрей. Материал к биографии. Л. 40 об.).

²⁶ РГБ. Ф. 25. Карт. 22. Ед. хр. 23. Приводимые далее письма Семенова к Белому хранятся под этим шифром.

11. X. 1903.

Дорогой Борис Николаевич.

Никогда я на Вас не обижался и не обижаюсь. Не буду с Вами полемизировать. Но в заключение позвольте и мне кое-что еще прибавить. Не *формально* бросить Скорпион и Грифа советовал я Вам. Печататься-то, может быть, нигде, как у них, и не стоит. Но Ваше намерение читать лекции — меня (поверьте мне!) испугало за Вас, и его (может быть, и ошибочно) я приписал той атмосфере, которая несомненно Вас окружает — в обоих органах. Вот против нее-то я и писал. Вот и всё. Теоретически же не соглашаюсь и спорю я не против *чистой поэзии*. Напрасно Вы смеетесь надо мной! — а против той теории и теории именно — Московского декадентства, практическим последователем которой является Бальмонт и которую Брюсов ясно формулировал — напр<имер>, в последнем № Мира искусства в статье о Бальмонте стр. 31. «Вольно подчиняться смене всех желаний, вот — завет».²⁷ Этот-то завет я и называю отказом от всякого личного подвига, дерзания, и даже от личной жизни и спорить против него готов до бесконечности — вот и всё.

Относительно своего желания уехать из России — в Париж или куда-нибудь совсем — мне говорил сам Брюсов в Москве. Теперь я слышал подтверждение этому от лица, приехавшего из Москвы и видевшего Брюсова.²⁸ Никто тут об этом не «болтает» и этим вообще никто не интересуется. Жалею, что наша переписка вышла такой неудачной. Виноват, конечно, я. Но мне самому всего неприятнее то, что Вы мои ошибки и промахи как-то невольно переносите на Новый Путь — и даже весь Петербург. Самое лучшее, приезжайте сюда сами. Я в Москву раньше весны не попаду, но не во мне — дело. В Петербурге же многое обстоит лучше, чем Вам это кажется.

Искренно и всей душой сочувствующий Вам

Леонид Семенов.

Скоро ли появятся в магазинах Ваши вещи? Жду их с нетерпением.²⁹ Еще раз прошу — не обращайтесь на «тон» моих писем.

²⁷ Фраза из развернутой рецензии Брюсова на книгу Бальмонта «Будем как Солнце» (Мир Искусства. 1903. № 7/8. С. 29—36). См.: Брюсов Валерий. Среди стихов. 1894—1924: Манифесты. Статьи. Рецензии. М., 1990. С. 79.

²⁸ Намерение Брюсова уехать на длительный срок за границу тогда не было осуществлено.

²⁹ «Северная симфония (1-я, героическая)» Андрея Белого (М.: Скорпион, 1904) вышла в свет в середине октября 1903 г. В это же время в издательстве «Скорпион» готовилась к печати книга стихов и лирической прозы Белого «Золото в лазури», появившаяся в конце марта 1904 г.

Сам крайне сожалею — что я так неровен, невыдержан — и потом, может быть, и несправедлив в частностях.

Весь Ваш — Л. С.

Приведенные письма относятся к раннему этапу духовной эволюции Семенова — в ипостаси «стихотворца» (согласно определению Гиппиус), нашедшей свое завершенное воплощение в его «Собрании стихотворений», вышедшем в свет в начале мая 1905 г. и встреченном в целом благосклонно (так, Н. Е. Поярков заключал: «Стихи стыдливо робки, неуверенны. <...> Но на них лежит свежее дыхание таланта; молитвы и искания Л. Семенова искренни и часто очаровательны <...>. Если приклеивать ярлык, молодого поэта можно причислить к той школе, во главе которой стоят Андрей Белый и Ал. Блок. Мистический налет, искание Бога, жажда озарений — вот штрихи, бегло набрасывающие схему этой школы. Всё, конечно, в рамке красивой внешности кованного стиха и звонких рифм»³⁰). Последующие письма

³⁰ Поярков Ник. Поэты наших дней (Критические этюды). М., 1907. С. 131.

В архиве Андрея Белого сохранился беловой автограф стихотворения Семенова, в переработанной редакции под заглавием «Глас к заутрени» вошедшего в «Собрание стихотворений» (см.: Семенов Леонид. Стихотворения. Проза. С. 17—18). Приводим его текст по автографу (РГБ. Ф. 25. Карт. 32. Ед. хр. 9):

ПРЕМУДРОСТЬ

София

В одеждах ярких и пунцовых
Пройду я мимо темных братий,
О, не для них, всегда суровых,
Бездумность девственных объятий!

Сестры, Невесты и Царицы
Я жезл безлиственный несу.
Да будут старцев власяницы
Как листья прошлые в лесу.

В божнице явно ставлю свечи,
Готовлю ткани и венки,
Слагаю песни страшной встрече
И забываю в песнях срок.

Придет Жена — Премудрость — Дева,
Свершит молитвенный обряд.
О, не для временного сева
Нам старцы ниву бороздят.

Премудрость, — жертва — и Царица,
Твоя то кровь у алтаря —
Твои — венец и багряница,
Венчай для утрени Царя!
15. IV. 1904.

к Белому относятся к той поре, когда Семенова-«стихотворца» вытеснил Семенов-«мятежник» — опять же по слову Гиппиус. Демаркационной линией в данном случае стало 9 января 1905 г., «Кровавое воскресенье».

Расправа над безоружными манифестантами, свершившаяся у него на глазах, перевернула весь внутренний мир Семенова, питавшийся до того идеей единства царя и народа. Белый свидетельствует в мемуарах: «...он шел 9 января в первых рядах с толпою рабочих, чтоб видеть, как царь выйдет слушать петицию; шел как на праздник, чтоб видеть осуществление идеи своей; когда грянули залпы, он в первых рядах был; кругом него падали трупы; он тоже упал, представляясь убитым; и этим лишь спасся; в течение нескольких дней он переродился».³¹ Ранее аполитичный поэт, имевший в традиционно спокойной студенческой среде «относительно радикальные убеждения»,³² стал ярким революционером. Приехавший из Москвы в Петербург в тот знаменательный день Андрей Белый вспоминает о Семенове: «...он был как помешанный; эдакой злобы ни в ком я не видел в те дни; в течение нескольких дней бегал он с револьвером в кармане и жертву из светского круга себе выбирал <...> В эти дни проживал с Мережковскими; Леонид Семенов, растерзанный, дикий, в пальто, раз влетел в мою комнату; вывел из дома; таскал по Летнему саду, рассказывал, как он на лестнице где-то встретился с князем великим Владимиром-де, совершенно случайно, один на один; инстинктивно схватясь за карман, хотел выхватить свой револьвер, чтобы выстрелить; а Владимир откинулся, по его словам, устрасясь инстинктивного жеста; он же, увидя Владимира беззащитным, — он-де... не мог...»³³

Ко времени пребывания Белого в Петербурге с 9 января по 4 февраля 1905 г. относится записка Семенова к нему:

Дорогой Борис Николаевич.

Очень бы хотел повидаться с Вами еще раз. Застану ли Вас в субботу вечером³⁴ и удобно ли это Мережковским? Передайте им, пожалуйста, мой поклон.

Ваш Леонид Семенов.

20 I 1905.

«Мятежник» Семенов до поры до времени еще сохранял прежние литературные интересы и предпочтения — включая готовность и даже

³¹ *Белый Андрей*. Начало века. С. 279.

³² *Зелинский Ф. Ф.* Памяти Л. Д. Семенова // *Известия Академии наук. Серия литературы и языка*. 1998. Т. 57. № 1. С. 58.

³³ *Белый Андрей*. Начало века. С. 279—280.

³⁴ Суббота — 22 января.

желание печататься в «декадентских» изданиях, к руководителям которых он относился весьма пристрастно. Как явствует из его коротких писем к Белому, относящихся к 1905 г., он живо интересуется судьбой своей драмы «Огонь», представленной на суд Брюсову еще в 1904 г. В том же году он выслал Брюсову для публикации 14 своих стихотворений, добавляя в сопроводительном (недатированном) письме: «...прошу уведомить меня, когда прочтете мою драму-сказку — Огонь. Если ей невозможно будет появиться под Вашей фирмой — то я бы хотел это узнать скорее, т<ак> к<ак> нуждаюсь в деньгах и мог бы ее куда-нибудь пристроить. Но нечего и говорить — насколько мне лестно попасть в Ваши крестники».³⁵ 27 декабря 1904 г. Семенов повторял Брюсову свой запрос: «Меня очень тревожит судьба моей рукописи сказки “Огонь”, которую передал Вам в апреле 1904 г. через Бугаева — и о которой Вы говорили мне в конце этого августа. Что с ней?»³⁶ Не дождавшись ответа, Семенов возобновил хлопоты через Белого:

10. II. 05.

Дорогой Борис Николаевич.

Напишите, пожалуйста, о том, о чем я Вас просил — о моей сказке «Огонь» и о стихах, которые взял *Брюсов*; очень одолжите.

Ваш Леонид Семенов.

Невский 104, кв. 244.

Дорогой Борис Николаевич.

Убедительно прошу откликнуться — и дать мне ответ Брюсова! Почему такое молчанье — или имею я право всеми стихами, посланными на Скорпион, — располагать по своему усмотрению? Напишите, что моя сказка «Огонь»!!! Ведь я жду уже почти год, и если не получу от Вас ответа, буду считать, что у меня все с Брюсовым кончено.

За рукописью сказки сам приеду в Москву и представлю ему счет на проезд. Простите меня за грубость. Но ведь довели же меня. Жду целый год.

Ваш Леонид Семенов.

Невский, 104, к<в>. 244.

22. II. 1905.

Просьбу сообщить, как обстоит дело с его драмой-сказкой, содержит еще одно недатированное письмо Семенова к Брюсову, в котором особо подчеркивалась необходимость получения скорейшего ответа: «Я теперь очень нуждаюсь в деньгах, потому что должен был покинуть родительский кров, где до сих пор спасался от житейских

³⁵ РГБ. Ф. 386. Карт. 102. Ед. хр. 30.

³⁶ Там же.

волнений и корысти».³⁷ По всей вероятности, рукопись драмы была в конце концов возвращена автору и не сохранилась — погибла вместе с другими бумагами Семенова при уничтожении его жилища в декабре 1917 г. Из четырнадцати присланных Брюсову стихотворений два были напечатаны в «скорпионовском» альманахе «Северные Цветы Ассирийские» (М., 1905).

Слова Семенова об оставлении им «родительского крова» намекают на перемену всего образа жизни в дни революционных волнений. Поэт отказался от сдачи выпускных экзаменов в университете, примкнул сначала к социал-демократам, а затем, под воздействием Марии Добролюбовой, перед которой преклонялся и которую любил и боготворил, к эсерам, в конце 1905 г. отправился в Курскую губернию для агитационной работы. Очередное письмо Семенова к Белому — ответ на не дошедшее до нас:

26. VIII. 05.

Дорогой Борис Николаевич.

Я — в Москве. Страшно жалею, что Вас не застал. Но, может быть, еще скоро увидимся. Гостил два дня у Блока. Много говорили о Вас.³⁸ Получил Ваше письмо. Спасибо за него и за память. Мой адрес пока: Москва, Волхонка, д<ом> Волкова, кв<артира> д-ра Орлова. После 1-го сентября Ряз<анская> губ<ерния>, почт<овая> ст<анция> Урусово. Им<ение> Гремячка.

Преданный Вам Леонид Семенов.

Правомерно предположить, что Белый написал по указанному адресу, в родовое гнездо Семеновых, и получил ответ — следующее недатированное письмо:

Дорогой Борис Николаевич, спасибо Вам за письмо, за похвалы стихам, за упоминание обо мне в вашей статье о Северн<ых> Цветах...³⁹ Но, право, не стоит... Стихи мои — плохи. Это — не то. Я ухожу от Вас все дальше и дальше, от Вас всех к толпе, уже многое не различаю за дальностью, подчас хочется злобно, жестко смеяться. Смешон Брюсов, смешны Вы, но Вас почему-то люблю, по-настоящему, часто думаю о Вас. Хочу что-то услышать от Вас о Вас самих. Хотя знаю, что если увидимся, будем тупо, нехорошо молчать, ничего не скажем

³⁷ Там же.

³⁸ Благодаря А. Блока в письме от 10 сентября 1905 г. «за гостеприимство в Шахматове, за милые <?> часы прогулок, бесед», Семенов сообщал: «Вот уже две недели как я в деревне. В Москве Бугаева не застал и пробыл в ней всего 2 дня» (РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 397).

³⁹ Подразумевается лаконичная оценка в рецензии Андрея Белого на альманах «Северные Цветы Ассирийские»: «Интересен Л. Семенов» (Весы. 1905. № 6. С. 70).

и разоидемся. Если хотите знать, что делаю, то скажу. Весь год был в мучительных переживаниях, никому, кроме меня, не нужных и не интересных. Был оторван от жизни Вашей, всякой, общественной... Теперь вернулся, но не к Вам, не к Вашим. Пишу роман, настоящий. Думаю, что *делаю дело*, нужное, важное, *тенденциозное*.⁴⁰ Чувствую себя хорошо. Вы и Ваши осудят, или не обратят внимание. Но мне это безразлично — и это мне жаль. Хотелось бы и с Вами чувствовать связь. Если пишете Блоку, поклонитесь от меня. Его люблю. Вас также.

Ваш искренне преданный

Леонид Семенов.

Если пишете или увидите Брюсова, поблагодарите от меня за статью обо мне и хорошее пожелание. Мнение его знал и раньше, а пожелания не ожидал.⁴¹

Осенью 1905 г. Семенов некоторое время провел в Москве, оказался вхож в литературно-общественный кружок П. И. Астрова, в котором активно участвовал Белый. Последний свидетельствует в «Воспоминаниях о Блоке»: «...вращался в то время Семенов меж нами; проездом застрял он в Москве; он бывал у меня и на астровских средах; они ему нравились <...> на похоронах Трубецкого он бурно рас-

⁴⁰ Ср. сообщение в письме Семенова к Блоку от 10 сентября 1905 г.: «Роман подвигается хорошо, правда не очень скоро, но уверенно, упорно» (РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 397). Извещение о том, что Семенов «пишет роман на современные события», появилось в «Биржевых Ведомостях» 15 сентября 1905 г. (Некрологи как источники для биографии Л. Семенова / Публикация Н. А. Сафроненковой // Русская филология. Ученые записки <Смоленского гос. ун-та>. Т. 10. Смоленск, 2006. С. 157). С. Н. Дурылин в некрологическом очерке о Семенове «Бегун» свидетельствует, что отрывки из своего «большого романа» «читал он в литературных кругах»: «Помню, как однажды после такого чтения Семенова у всех создалось впечатление: “У нас будет замечательный роман из революционных дней 905 года”» (Понедельник Власти народа. 1918. № 5. 1 апреля). Имеют ли непосредственную связь с опубликованными в 1907—1908 гг. прозаическими произведениями Семенова эти фрагменты «большого романа» или нет, нам неизвестно.

⁴¹ Имеется в виду рецензия Брюсова на «Собрание стихотворений» Семенова (Весы. 1905. № 6. С. 55—56). Цитируя в ней «одно из лучших стихотворений в сборнике» — «Земля» — со строками «Солнечность, солнечность, в лоно // Свято ко мне низойди!», Брюсов заключает: «Будем надеяться, что и в душу поэта низойдет “солнечность”, что его весеннее утро сменится буйно-томительным днем творчества». Общая оценка книги Брюсовым — сдержанно-доброжелательная, с преобладанием критических нот: «Стихи осторожные, обдуманые, хочется сказать, благонамеренные. Ничего резкого, неожиданного, отважного. Благодаря этому нет прямых недочетов, смешных промахов, но зато нет и настоящих достижений, нет истинного сияния. <...> иные стихотворения — просто подражания своеобразной манере А. Блока: та же отрывочность, та же недоговоренность. Но в стихе Л. Семенова, в общем тусклом, однозвучном, нет той напевности, которая иногда дается Блоку» (Брюсов Валерий. Среди стихов. С. 149—150).

талкивал толпы, устраивал цепь; были вместе мы».⁴² Наверняка Белый имел возможность в те дни убедиться в прямоте и искренности тех признаний, которые содержатся в приведенном выше письме Семенова, в том, что в его внутреннем мире происходит серьезная ломка, ведущая к кардинальной переоценке прежних убеждений. Андрей Белый также переживал тогда всплеск «левых», радикальных общественных настроений, пытался обнаружить линии сближения между социально-политическими и религиозно-преобразовательными целями, и резкий идейный поворот Семенова, конечно, был ему понятен, а в некоторых областях интересы и тяготения его и Семенова обнаруживали прямые соответствия — в частности, в сфере чтения. В автобиографическом очерке «Почему я стал символистом...» (1928) Белый вспоминает о себе в 1905 г.: «...много читаю по социологии (Каутский, Маркс, Меринг, Зомбарт, Штаммлер, Кропоткин, Эльцбахер и ряд других книг)»;⁴³ сходные увлечения — и у Семенова: «Набросился на Маркса, Энгельса, Каутского, — сообщает он Блоку 10 сентября 1905 г. — Открытия для меня поразительные! Читаю Герцена, Успенского. Всё новые имена для меня!»⁴⁴ Существенное различие при внешнем сходстве устремлений, однако, заключается в том, что Белый пытается символистским миропониманием охватить, вобрать в себя социальное содержание, а Семенов решительно освобождается от символизма и полностью отдается общественно-политической жизни.

Последнее из писем Семенова, относящихся ко времени революционного подъема, отправлено перед отъездом из Москвы в Петербург.

8. X. 05.

Дорогой Борис Николаевич, ужасно жалею, что так спешно собрался в Петербург и сегодня Вас не увижу. На городской станции, где я хотел взять билет на завтра, мне сообщили, что билеты не выдают ввиду ожидаемой забастовки, и советовали ехать сегодня. Боюсь терять время, забастовка продолжится, может быть, долго и будет все неудобно, решил собраться сейчас.

⁴² Белый Андрей. О Блоке. С. 186. Похороны философа и общественного деятеля князя С. Н. Трубецкого, превратившиеся в политическую манифестацию (за гробом шло около 50 тысяч человек), состоялись в Москве 3 октября 1905 г.

⁴³ Белый Андрей. Символизм как миропонимание. М., 1994. С. 440.

⁴⁴ РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 397. В другом (недатированном) письме к Блоку, относящемся к маю 1905 г., примечательны суждения Семенова о романе Чернышевского «Что делать?»: «Поразительная вещь, мало понятая, неоцененная, единственная в своем роде, переживет не только Тургенева, но, боюсь, и Достоевского. Сие смело сказано. Но по силе мысли и вере она равняется разве что явлению Сократа в древности. Говорю это объективно — ибо ведь и в учении Сократа была основная ошибка, но это не помешало ему сделаться вечным» (Там же).

Повторяю свое обещание участвовать в одном из Ваших благотворительных и общественных вечеров. Для него специально приеду и буду рад всех вас опять увидеть. Все будет зависеть от ваших решений и от... финансов, что, впрочем, едва ли явится препятствием. Поклон Льву Львовичу и всем.⁴⁵ До свиданья.

Леонид Семенов.

Мой адрес: СПб. Невский, 104. Комн<ата> 242.

После этого Белый и Семенов не виделись почти два года. За это время Семенова дважды арестовывали за революционную пропаганду среди крестьян: почти весь 1906 г. он провел в заключении (свои тюремные переживания и впечатления он отразил в стихах и прозе, публиковавшихся в 1907 г. в журнале «Трудовой Путь»); тяжким испытанием стала для него смерть М. Добролюбовой 11 декабря 1906 г., накануне его освобождения из тюрьмы.⁴⁶ Тогда же ему суждено было пережить новый идейный и духовный переворот, побудивший его полностью изменить характер своей жизни, — отказ от революционной деятельности, поиск истины на религиозных путях, приобщение к учению Л. Н. Толстого. Он несколько раз посещает Толстого (впервые — 22 июня 1907 г.) и вступает в переписку с ним.⁴⁷ «Помогай вам Бог неустанно двигаться на том пути, к<оторый> вы избрали, — писал Толстой Семенову. — Он единый истинный»; «Я больше, чем желаю любить всякого человека, полюбил вас».⁴⁸ Семенов оказался одним из тех немногих, кто в своем жизненном укладе осуществил заветы Толстого — превратился из «мятежника» в «работника» и «странника» (определения З. Гиппиус): трудился батраком у крестьян, шахтером, жил среди сектантов (сблизился с А. М. Добролюбовым и его последователями), отказался от материального достатка, полностью прекратил

⁴⁵ Подразумеваются посетители «сред» П. И. Астрова. Лев Львович — Кобылинский (псевдоним — Эллис; 1879—1947), поэт, переводчик, критик; завсегдадай «астровских» собраний.

⁴⁶ См.: Азадовский К. М. Александр Блок и Мария Добролюбова. С. 33—35, 41—43; Баевский В. С. Леонид Семенов и Мария Добролюбова // Русская филология. Ученые записки <Смоленского гос. пед. ун-та>. Т. 7. Смоленск, 2003; Александр Блок в дневнике Е. П. Иванова (1903—1941) / Подготовка текста, вступ. статья и комментарии О. Л. Фетисенко // Александр Блок. Исследования и материалы. СПб., 2011. С. 347—350.

⁴⁷ См.: Сапогов В. А. Лев Толстой и Леонид Семенов (об одном корреспонденте Л. Н. Толстого) // Ученые записки Костромского пед. ин-та им. К. Д. Ушинского. Вып. 20. Кострома, 1970. С. 111—128; Баевский В. С., Романова И. В. Лев Толстой и Леонид Семенов (По неопубликованным материалам) // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2004. Т. 63. № 5. С. 40—48.

⁴⁸ Письма от 7 июля и 8 августа 1907 г. // Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. М., 1956. Т. 77. С. 153, 175.

литературную деятельность и лишь от случая к случаю встречался с представителями образованного общества.

Примечательно, что из прежнего круга своих знакомых Семенов и на новых жизненных путях готов был выделять Андрея Белого. М. А. Бекетова в дневниковой записи от 25 декабря 1906 г. передает слова о Семенове своей сестры (матери Блока) А. А. Кублицкой-Пиоттух: «Думает, что правы одни социал-демократы, и презирует поэтов. Признает только Андрея Белого».⁴⁹ Возобновил общение с Белым Семенов уже в ипостаси «работника» и «странника». Белый относит эту новую встречу к сентябрю 1907 г.: «В этот месяц появляется от Льва Толстого Леонид Семенов, уже „добролюбец“; мы проводим с ним 2 дня».⁵⁰ «...Я едва в нем признал, — вспоминает Белый, — поражавшего некогда талантом студента; густая, всклокоченная борода, армяк, валенки; сел со мной рядом; насупясь, рассказывал, как батраком он работал».⁵¹

Разумеется, подобные контакты — даже при сохранении взаимной симпатии — могли быть только эпизодическими, и описанная встреча Белого и Семенова была, по всей видимости, одной из последних.⁵² «Простое, чистое творчество жизни» («Листки», 1907),⁵³ обретенное Семеновым, не могло подменить того чаемого «жизнетворчества», которое всегда оставалось важнейшей ценностью для Андрея Белого и целью всех его устремлений. Белый не мог и не хотел свою теургическую утопию минимизировать до совокупности элементарных истин, которые исповедовал Семенов после своего «ухода»: «Крестьянский труд, радость жизни среди простых и чистых людей труда, молитва, молчанье да песни <...>».⁵⁴ Белый, с его едва ли не физиологической потребностью в писании, в многословном и «изукрашенном» словесном воплощении своих мыслей, переживаний и творческих фантазий, никогда не мог бы солидаризироваться с ригористическими утверждениями в семеновских «Листках» о том, что «писание — это окостевание всего живого», «писать — это значит не верить живому делу», и т. п.⁵⁵ Истина вне интеллектуального и художественного поиска для Белого невозможна, для Семенова же истинный путь — в при-

⁴⁹ Литературное наследство. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования. М., 1982. Кн. 3. С. 620.

⁵⁰ Белый Андрей. Ракурс к Дневнику, л. 41.

⁵¹ Белый Андрей. Начало века. С. 280.

⁵² Сохранилось недатированное письмо Белого к Н. П. Киселеву, помещенное в подборке его писем за 1910 г., с оповещением: «Приходите ко мне в 8—8 ½ часов. У меня читает Л. Д. Семенов» (РГБ. Ф. 128, архив Н. П. Киселева).

⁵³ Семенов Леонид. Стихотворения. Проза. С. 209.

⁵⁴ Дурьлин С. Н. Бегун // Понедельник Власти народа. 1918. № 5. 1 апреля.

⁵⁵ Семенов Леонид. Стихотворения. Проза. С. 216.

общении к народной среде и растворении в ней, приобщении через нее к Богу. «...Тема “ухода” меня, как Семенова, мучила, — признается впоследствии Белый, — <...> мы говорили о том, что, быть может, уйдем; но — куда? В лес дремучий?»⁵⁶ Белый способен был признать индивидуальный путь Семенова путем спасительным, путем святости, но в отношении собственной личности — осознавал, что такой путь привел бы его «в лес дремучий».

Последнее, недатированное письмо Семенова к Белому — всего лишь небольшое дополнение к переписанному им тексту Толстого («Что я здесь брошенный среди мира этого?..»):

Сегодня раскрылся мне этот псалом *Толстого*, и так захотелось вдруг послать его Вам, мой бедный, дорогой брат. Примите это как тайное желание мое сблизить Вас с этим братом. Так думалось, что именно он Вам теперь нужен.

Ваш брат Леонид Семенов.

Вычеркнуты все ненужные и неискренние слова. Мне так трудно писать.

Вычеркнуто двенадцать рукописных строк. Знаменательное завершение начатого в 1903 г. отрывочного эпистолярного текста: слово капитулирует перед молчанием.

⁵⁶ *Белый Андрей*. Начало века. С. 333.

«ПРЕКРАСНЫЙ РЫЦАРЬ ПАРСИФАЛЬ»: М. И. СИЗОВ — КОРРЕСПОНДЕНТ АНДРЕЯ БЕЛОГО

Обрисовывая сформировавшийся вокруг него в первые годы XX века неформальный кружок «аргонавтов», тесно связанный с литературно-художественной и религиозно-философской средой Москвы и вместе с тем во многом автономный по отношению к ней, Андрей Белый отмечал, что «аргонавты» «сливались с “символистами”, считали себя по существу “символистами” <...>, но отличались, так сказать, “стилем” своего выявления. В них не было ничего от литературы; и в них не было ничего от внешнего блеска; а между тем ряд интереснейших личностей, оригинальных не с виду, а по существу, прошел сквозь “аргонавтизм”».¹ По сути, полноправными представителями символистского литературного круга стали лишь трое из сообщества «аргонавтов» — Эллис, Сергей Соловьев и, конечно, сам Андрей Белый; все остальные лишь эпизодически соприкасались с литературной жизнью — кто более, кто менее тесно, — оставаясь тем не менее вполне репрезентативными носителями специфически символистского мироощущения. Символизм воплощался в их личностях и судьбах минимально в эстетическом плане, но в «жизнотворческом» аспекте, в характере мировидения — вполне полноценно. Документальных свидетельств, по которым можно составить себе представление об индивидуальных обликах многих участников этого объединения, сохранилось немного, в основном это — их письма, отложившиеся в архиве Белого. Контуры личности одного из наиболее типичных «аргонавтов», ближайшего друга и единомышленника Андрея Белого на протяжении всей его жизни, А. С. Петровского, теперь отчетливо проясняются благодаря их переписке, рачительно подготовленной Джоном Малмстадом.² Еще об одном ближайшем ду-

¹ Белый Андрей. Начало века. М., 1990. С. 124.

² См.: Андрей Белый — Алексей Петровский. Переписка. 1902—1932 / Вступ. статья, составление, комментарии и подготовка текста Дж. Малмстада. М., 2007.

ховном сподвижнике Белого, постоянно упоминаемом им в мемуарах, М. И. Сизове (1884—1956), также имеется возможность узнать больше, чем сообщает мемуарист, — благодаря его письмам, адресованным Белому (письма Белого, хранившиеся, по всей видимости, у Сизова, утрачены — скорее всего вследствие конфискации его бумаг при аресте в 1933 г.). В «Воспоминаниях о Блоке» Белый перечислил 17 имен, причастных к кружку «аргонавтов»,³ а в перечне лиц, составлявших в 1903—1905 гг. «ядро “аргонавтов”», назвал 13 имен;⁴ Сизов значится в обоих списках.

«Мой близкий и любимый друг» — так аттестовал Сизова Андрей Белый Александру Блоку в одном из писем за сентябрь 1907 г.⁵ Аналогичная аттестация — в письме Белого к М. К. Морозовой (апрель 1910 г.): «Мой близкий друг Михаил Иванович Сизов <...>, прекрасно знающий науку и глубокий мистик».⁶ С этими оценками вполне согласуются отзывы других людей, общавшихся с Сизовым. «Очень серьезный и значительный человек», — охарактеризовал его Блок в письме к матери (28 сентября 1907 г.).⁷ В восприятии М. Н. Жемчужниковой, деятельной участницы Московского Антропософского общества, Сизов — не просто ее единомышленник и товарищ по этому объединению, но и подобие «прекрасного рыцаря Парсифаля», воплощающего всем своим обликом «высокую духовно-мистическую сущность»: «По образованию — естественник, а по склонности — знаток самой разнообразной оккультно-мистической литературы <...> Даром слова он не обладал, говорил медленно и как бы затрудненно. В его высказываниях мне часто многое оставалось непонятым. <...> Держался он очень просто и дружелюбно, но тем не менее на всем его облике лежала печать какой-то значительности, отнюдь не назойливой, но притягивающей внимание. Высокий, красивый, для женских сердец неотразимо обаятельный и сам к ним весьма и весьма чувствительный, он вместе с тем казался каким-то пришельцем издалека. Его легко можно было представить себе в торжественном одеянии жреца. Но и в самом обыкновенном пиджаке, входя в комнату, он вносил с собой атмосферу “иногобытия”, в котором чувствовалось нечто очень важное и немного загадочное».⁸

³ Белый Андрей. О Блоке: Воспоминания. Статьи. Дневники. Речи. М., 1997. С. 54.

⁴ РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 100. Л. 157 об. — 158.

⁵ Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. 1903—1919. М., 2001. С. 338.

⁶ «Ваш рыцарь»: Андрей Белый. Письма к М. К. Морозовой. 1901—1928. М., 2006. С. 152.

⁷ Блок Александр. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1963. Т. 8. С. 211.

⁸ Жемчужникова М. Н. Воспоминания о Московском Антропософском обществе (1917—23 гг.) / Публикация Дж. Малмстада // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 6. Paris, 1988. С. 33, 28. В Словаре псевдонимов И. Ф. Масанова про-

Андрей Белый обратил внимание на Сизова еще в 1903 г., когда тот попытался участвовать в дискуссии по докладу К. Д. Бальмонта в Московском Литературно-Художественном Кружке,⁹ но познакомился с ним, поступившим в том же 1903 г. по окончании московской 3-й гимназии на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета,¹⁰ лишь год спустя, когда сам вторично стал студентом Московского университета (на историко-филологическом факультете). В сентябре 1904 г. Белый выступал в христианском студенческом кружке с рефератом на тему «О целесообразности». «На реферате, — вспоминает Белый, — знакомлюсь со студентом М. И. Сизовым, который начинает часто у меня бывать на дому; отсюда — начало дружбы».¹¹ «Все больше сближение с М. И. Сизовым», — констатирует он же в записях об октябре 1904 г., а характеризуя происходившее в следующем месяце, отмечает: «...под влиянием Сизова начинаю читать “Сутта Нипату” и книгу Щербатского “Логика Дармакирти с комментарием Дарматарры”».¹² Как и было заведено в «аргонавтическом» сообще-

изошла контаминация героя нашей публикации (выступавшего под псевдонимом М. Седлов) с другим Михаилом Ивановичем Сизовым (1880—?) — естествоведом, журналистом, публицистом и прозаиком (см.: *Масанов И. Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. М., 1960. Т. 4. С. 432), писавшим под рядом псевдонимов (Мих. Горский, М. И. С., М. С., С. З. В., М. С—в, М. Си—в, Мих. Эс) в журналах 1910-х гг. «Народное Дело», «Знание для всех», «Природа и Люди», «Поселок»; перечисленные псевдонимы указаны в его автобиографии, представленной в 1913 г. С. А. Венгерову (ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. Ед. хр. 3257; краткое изложение автобиографии, выполненное Е. Д. Конусовой, — в кн.: Русская интеллигенция. Автобиографии и биобиблиографические документы в собрании С. А. Венгерова: Аннотированный указатель: В 2 т. / Под ред. В. А. Мыслякова. СПб., 2010. Т. 2. С. 351—352).

⁹ Ср.: «Мне помнится длинный, худой гимназист, полезший однажды на кафедру в “Кружке”, чтобы возразить Бальмонту; две первые фразы, им сказанные, поразили весь зал; третий же — не было: пятиминутная пауза, он выпил воды, побледнел; и — ушел: к удивлению Бальмонта и всего зала» (*Белый Андрей*. Начало века. С. 391).

¹⁰ Студенческое дело М. И. Сизова // ЦГИАМ. Ф. 418. Оп. 317. Д. 1024.

¹¹ *Белый Андрей*. Ракурс к Дневнику // РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 100. Л. 24. Ср. относящуюся к тому же месяцу запись Андрея Белого в «Материале к биографии»: «... начинает особенно часто бывать М. И. Сизов; я — дружу с ним» (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 2. Ед. хр. 3. Л. 49 об.).

¹² *Белый Андрей*. Ракурс к Дневнику. Л. 25, 25 об. Имеются в виду издания: Сутта-Нипата. Сборник бесед и поучений. Буддийская каноническая книга, переведенная с пали на английский язык Др. Фаусбеллем. Русский перевод Н. И. Герасимова. М., 1899; *Щербатской Ф. И.* Теория познания и логика по учению позднейших буддистов. Ч. 1. Учебник логики Дармакирти с толкованием на него Дарматарры. СПб., 1903. Книга Щербатского имела в библиотеке Андрея Белого (см. письмо В. Я. Брюсова к Белому от 12 февраля 1904 г. и ответное письмо Белого от 13 фев-

стве, в ходе этих общений Белого и Сизова серьезное, пафосное начало («...рассуждали о “мудрых глубинах”, лежащих на дне символизма; он с милым уютom переусложнял до безвыходности мои мысли») сочеталось с юмористическими и пародийными эскападами: «Миша Сизов был незлобивый юноша, стихи писал, к ним мотив подбирая на гитаре своей <...> здоровый, веселый, живой; <...> показывал нам свои шуточные шаржи; как-то “Будду в воздухе”»; он был не прочь при посредстве гитары пропеть нам свой стих».¹³ Поначалу темы, занимавшие Белого и Сизова, затрагивали в основном сферы отвлеченной философской мысли и религиозно-мистических интуиций, но в 1905 г., когда всколыхнулись все общественные крути, актуальная политическая жизнь вовлекла их в свою стихию. При этом в общих установках Белый и Сизов были единомышленниками, примыкая — в рамках кружка Астровых, в котором оба деятельно участвовали, — к левому, революционному флангу и противостоя правому, кадетскому флангу, но в конкретных «партийных» симпатиях выражали разногласие: Белый тяготел к меньшевикам, Сизов — к анархистам.¹⁴ Впрочем, сколько-нибудь существенных перемен в характер их взаимоотношений эти нюансы внести не могли.

Наиболее раннее из посланий Михаила Сизова, адресованных Белому, — стихотворное. Оно полностью вписывается в «аргонавтическую» тематику и стилистику и наглядно ориентировано на круг образов и мотивов книги Белого «Золото в лазури»:¹⁵

А н д р е ю Б е л о м у
Ты первый всадник, всадник белый,
ты, выйдя, всё предпобедил
и райский плод багряный, спелый
в лазурном пиршестве вкусил.
Своею тихой метеорностью
ты бросил пламя в черный лед,
уже чреват моей упорностью
среди тайных песен мертвых вод.
Тебе дарованной победою
ты вознесен от бледных бурь

раля // Литературное наследство. Т. 85. Валерий Брюсов. М., 1976. С. 374—375). «Великий делом Дарматарра» упоминается в поэме Белого «Первое свидание» (1921) (*Белый Андрей*. Стихотворения и поэмы. СПб.; М., 2006. Т. 2. С. 28).

¹³ *Белый Андрей*. Начало века. С. 391—392.

¹⁴ *Белый Андрей*. Ракурс к Дневнику. Л. 28; *Белый Андрей*. О Блоке. С. 186.

¹⁵ РГБ. Ф. 25. Карт. 22. Ед. хр. 26. Приводимые или цитируемые далее письма М. И. Сизова к Андрею Белому (их общее количество — 29) хранятся под этим шифром.

и упоен священной Ледою
и током золота в лазурь.
Я утвержу во Слове истину,
как разделителе земном,
сказавшем любящим: «воистину
приму вас в царствии своем».
За мной — влеком безвольной верою,
покою тайной полнотой,
вооруженный новой мерою:
двойной внецветной красотой.
За ним — из страха плена тесного
плодя безгранность в бытии,
в земном застывший, враг небесного,
предавший аду смерть земли.
Но мы в вечернем упоении
следим восторги вечных снов.
Уж ночь близка, в любовном бдении
заслышим скоро шум шагов.
23 марта 1905.

Та же устремленность в запредельные сферы и те же мотивы мистического ожидания, преломленные через метафорическую образность, прослеживаются в развернутом письме Сизова к Белому, относящемся ко времени его каникулярного отдыха. Тот факт, что письмо адресуется его автором также Сергею Соловьеву, другому представителю «аргонавтического» сообщества, во многом проясняет истинную природу этого эпистолярного текста: перед нами — род исповеди, внутренний монолог, лирико-медитативная импровизация, активно использующая в своем словесном арсенале художественные средства и, оставаясь по видимости письмом к конкретно обозначенному адресату, тяготеющая по сути своей к жанру спонтанного прозаического этюда. Череда зыбких образов-намеков призвана передать картину волнений души, влекущейся к неизреченному, к неуловимой мистической сущности преходящих явлений. Представляется правоммерным привести этот опус в полном объеме:

5-го мая 1905.

Дорогой Борис Николаевич! Все время чувствую себя плывущим среди сильного волнения. Я люблю это, хотя теряешь себя, начиная низвергаться, хотя забываешь о цели, когда приближается судорожный пенношумящий гребень и приходится погружаться, чтобы пропустить воды над головой своей. Но встречаю я их все с большим терпением и надеждой; теперь я даже радуюсь, слыша пенное шумение вокруг

и мягкость пены на своем теле, когда вновь обнажаюсь в воздух. Только так периодически могу я наслаждаться всем, чем украсил свет воды, и угадывать, какими тайнами гордятся они. Все прочнее становится полнота моего сознания и радости, дающей мне легкость, но часто думаю, устремив взор на грудь несущегося исполина: ах! не захлебнуться бы мне судорожной пеной! Радостно для меня мое незнание, но не могу я восклицать о нем, когда ступни мои висят над бездонным. Мне хотелось бы украсить им гимны, разлить все звуки, краски и запахи его как аккомпанемент псалмов, всю сладость и бессильную гладкость его превратить в молитвенную позу. Я знаю, сколько восстанет алчущего и жаждущего передо мной с грозными своим безумием мольбами поделиться добытой каплей жизни-любви, как бы мала она не была, знаю, что может взять у меня всю ее — это — близкий, до полной отчетливости близкий горизонт и за ним розово-мутная бездна. Я знаю, что она повечереет, горизонт опоясается горящими тенями, оденется в тени, свесив их вниз на землю до моих ног, обовьет их белыми туманами, нальется росистой прохлады, утоляющей жажду зеленых потемневших смиренниц, провожающих в вечернем сердце своем тающий образ птицы, летящей над ними туда, в закат, а я буду стоять все еще на подпорках и заставлять себя говорить: ах! когда я смогу броситься в этот мир, потонуть в нем; и думать, как бы хорошо мне теперь напиться из той капли, которая была у меня, ибо сухо во мне и слишком тяжело стою я здесь, как в полдень. Но я знаю, что я должен отдать и истратить, что если я вечером сух, то или не пришел еще час мой, или я должен лететь птицею.

Все это в сущности повторение того, что я Вам не раз говорил, но форма объясняется тем материалом для мудрствования, который попался мне по дороге сюда и попадаете здесь. Тут мое окно выходит в сад, поразительный по разнообразию деревьев и не умолкающих день и ночь птиц. Деревья всего умеренного пояса от березы, ели и сосны до укусного дерева, шелковицы, тополей и грецкого ореха. Тополя, их целый ряд, восхитительны: то минареты или, лучше, превращенные в них муэдзины, то водопады зелени, то фонтаны, то только вздохи, серебряные и окутанные клубами тайны и тени. Иволги и соловьи выдел<а>ются, иногда кукушка. Масса сирени и цветущих вишень и яблонь — первые райские фиолетовые облачка Слова бытия, аромат, идущий из их сердца, говорит, что оно как вечер в родном саду и дары святого Духа. Но, повторяю, ни о чем не могу говорить иначе, как в псалмах. Но псалмов еще нет, и как они появятся, не знаю. Пока для меня их будут заменять письма к Вам и некоторым другим. Это объяснит Вам мою мелочность, которая есть в этом письме и, вероятно, будет и в других, а также случаи, подобные имеющему место здесь, когда я, говоря о цветущих вишнях и яблонях, перескочил через все прямо до Духа Святого.

Это письмо предназначается и для Сережи, да извинит он мне нежелание по лености писать ему отдельно, в следующий раз напишу ему. Если позволите, целую вас обоих.

Духовно и душевно и сердечно и всячески любящий и преданный
Михаил Сизов.

Р. S. Зная Ваш нрав, не претендую на скорый ответ.

Адрес пока: Переяслав Полтавской губ<ернии>, имение Карань, мне.

Р. P. S. Забыл сказать о том, что видел Владимирский собор.¹⁶ Первый раз я вошел во время службы, было много народу, хоры заперты. Заметил только, что интересен орнамент; живопись показалась малозначащей и слишком близкой к обыкновенной. Отправился в Киево-Печерскую лавру и потом вернулся в собор, когда хоры были отперты. Тут я понял, что фотографии искажают донельзя, внося воспаленность сухую, неподвижную и пустую. В действительности есть только напряженность, пожалуй, слегка огненная. Мне особенно запомнился рай, совершенно не тяжкий, каким он кажется на фотографии, и потом Дева с младенцем. Особенно замечательна Она с хор сбоку: Она идет по облаку, над которым сзади нее протянулись еще облака; фон золотой. Свет из противоположных окон падает таким образом, что если смотреть на это облако, по которому Она идет, оно темно и верхний край его кажется горизонтом, а над ним золотое сияющее небо, перехваченное облаками; что-то темное заслоняет почти половину горизонта и неба, это — край Ее платья и ступни идущих ног, девственно переступающих; уже колени теряются в высоком сумраке; где же лик Ее? поднимаешь глаза выше и выше — земля давно отлетела; что за невыразимый лик сейчас предстанет! и вдруг чувствуешь себя как бы сорвавшимся опять на землю, так не необычаен этот лик; но это потому, что у него есть особая тайна, она в том, что каждый, взглянув на него, *может* сказать: это — я... Этого я не ожидал, даже от Васнецова. Положим, такое впечатление получается только с хор (впрочем, и внизу я уже не мог отделаться от него). Только когда опомнишься от этого неожиданного падения, начинаешь видеть глубже: Земля пролетает, как сон; в Ее рте бесцветно-мягкая сушь и *земных* забот и страданий, в глазах тьма пролетевших столетий, поникшей мудрости, и из этой глубины, такой святой, долгий, пристальный взор, в котором пробегают иногда молнии тягучей реальности, даже смеха. Младенец... ах! мне хотелось бы молиться и получить, чтобы всегда жизнь моя была как трава, освещенная луной, все-таки это для меня сладчайшее утешение, божественная грусть... и, вот, в Нем много

¹⁶ Имеется в виду Владимирский собор в Киеве (1862—1896; архитекторы А. В. Беретти, Р. Б. Бернгардт, К. Я. Маевский). Далее описывается образ Богоматери с Младенцем в центральной абсиде (роспись В. М. Васнецова; 1885—1896).

утреннего и розового порыва, много подобного траве, освещенной луной. Я могу еще чуть-чуть уловить более далекое в глубине, в чем две эти столь различные струи сливаются, но не умею выразить. Но и он прост до мягкой сухости. Да будут видны вам источники радости там, где их ничто замутить не может!

Белый отозвался на это послание ответным, выдержанным, по-видимому, в сходной тональности, о чем можно судить по следующему письму Сизова к нему (от 19—20 мая 1905 г.), в котором преобладают медитации, порожденные восприятием природы, — включая и особо характерные для «аргонавтического» мифотворчества наблюдения за солнечными закатами и угадывания в открывающейся гамме цветов неких тайных знаков и предзнаменований:

Сейчас гулял на закате. Гигантский птеродактиль с огромными раскинутыми крыльями, с уходящим вдаль за горизонт извивающимся драконовым туловищем вышел из закатного убранства. На левом крыле его приютилась шайка косматых губителей, которые стараются проколоть его же грудь. За этим гигантским крылом, задевающим выступы тучи, все придавившей на востоке, бледно-желтое кривляние обозначено дымно-серым. Я стараюсь меньше обращать внимания на облачные знаки, но это слишком уж многозначительно. Но это не Япония, это что-то еще за ней грядущее. Но замечательно, что закатно загущенный, густо-сизый извивами уходящий вдаль хвост вызывает чувство розовой, золотисто-вечерней детскости, точно это блаженный покров, протянутый над извилистой рекой; и ближе к востоку как раз из-за крыла — сияние белой лучистой неудержимости.

Большинство писем Сизова к Белому середины 1900-х гг. относится к поре летних разъездов, когда их регулярные встречи в Москве прерывались. Одно из таких писем, датированное 29 июня 1906 г., днем отъезда Сизова в Крым, содержит реакцию на известие о предполагавшемся переезде Белого в Петербург (нереализованное намерение, обусловленное желанием быть поблизости от Л. Д. Блок, в которую он был тогда безнадежно влюблен), а также размышления о том, чем обусловлена переживаемая автором глубокая внутренняя близость с Белым:

Я теперь только, при мысли, что, может быть, уже не увижу Вас осенью и даже зимой, что только непредвиденная судьба может помочь нам развить до цветения и до значения верного убежища все, что мы друг в друге находим и считаем общими нам зернами сказочности, теперь только я понимаю и чувствую, как я Вас люблю и любовью необычайной: все чувство и сознание необычайного, к какому я только

способен, овладевает мной. И я лишь отдаленно намекну Вам на то, насколько это полно сказочно горячего эпически холодного <?> и мудрого созерцательного стремления, если скажу, как это сказали и Вы, что нас связывает, кроме мистики, естественный факультет. Вы поймете меня, если я, схематизируя, скажу, что категория данности, которую мы привыкли ценить и отличать благодаря естественным наукам, переносится нами как фермент в процессы, приносящие мистический опыт, религиозные стремления, прозрения, видения, дела, намерения.

Андрей Белый, в прошлом — выпускник естественного отделения физико-математического факультета Московского университета, сам неоднократно подчеркивал, что важнейшей его творческой сверхзадачей было стремление к преодолению разрыва между научным познанием и мистическим постижением, и в этом плане установки, сформулированные Сизовым, им безусловно разделялись.

Следующее письмо Сизова было отправлено из Алушты:

1906. Августа 1. Поздний вечер.

Дорогой, дорогой Борис Николаевич!

Я Вас сегодня вечером вдруг так живо, непосредственно почувствовал в такой возрастающей радости, что чувствую себя обязанным, пока не остыли и не замолкли слезы этой, потрясающей, нашедшей наконец дом, радости, сказать Вам: поздравляю. Я говорю это перед взорами Вашей звезды — не знаю, всегда или сегодня только она Ваша. Да, сегодня некая звезда освеженно безумствует, вспыхивает беззастенчиво, безудержно звездными откровениями, полыхает разноцветным довременным. Ради Бога, не думайте, что я что-нибудь предполагаю или имею в виду, все это совершенно безобъектно. Я пишу Вам потому, что, если это правда, то, что я сегодня чувствую о Вас, то это и для Вас факт огромного, космически-любезного значения, так как это звездно-кристальная пламенная радость, разогретая довременным холодом, это — как возврат детства в первой любви, и Вы этого уже не ожидали.

Какие обессиленно-сладкие нестерпимые слезы проливаю я над этим чувством Вас, над этой сказкой сегодняшнего вечера о Вас, над проглянувшим сквозь первую любовь детством.

А «здесь» — «прохладой росистой» душе кропит полян угасших холод вежды!..!

Но это совершенно безобъектно.

Простите, что пишу Вам только это и вообще что пишу это; но о другом я не пишу. Да, может быть, Вы на меня обиделись.

До свидания, о, свободный, бесконечно милый мне скромному.

Ваш Сизов Михаил.

Время от времени возникает в письмах Сизова тема его предполагаемого сотрудничества в символистских и религиозно-философских изданиях — в сборниках Христианского Братства Борьбы,¹⁷ в сборнике под редакцией Д. С. Мережковского,¹⁸ наконец, в главной цитадели московских символистов — журнале «Весы». Письмо к Белому от 5 августа 1907 г. — свидетельство того, что невовлеченность Сизова в активную литературную жизнь была не только следствием нереализованности тех или иных издательских начинаний, но и обуславливалась нерешительностью самого Сизова, его сомнениями в собственных способностях:

Коля¹⁹ мне написал, что Вы со Львом Львов<ичем>²⁰ просили сообщить мне о желательности моего участия в «Весах» и что это теперь или в ближайшем будущем, как я понимаю, было бы особенно кстати. Я был бы очень рад принимать участие в «Весах», и, чем более пришлось бы работать и чувствовать себя при этом просто работником в общем культурном деле, делающим свое, м<ожет> б<ыть>, и очень небольшое дело без претензии на александровские взмахи меча,²¹ мирообъемлющие молнии и ослепительные прозрения или безапелляционные приговоры, тем было бы для меня приятнее. И это потому, что я чувствую себя еще неподготовленным принимать участие в зрелой культурной работе, так как сам едва начинаю, как мне кажется, вступать в ту полосу развития, в которой окончательно складывается личность. Но, раз Вы находите, что я уже сейчас могу быть Вам полезен, располагайте мною как угодно. Но, к сожалению, должен прибавить, это согласие является чисто принципиальным.

Излагая далее свои сомнения и настороженность в связи с предполагаемым изменением «физиономии журнала» и относительно

¹⁷ О поступившей к нему статье Сизова упоминает В. Ф. Эрн в письме к А. В. Ельчанинову от 26 марта 1906 г. (Взыскующие Града: Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках <...> / Сост., подготовка текста, вступ. статья и комментарии В. И. Кейдана. М., 1997. С. 95).

¹⁸ В письме из Алушты от 18 июня — 28 июля 1905 г. Сизов замечает: «Интересует также судьба моей статьи для сборника Мережковских». Сборник, замышлявшийся в 1905 г., не состоялся (возможно, он трансформировался в том же году в замысел также неосуществленного еженедельника «Вестник Жизни»; см.: Колеров М. А. Не мир, но меч: Русская религиозно-философская печать от «Проблем идеализма» до «Вех». 1902—1909. СПб., 1996. С. 169—170).

¹⁹ Николай Иванович Сизов (1886—1962) — брат М. И. Сизова; музыкант, композитор.

²⁰ Лев Львович Кобылинский (псевдоним — Эллис) — с 1907 г. ближайший сотрудник «Весов».

²¹ Подразумевается легендарный эпизод из жизни Александра Македонского — расчленение Гордиева узла; пересказан Плутархом в «Сравнительных жизнеописаниях» («Александр», XVIII).

«субъективности метода» «Весов», Сизов заключает: «Словом, принципиально согласен и рад бы помочь, но право не знаю, как». Участником «Весов» он так и не стал.

Осенью 1907 г. Сизов поселился в Петербурге — перешел из Московского университета в Петербургский.²² Белый способствовал его знакомству с А. Блоком, и Сизов в письме от 25 сентября 1907 г. подробно описал свои визиты в петербургскую квартиру поэта.²³ Регулярной переписки между Белым и Сизовым после того, как они оказались в разных городах, однако, не возникло. Очередное содержательное письмо Сизова к Белому, от 28 февраля 1909 г., было отослано после длительного перерыва в общении и было продиктовано стремлением донести до автора впечатления от его «четвертой симфонии» «Кубок метелей», вышедшей в свет в апреле 1908 г. Успеха Белому это сложнейшее по образной архитектонике произведение не принесло, на «симфонию» либо реагировали равнодушным молчанием, либо упрекали в непонятности, сумбурности и претенциозности. На таком общем фоне отзыв Сизова звучал полным диссонансом:

Ваша четвертая симфония меня победила совсем, поразила и больше того. Я ее читал летом и тогда же увидел, что это самая совершенная из всех Ваших симфоний, но многим она произвела на меня тяжелое впечатление, говоря точнее, я со многим не был согласен и, быть может, не был согласен мистически. Но многое, конечно, и тогда достигало Святого-Святых. Теперь, когда я, зная уже ее всю, — Вы правы, конечно, это необходимо — читал ее отрывками, я был умилен и потрясен, и благодарен, и поражен до благоговейного и счастливого восторга тем, как она написана. Ведь это такая сила, это египетская (!) сила, это — гиероглифы духа! И что я еще особенно чувствовал, это — на какой высоте напряжения, *отчетливости*, тонкости, глубины, смелости, меткости, свободной священной уверенности парил Ваш дух, когда он работал над этим, какое оно долгое, ясное, дивное и уверенное с сверхъестественной решимостью все это рассчитывало, проверяло и подчиняло единству, ему одному до времени, а может быть, и навеки на земле, ведомому. В этом — оно Микель-Анджело. Да, это Микель-Анджеловское произведение, но при этом-то еще и Вам свойственные ноты, голоса прозрения, веяния, нежность, вещий вещий <так!> незабвенный шум — чего? и, нет, не шум, но что, присутствие?! Вполне

²² В прошении о переходе в Петербургский университет от 13 июля 1907 г. Сизов указал причину: «... в последнем имеется кафедра физиологии животных, которую я избрал своей специальностью, в то время как в Московском университете этой кафедры нет» (ЦГИАМ. Ф. 418. Оп. 317. Д. 102. Л. 6).

²³ См.: Литературное наследство. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования. М., 1982. Кн. 3. С. 308—309.

я это говорю о многом, но не о всем, потому что есть места, которые отчасти представляют самостоятельные отступления, отчасти являются пунктами, в которых сплавилось с фабулой их содержание, постороннее ей, формально, внешне, и которые в силу этого своего вводного содержания вызывают мой протест. Конечно, и в них есть всё те же достоинства, и от них пробуждается и начинает парить, носясь по душе, то же чувство священного, но они все же вызывают, лучше сказать, вызывали мой протест, потому что теперь я принимаю их, как-то примиряюсь с ними, хотя все так же не наполняюсь ими. В типичном случае они представляют то, что мне хочется назвать мистико-философскими *ектиньями*. И это вот что, например: «Время — холодный бархат пролетающего облачка. Смерть — холодный бархат пролетающего облачка. Горе, радость, жизнь, о, все то же, все то же. Если было, то будет, если будет, то есть. Вот миру весть: холодный бархат примите пролетающего облачка».²⁴ И так и не так. И да и нет! Но ведь Вы сами говорите: нет — да. Это и примиряет меня с затруднительным для меня в этих ектиньях и вообще в симфонии. Потом я не проникаюсь и теми образами, которыми она разрешается. Они производят на меня впечатление такое, как будто каденция начинается и не кончается, начинается опять и опять не кончается; еще это похоже на Баховскую фугу. В лучшем случае симфония кончается Баховской фугой. От первого мне чуть-чуть страшно; в последнем случае испытываешь неудовлетворение. После этой симфонии я просматривал первую. Какой громадный шаг от нее представляет последняя симфония! Первая трогательна бесконечно, очень властно по-своему, для меня достаточно бывает часто на небе одного мотива, чтобы она меня опутала, но она детское произведение, робкое, с безразличными движениями в сравнении с последней, в которой невыразимая сила вполне зрелого, сформировавшегося духа и при этом еще много могущего. Когда это почувствуешь, то самая величина ее, растянутость порождает вдруг впечатление сверхъестественности долго длящегося вдохновения — и она этим потрясает, и это само, одно, и это вновь, с другой стороны вызывает вопль благоговения. Но вот! есть таки в ней то, что она оставляет читателя, нет — слышащего, — оставляет с *воплем* благоговения. С благоговением... но и с воплем, но чему однако с воплем!! Я, м<ожет> б<ыть>, знаю, хоть отчасти, но, м<ожет> б<ыть>, не имею права и знать. Но благоговение громадное, и вот это чувство благоговения с чувством самой нежной благодарности мне и хотелось Вам выразить. Не обессудьте. Я очень буду благодарен, если Вы прочтете это письмо с интересом, все равно к чему, ко мне ли, к Вам ли, к тому ли, как реагируют иные на ваши слова, к судьбе

²⁴ Цитата из части 2-й (главка «Верхом на воздухе») «Кубка метелей». См.: Белый Андрей. Симфонии. Л., 1991. С. 325.

ли Ваших выраженных и, м<ожет> б<ыть>, нерассмотренных все же переживаний. Желаю Вам, дорогой, от всего сердца успокоения и отдыха, да освежит Вас во всем Радость Небесная. Я сегодня узнал, что Вы из-за какой-то истории в Лит<ературном> Общ<естве> заболели и уехали в деревню.²⁵ От души желаю, чтобы это для Вас оказалось к лучшему и Вы в деревне подольше и попрочнее отдохнули.

Всегда неизменный паразит Вашего духа по законам уважения, удивления, восхищения, благоговения... в более или менее значительной мере, М. Сизов.

Это письмо было написано незадолго до возвращения Сизова на постоянное жительство в Москву. Вспоминая о мае 1909 г., Белый фиксирует «ряд очень ответственных и важных разговоров о “коллективе”»: с Петровским, Киселевым, Метнером и приехавшим из Петербурга М. И. Сизовым.²⁶ Под «коллективом» понималось возросшее на прежней «аргонавтической» почве дружеское сообщество, объединенное задачами служения духовной культуре и отстаивания высоких философско-эстетических и религиозно-мистических ценностей, которое в том же году заявит о себе основанием книгоиздательства «Мусагет». Во главе «Мусагета» стояло редакционное трио — Э. К. Метнер, Андрей Белый, Эллис, но был сформирован и «ближайший совет при редакции» в составе Г. А. Рачинского, М. И. Сизова, Н. П. Киселева и А. С. Петровского.²⁷ Тем самым перед Сизовым открывалась наконец возможность влиять на ход литературного процесса и активно в нем участвовать.

На одну из первых книг, изданных «Мусагетом», — сборник статей и исследований Андрея Белого «Символизм», появившийся в конце апреля 1910 г., — Сизов откликнулся письмом к автору (от 12 июня 1910 г.), в котором основное внимание уделил идейным построениям, развиваемым в статье «Эмблематика смысла. Предпосылки к теории символизма»:

Теперь начал читать «Символизм». Голубчик, как я рад! Мне кажется, я вполне понимаю тебя, по крайней мере в отношении твоей позиции. Кроме того, меня приводит в восторг то, что ты делаешь комментариями. Я ведь знаю в общем содержание этой книги или знаю многое, что ты там говоришь, но теперь, когда она предстала передо

²⁵ Подразумевается скандальный инцидент с участием Белого в Московском Литературно-Художественном кружке 27 января 1909 г. в ходе прений после лекции Вяч. Иванова. В село Бобровка Тверской губ. Белый выехал вместе с А. С. Петровским 20 февраля.

²⁶ Белый Андрей. Ракурс к Дневнику. Л. 48.

²⁷ Белый Андрей. Между двух революций. М., 1990. С. 334.

мною в качестве пищи для ее читателей, я испытываю большое желание выразить тебе мое благоговение к жизни. Это чрезвычайно искусно составленный целебный напиток. Я не хочу сказать, что ты врач, но, может быть, алхимик. Конечно, маги составляют целебные напитки. Читая эту книгу, я испытываю такое чувство, какое бывает, когда быстро мчишься туда, куда нужно. Но что я еще особенно понимаю — о чем ты, вероятно, в этой книге не говоришь — это то, как признание примата творчества, значит, творчества ценностей, может показаться страшным постороннему взгляду, как ведущее к автономии личности, индивидуальной, и как, в действительности, это необходимо приводит к познанию (истинному, ибо практическому) истинных ценностей, истинной Ценности, ибо признание такого примата ставит человека лицом к лицу, хотя бы вначале и помимо его сознания, с трансцендентным порядком ценностей. Так или иначе, но через такое миропонимание просачивается Ценное <...>

Участие Сизова в «мусажетской» деятельности было достаточно активным, в том числе и в сфере индивидуального творчества. Летом 1910 г. в издании «Мусагета» вышла в свет в его переводе книга средневекового мистика Рэйсбрука Удивительного «Одевание духовного брака», а в ноябре 1911 г. — в его же переводе брошюра Пауля Дейссена «Веданта и Платон в свете Кантовой философии».²⁸ В поэтическом альманахе «Мусагета» «Антология», появившемся в начале июня 1911 г., Сизов поместил четыре своих стихотворения (подписанных инициалами: М. С.). В № 3 «мусажетского» журнала «Труды и Дни» за 1912 г. была опубликована статья Сизова (под псевдонимом М. Седлов) «Кремль», в которой обосновывались общие представления о культуре как «кремле сознания», предполагающем триединство научных, эстетических и религиозных ценностей. Сходные авторские положения развиваются в «мусажетской» книге Сизова (опубликованной под тем же псевдонимом) «Цезарь Ломброзо и спиритизм». Сизов пытается убедить читателя в недостаточности и необидительности попыток итальянского психиатра и антрополога объяснить спиритические явления в рамках материалистического монизма, отмечая тем не менее значимость того факта, что современная наука в лице Ломброзо «протягивает руку после долгого упорства теософической, оккультической, спиритической и религиозной натурфилософии» и тем самым приближает к осознанию единства знания и веры — «ибо знание

²⁸ В архиве «Мусагета» сохранился беловой автограф этого перевода с правкой Сизова и редактора перевода — А. С. Петровского (имя редактора в издании не указано), пространный фрагмент текста (лл. 61 а—г) записан рукой Петровского (РГБ. Ф. 190. Карт. 17. Ед. хр. 1).

и вера в душе стремящегося к истине едины».²⁹ Один из безусловных авторитетов для Сизова в этой книге — Рудольф Штейнер (упоминается его «Путь к самопознанию человека в восьми медитациях»³⁰); убежденным его последователем Сизов стал еще до того, как доктора Штейнера своим учителем провозгласил Андрей Белый. Начало штейнерианства Сизова Белый относит к лету 1910 г.: «В то время Сизов и Петровский примкнули к учению Штейнера; мне то не нравилось».³¹ В «Предварительном Кратком отчете о теософических кружках в Москве за 1911 г.» Элліса Сизов упоминается как «образованный спирит, секретарь 1-го спиритуалистического рус. съезда <...> систематически изучивший за 1911 г. все вышедшие циклы Д-ра».³² В письме Белого к матери от 5/18 мая 1912 г. Сизов и Петровский аттестуются как «завзятые штейнерьянцы; ведь они в Москве устроили штейнеровский кружок».³³ Стоит при этом отметить, что преклонение Сизова перед Штейнером не было отмечено теми чертами экзальтации и фанатизма, какие сказывались в поведении Элліса, а в известной мере позднее и Андрея Белого.

В «мусagetский» период переписка Сизова с Белым активизировалась в значительной степени благодаря тому, что последний продолжительное время проводил вне Москвы, Сизов же старался держать его в курсе текущих дел и событий. Письма его к Белому этой поры примечательны уже не столько своим исповедальным характером, сколько как документальные свидетельства происходившего в «мусagetском» литературном кругу, и в этом плане они особенно ценны и достойны внимания. Так, на открытку, посланную Белым во время путешествия по Средиземноморью, Сизов откликнулся пространным письмом от 1 января 1911 г., в котором в очередной раз отозвался о его книге «Символизм», а также отобразил несколько эпизодов из жизни и быта «мусagetцев»:

Читал это время твой «Символизм». Шлю тебе мои невероятные совершенно восторги по поводу статьи «Эмблематика смысла». Это целый переворот. Если бы это облечь вместе с будущей теорией символизма в разработанную систематически форму, рост Канта показался

²⁹ Седлов М. Цезарь Ломброзо и спиритизм: Исторический и критический очерк. М.: Мусaget, 1913. С. 58, 60.

³⁰ См.: Там же. С. 51.

³¹ Белый Андрей. О Блоке. С. 357.

³² Майдель Рената фон. «Спешу спокойно...»: К истории оккультных увлечений Элліса // Новое литературное обозрение. 2001. № 51. С. 227.

³³ Малмстад Джон. Андрей Белый в поисках Рудольфа Штейнера: Письма Андрея Белого А. Д. Бугаевой и М. К. Морозовой // Новое литературное обозрение. 1994. № 9. С. 118.

бы маленьким. Да и без такой разработки это есть, но, правда, трудно понять среднему читателю философу, куда ты метишь, а согласиться с тобой для многих мучительно нежелательно».

Указывая далее на недочеты в статье, Сизов признавался:

У меня так чешутся руки написать по-своему о символизме (это совсем не продолжение, не добавление в прямом смысле, не корректив к твоей точке зрения, а нечто гармонирующее с ней) <...> Как я рад, что ты заговорил об «испанской звездности». Это так мое!

Далее в центре внимания оказывается Эллис (Лев Кобылинский) с его неизменными эскападами и духовными эксцессами: «...в сочельник у него наступил пароксизм, так что он лежал и не пошел даже к Метнерам встречать Рождество, и кризис, м<ожет> б<ыть> еще неполный, но к лучшему, по-моему. Он лежал, обдумывая свою раздвоенность и созерцая мучительные и бесплодные тогда попытки его давнишнего “лучшего я” войти в него. А мешало этому одно обстоятельство, ошибочно им переоцененное, т<ак> к<ак> оно мрачно, по его мнению, отзывалось на Мусагете и на чем-то, что ему мерещилось за Мусагетом, хорошим, брезжущем, где, впрочем, он себя не видел. Вообще у него происходили перевороты — хвалил, кого он последнее время особенно ругал, и т. д. Но до этого и теперь трогателен невероятно. Написал сказку драму для детей с скрытым теософским содержанием и с большой правильностью. Прямо великолепно».³⁴ Студенты, продолжает Сизов, «просят его начать объявленный им курс о докторе, но Лев сурово медлит и собирается в Гельсингфорс, откуда он приедет, заручившись специальными инструкциями и, м<ожет> б<ыть>, полномочиями (!). Студенты ждут, Лев в конце февраля думает начать свой курс и вдруг узнает, что в Гельсингфорсе доктор будет не в феврале, а в конце апреля.³⁵ Лев был обескуражен несколько таким оборотом дела, и как он выйдет из создавшегося затруднения, не знаю. Да! На первый день Рождества я был у Григ<ория> Ал<ексеевича> <Рачинского — А. Л.> и рассказал ему о состоянии Льва. Он сейчас же, взяв меня с собой, отправился ко Льву с молебном. Это было очень трогательно, но это — по просьбе

³⁴ Имеется в виду, возможно, «символическая драма для интимного театра» Эллиса «Канатный плясун», опубликованная нами по автографу, хранящемуся в архиве Э. К. Метнера, в кн.: Писатели символистского круга: Новые материалы. СПб., 2003. С. 350—370, — однако имеются свидетельства, позволяющие датировать это произведение 1909 г.

³⁵ В Гельсингфорс Р. Штейнер приехал лишь в 1912 г., 3—14 апреля он прочитал там курс из 10 лекций «Духовные существа в небесных телах и царствах природы».

самого Григ<ория> Ал<ексеевича> — не секрет только для нас, близких. Льва мы уже не з стали, но молебен все же очистил его атмосферу. Лев пропадал три дня и, как потом выяснилось, прежде всего “у Сени Рубановича”,³⁶ плясал на нескольких елках. Спит он теперь не только не раздеваясь, а наоборот — одеваясь: пиджак снимается, но зато надевается халат, иногда еще с “малыми чётками” и, кажется, с медальоном, ложится в таком одеянии и накрывается шубой, мехом обязательно наружу почему-то. Теперь к этому прибавилась малиновая с черной кистью шапочка, подаренная ему сестрой Боброва.³⁷ Я еще на Льва воздействовал тем, что в некотором смысле его переселил. Пришел к нему как-то, и обратил внимание на то, что он спит головой в душный угол и к печке. Попробовал сам полежать на его кровати в таком и в противоположном положении и нашел, что надо его перевернуть. Лев этому не противился почти, и <я> переставил его стол и передвинул кровать, т<ак> ч<то> теперь он спит головой к двери, и, м<ожет> б<ыть>, отчасти и это играло роль в его успокоении. Вчера он был на семейном обеде у Братенши³⁸ с Метнерами.³⁹ Плясал там под граммофон, который м<ежду> проч<им> очень смешил Николая Карл<овича>. Затем плясали и другие: Карл Петрович плясал с Верочкой,⁴⁰ а Эмилий Карл<ович> возился и прыгал козлом. Льва очень полubiла Наталья Алексеевна⁴¹ — он лучше вас всех, сказала она мне — и чтобы сделать Льву приятное, относится к Штейнеру лучше, чем сама бы по себе относилась, хотя вообще Лев ее очень распропагандировал, и это было в один вечер, при мне. Лев вообще в этом направлении преуспевает и если надо взять “семейство”, то начинает по-иезуитски с жены. И удастся! <...> У меня и у Льва начинается любовь к Тургеневым (разумеется, после такого отнош<ения>

³⁶ Семен Яковлевич Рубанович (1888—1932?) — поэт, переводчик.

³⁷ Нина Павловна Боброва — сестра поэта, прозаика, стиховеда и критика, члена кружка «Молодой Мускет» Сергея Павловича Боброва (1889—1971).

³⁸ Семья Анны Михайловны Метнер (урожд. Братенши; 1877—1965), жены Э. К. Метнера, а затем Н. К. Метнера: ее отец — Михаил Матвеевич Братенши (?—1930), зубной врач, мать — Александра Всеволодовна (урожд. Фильштинская; 1855—1937), брат — Александр Михайлович Братенши (1880—1940), юрист.

³⁹ Из семейства Метнеров далее упоминаются: Карл Петрович Метнер (1846—1921) — один из директоров акционерной компании «Московская кружевная фабрика»; его сыновья — Николай Карлович Метнер (1879/80—1951), композитор и пианист; Эмилий Карлович Метнер (псевдоним — Вольфинг; 1872—1936), литератор, музыкальный критик, философ, основатель и редактор издательства «Мускет».

⁴⁰ Вера Карловна Тарасова (урожд. Метнер; 1897—1986) — впоследствии преподаватель немецкого языка.

⁴¹ Н. А. Тургенева (в замужестве Поццо; 1886—1942) — сестра А. А. Тургеневой (гражданской жены Андрея Белого в 1911 г.), впоследствии участница антропологического движения.

к Штейнеру Нат<альи> Ал<ексеевны> не мог ее не полюбить горячо). <...> В Альманахе⁴² будет двадцать с лишним авторов!»

Продолжение повествования о «мусagetских» «трудах и днях» — в письме Сизова к Белому от 13 января 1911 г.; вновь в центре внимания — эксцентричный Эллис, но на этот раз в обстоятельствах установления неформальных взаимоотношений между собственно «мусagetцами» и автономно определившейся под эгидой и на издательской базе «Мусagета» группой философов (С. И. Гессен, Ф. А. Степпун, Б. В. Яковенко), издававших русскую версию «международного журнала по философии культуры» «Логос».⁴³

Волнения твои о московских делах здесь как-то даже мало понятны. Если хочешь, все и в Мусagете и в Пути⁴⁴ идет великолепно, т<ак> к<ак> двигается вперед, хотя и не с той быстротой, кот<орой>, м<ожет> б<ыть>, хотелось бы. Ждем альманаха. Пока еще ничего не вышло из других книг. События сводятся к тому, что Лёва давал представление в одном месте сегодня, в другом месте вчера и т. д. Вчера в среду в Мусagете происходило сближение Логоса с Мусagetом путем веселости на этот раз, и этот путь, как нередко бывает, оказался весьма удобным и коротким. Степпун представил Виндельбанда, читающего лекцию, Маркса, ешчо каво-то. Потом был выход Льва, который для именитых гостей постарался, хотя был очень усталым, т<ак> к<ак> накануне до 4 часов плясал костюмированный, и воспроизвел многие свои номера в расширенном объеме. Степпун, Гессен, Гордон⁴⁵ прямо помирал. Трогательн был Эм<илий> Карл<ович> — он хохотал до иступления и по-детски весело. Степпун м<ежду> пр<очим> оч<ень> интересно рассказывал об Италии. Он от нее в восторге, как и от итальянцев. Очень комичен его рассказ о фигуре итальянского философа Papini, который недавно выпустил книгу, где всех философов разносит в пух и прах.⁴⁶ Он имеет вид добродушного неск<олько> неряшливого

⁴² Подразумевается упомянутый выше стихотворный альманах «Антология» (М.: Мусaget, 1911).

⁴³ См.: *Безродный М. В.* Из истории русского неокантианства (журнал «Логос» и его редакторы) // Лица. Биографический альманах. Вып. 1. М.; СПб., 1992. С. 372—407.

⁴⁴ «Путь» — основанное в Москве в 1910 г. религиозно-философское издательство, субсидировавшееся М. К. Морозовой. См.: *Голлербах Евгений.* К незримому граду. Религиозно-философская группа «Путь» (1910—1919) в поисках новой русской идентичности. СПб., 2000.

⁴⁵ Гавриил Осипович (Иосифович) Гордон (1885—1942) — сотрудник журнала «Логос»; философ-неокантианец, историк философии, педагог. См. о нем: *Дмитриева Нина.* Русское неокантианство: «Марбург» в России. Историко-философские очерки. М., 2007. С. 314—326.

⁴⁶ Вероятно, имеется в виду первая книга Джованни Папини (1881—1956) «Сумерки философов» («Il crepuscolo dei filosofi», 1906).

лавочника, и их компания (еще там есть неск<олько> философов) оказалась далеко не вполне сведущей по части итальянской философии, как это установил Яковенко. Эм<илий> Карл<ович> Италию осуждал за шум на улицах и противопоставлял ей Германию. — Есть в Москве одна новость не из приятных: Григ<орий> Алекс<еевич> опять болен, хотя и не так сильно, как неск<олько> лет назад, однако его пришлось везти в Ригу. С ним поехал Алекс<ей> Серг<еевич>. Из Риги он хотел заехать в Петербург.⁴⁷ Григ<орий> Ал<ексеевич> был плох, но не физически, а нервно и психически. Незадолго перед этим я у него был, он уже считался больным, но был по виду только очень утомлен. Говорил о своей книге, которую он давно собирался и наконец решил написать, говорил, что готовит сборник своих стихов, чтобы издать в Мусагете (Эм<илий> К<арлович> м<ежду> пр<очим> уже сказал, что ничего бы против не имел),⁴⁸ и этот сборник он собирался подготавливать в Риге. — Сегодня был в Пути, застал там Бердяева и Марг<ариту> Кирилловну.⁴⁹ Она была как-то ужасно мила. Говорили о Серебр<яном> Голубе⁵⁰ и о тебе. Странно, но у меня такое впечатление, что Марг<арита> К<ирилловна> растет и как-то расцветает, зацветает какой-то недосказанной грезой, но все все <так!> увереннее, все сильнее, все живее, пышнее и ближе. И она как-то помалкивает и только улыбается глазами, занавешиваясь туманностями или скромными обыденностями вздыхающей речи. Трогательно — так обрадовалась, видимо, когда я передал ей, что ты пишешь, что счастлив.⁵¹ Сегодня она взяла твой

⁴⁷ Г. А. Рачинский находился в Риге на лечении в клинике нервных болезней доктора Э. Э. Соколовского. 18 января 1911 г. А. С. Петровский писал Белому из Москвы: «У нас тут несколько расхворался Гр<игорий> Ал<ексеевич> и даже принужден был ехать лечиться в Ригу. Тревожиться за него особенно не надо: перевозбужденность на почве неврастения, но далеко не такая сильная, как в прошлый раз четыре года тому назад, нервные дергания и т. д. Все же грустно. Я проводил его и на обратном пути заезжал в Петербург; навестил Вяч<еслава> Ив<ановича>» (Андрей Белый — Алексей Петровский. Переписка. 1902—1932. С. 131—132).

⁴⁸ В «Мусагете» была издана лишь одна книга Г. А. Рачинского — брошюра «Японская поэзия» (М., 1914).

⁴⁹ М. К. Морозова (урожд. Мамонтова; 1873—1958) — вдова промышленника и мецената М. А. Морозова, учредительница ряда благотворительных и культурных начинаний в Москве начала XX века. См.: Лавров А. В., Малмстад Джон. «Прекрасная Дама» Андрея Белого // «Ваш рыцарь»: Андрей Белый. Письма к М. К. Морозовой. С. 3—32.

⁵⁰ В данном случае мог подразумеваться не только роман Андрея Белого «Серебряный голубь» (М.: Скорпион, 1910), но и задуманное Белым его продолжение, которое он в 1910—1911 гг. обычно называл «Голубем» (этот замысел реализовался в романе «Петербург»).

⁵¹ Ср. признание Белого в письме к М. К. Морозовой из Туниса (5/18 января 1911 г., Радес): «Милая, близкая: я счастлив, хорошо» («Ваш рыцарь»: Андрей Белый. Письма к М. К. Морозовой. С. 158). В ответном письме от 14/27 января Морозова

адрес и сегодня же хотела писать тебе. М<жду> проч<им> она очень настаивает, что ты главн<ым> образ<ом> художник. Бердяев также взял твой адрес.⁵² Булгаков тебе писал.⁵³ <...>

А я сегодня понял, почему мне так интересно, дорого и близко заманчиво испанское!: это единственный, какой мы пока имеем, синтез Запада и Востока. Запада вполне сознательного, горячего и ясного и Востока вполне сильного, но достаточно культурного, какими были мавры. Этот синтез, м<ожет> б<ыть>, в пустяках (?) — в песне, в чертах быта, но принципиальное значение его от этого не меньше. Поэтому я думаю, я прав, если утверждаю, что «испанское» не пустяк для России, именно для России, для нее это проблема будущего, но в более серьезной, грандиозной, значительной и трудной постановке. «Русский обыватель и испанцы», — вовсе не пустая и не комическая тема. И ведь есть в России бык! — Это у нас знают люди всех слоев и классов и обнаруживают, хотя часто и в ветхозаветных еще формах. Но откуда этот бык в России — с Востока или с Запада? И в Испании синтез — вечное преодоление быка, способность противостоять ему, выдержать его с полной энергией, быстротой, пляской и цветом жизни. Тогда все цветет — есть и жизнь, есть и бык. В Испании бой быков — это след, символ и воспоминание битвы с маврами, которая началась, вероятно, еще и раньше прихода мавров в предчувствовавшей душе Испании. Роланд, Роланд, имя твое не умерло! дело твое живо!⁵⁴ Но я не знаю, верно ли, что мавры — бык — оч<ень> возможно — тем более, что они пришли через Египет. Но в России откуда бык? Ведь для Европы — Россия бык (боязнь анархистов), а для России — Азия, Восток. Россия сама для себя и Восток и Запад. Она то тореадор, то возлюбленная тореадора. Кармен?! Кармен! Недаром Ницше, сверкая взорами в будущее, под конец признал, полюбил оперу «Кармен»!⁵⁵ Он был охранитель культуры! Но какого слова Испания не сказала, отчего она все-таки обессилела? Потому, что в отношениях с маврами не су-

откликнулась на эти слова: «Счастлива тем, что Вы так радостны и счастливы» (Там же. С. 159).

⁵² См. письмо Н. А. Бердяева к Белому из Троицко-Сергиевского Посада от 26 декабря 1910 г. (Н. А. Бердяев. Письма Андрею Белому / Предисловие, публикация и примечания А. Г. Бойчука // *De visu*. 1993. № 2 (3). С. 18).

⁵³ См. письмо С. Н. Булгакова к Белому от 13—17 декабря 1910 г. (Новый мир. 1989. № 10. С. 238—239. Публикация и комментарии И. Б. Роднянской).

⁵⁴ Подразумевается идея противостояния христиан-европейцев маврам-мусульманам, лежащая в основе старофранцузского эпоса «Песнь о Роланде» (XII в.); центральный ее эпизод — битва арьергарда французских войск во главе с Роландом, вассалом Карла Великого, с несметными полчищами сарацин в Ронсевальском ущелье.

⁵⁵ Восторженные впечатления от оперы Жоржа Бизе «Кармен» (1875) Ф. Ницше изложил в «туринском письме» «Казус Вагнер» («Der Fall Wagner», 1888). См.: *Ницше Фридрих*. Соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 528—530.

мела найти пути положительного и созидательного, а видела лишь путь вражды и отрицания и *страха*?! Но отсутствие страха не есть конечно наше «шапками закидаем» и наша небрежность и неподготовленность. Что касается борьбы, однако, если бы она оказалась необходима, то я тут верю в силу, потому что Россию надо еще раскатать, а когда она раскатается и поймет, что дело действительное и серьезное, она со всей силой вступится за свою молодую жизнь. Ну, а потом, ну, а если сил не хватит. Все равно, не Россия, так кто-то еще на Западе не *может* быть до конца раздавлен, и он должен быть, иначе Восток оборвется опять в бездну, как с ним было и раньше. Или Испания пожертвовала собой ради Европы?

Еще один развернутый отчет о московских событиях содержит письмо Сизова к Белому от 10—11 февраля 1911 г. Начав его с сообщения о возможности ареста книги Вл. Соловьева, выпускаемой в издательстве «Путь», и о необходимости сделать в ней ряд купюр,⁵⁶ Сизов продолжил свою «мусагетскую» хронику. В центре внимания на этот раз — состоявшееся 10 февраля заседание Московского Религиозно-философского общества, посвященное десятилетней годовщине кончины Вл. Соловьева:

Вчера в среду в Мусагете был Вяч. Иванов. Блок заболел и совсем не придет, Вяч<слав> был оч<ень> мил. Вошел такой птицей — знаешь? — в залу и затем пошел передаваться с рук на руки. Были Брюсов, Бердяев, Булгаков, Эрн. Началось с Сережиного реферата о Дельвиге.⁵⁷ Ему в частном разговоре Иванов долго возражал на утверждение, что стыдливость принесена христианством и <не> была у греков. Сережа горячился по поводу еще каких-то пререканий и скоро ушел, кажется, неск<олько> обиженный. Потом читал стихи Иванов, какая-то дама, Лева и Брюсов (оба по одному стихотворению). Брюсову очень понравилось, как изданы Stigmata, очень хвалил обложку.⁵⁸ — Об уни-

⁵⁶ В марте 1911 г. в издательстве «Путь» вышли в свет две книги Владимира Соловьева, переведенные с французского Г. А. Рачинским, — «Россия и вселенская церковь» и «Русская идея», ранее запрещенные в России из-за утверждавшихся в них установок на объединение церквей и толерантного отношения автора к католицизму.

⁵⁷ Сережа — С. М. Соловьев. 16 февраля 1911 г. С. П. Бобров писал Белому: «В прошлую среду в “Мусагете” Сергей Соловьев читал статью о Дельвиге. Статья оказалась очень маленькой и достаточно поверхностной. <...> После лекции Иванов говорил с Сергеем Михайловичем и совершенно уничтожил его (это не было прениями)» (Лица. Биографический альманах. Вып. 1. С. 158. Публикация К. Ю. Постоутенко).

⁵⁸ «Stigmata. Книга стихов» Эллиса была издана «Мусагетом» в феврале 1911 г., обложка — работы А. А. Тургеневой.

верситетских событиях тебе писал Алеша и послал список ушедших профессоров.⁵⁹ Лев радуется, что «разогнано гнездо позитивизма», а Россия, говорит, не погибнет: у нее был Толстой. Вчера Вячеслав Ив. ему выражает удовольствие по поводу его перевода гимна «*Stabat Mater*»,⁶⁰ а Лев ему: «а мне, В. И., ваши стихи не понравились» — и с лицом, получившим выражение ихневмона (знаешь: борьба ихневмона с коброй?) — «не чувствуется, что это пережито», В. И. защищался, объяснял. Мы с Нилендером⁶¹ старались внести ноту примирения и впились во Льва, но он дальше не пошел. Однако Иванов между проч<им> ему сказал: «Вы занимаетесь исследованием моей личности, а не стихотворения». В общем, было много народа и масса каких-то перекрещивающихся токов, атмосфера была довольно сумбурная. Неприятно как-то, что Сережа так ушел, хотя возможно, что он поехал провожать С. Гиацинтова.⁶² — Вчера Соловьев<ский> вечер прошел без заметного подъема. Народа было много. Блок заболел и не приехал, его реферат «Рыцарь-монах» читал я.⁶³ Были два молодых католических патера. Они заинтересовались взглядом Бердяева на различие церковей Зап<адной> и Вост<очной> и невозможность их соединения. Различие это он приводил к образам Иоанна и Петра в «Трех разговорах».⁶⁴ Они сказали, что различие действительно таково. Сегодня один из них просил прийти к Бердяеву еще поговорить.⁶⁵

⁵⁹ «В Университете забастовки сплошные», — сообщил А. С. Петровский Белому в упомянутом письме (29 января 1911 г.), однако перечня профессоров, подавших в отставку в знак протеста против исключения нескольких тысяч студентов, не прилагал. См.: Андрей Белый — Алексей Петровский. Переписка. 1902—1932. С. 135, 138 (комментарии Дж. Малмстада).

⁶⁰ Стихотворение «*Stabat Mater Dolorosa*» из книги Эллиса «*Stigmata*». См.: Эллис. Стихотворения. Томск, 1996. С. 96—97.

⁶¹ Владимир Оттонович Нилендер (1883—1965) — филолог-классик, переводчик, поэт; входил в круг литераторов «Мусагета».

⁶² Софья Владимировна Гиацинтова (1895—1982) — дочь профессора Московского университета В. Е. Гиацинтова, впоследствии известная драматическая актриса. С. М. Соловьев был тогда в нее влюблен. См.: Гиацинтова С. С памятью наедине. М., 1985. С. 443—463.

⁶³ Ранее с чтением этого реферата А. Блок выступил на вечере в память Вл. Соловьева в зале Тенишевского училища 14 декабря 1910 г. и на заседании Петербургского Религиозно-философского общества 19 января 1911 г. «Рыцарь-монах» впервые опубликован в «Сборнике первом. О Владимире Соловьеве» (М.: Путь, 1911. С. 96—103). См.: Блок А. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2010. Т. 8. С. 136—142, 427—430 (комментарии Д. М. Магомедовой).

⁶⁴ Прочитанная на заседании в Москве речь Н. А. Бердяева «Проблема Востока и Запада в религиозном сознании Вл. Соловьева» была опубликована в «Сборнике первом. О Владимире Соловьеве». В «Краткой повести об антихристе», входящей в «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории» (1900) Вл. Соловьева, старец Иоанн — вождь православных, Петр — католический папа.

⁶⁵ Фрагмент о Блоке и Бердяеве из этого письма опубликован в кн.: Литературное наследство. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования.

11 ф<еврала>. Вчера я был у В. И., поговорили с ним дружески, он самостоятелен и чувствует к. б. <?> нашедшим путь. К нему пришел Эрн, кот<орого> только что оправдали: ему грозил год крепости за издание одной брошюры,⁶⁶ а жену надо везти на юг. Потом под-
нялись к Бердяеву, там был маленький раут, был Булгаков, Эм<илий> К<арлович>, Марг<арита> Кир<илловна>, Бородаевский, Герцыки.⁶⁷ А. Герцык, Бородаевский и В. И. читали стихи. Было мило. Много было, но миролюбивых, споров. Был и Ал<ексей> Серг<еевич>. Вячеслав<ов> уезжает. Лев сел в бест. В халате и ермолке сидит в «Дону»,⁶⁸ произ-
носит филиппики и обещает уйти из Мусагета, если он (Мусагет) будет более «деловитым», чем принципиальным. Вчера он был у Эм<илия> К<арловича>, и Э. К. ему сказал, что не может сделать ему никаких уступок. И при всем том Лев по обыкновению трогателен. Мучает Нилендера — как дойдет дело до серьезного разговора, требует от-
речения и перехода в христианство, мучает его и вообще состоянием своим. Но «истории» его приняли оборот розовый: восстановленный мир оказался прочным, даже муж Т. сказал, что свидание со Львом «помогает ему держать экзамены». ⁶⁹ Лев чувствует себя восходящим в силе и правде. Иные относятся к нему как авторитету. Поэтому в уставе нового кружка, вырабатываемом Львом,⁷⁰ имеется, как рас-
сказывает Нилендер, такой пункт: не считать его пророком. Трагизм положения Льва заключается в том, что он признает теперь, что может

Кн. 3. С. 379. О чтении доклада Блока, речи Бердяева и отзывах о ней католических священников Сизов написал также Г. А. Рачинскому 17 февраля 1911 г. (см.: Там же. С. 381).

⁶⁶ Имеется в виду второй судебный процесс над В. Ф. Эрном и издателем И. Д. Сытиным по обвинению в издании антиправительственных брошюр, состоявшийся 11 февраля 1911 г. В ходе разбирательства обвиняемые были оправданы. См. письмо Эрна к Е. Д. Эрн от 12 февраля 1911 г. (Взыскующие Града. С. 339—340).

⁶⁷ Поэт Валериан Валерианович Бородаевский (1874 или 1875—1932) и сестры Герцык — поэтесса и критик Аделаида Казимировна (в замужестве Жуковская; 1874—1925), критик и переводчица Евгения Казимировна (1878—1944).

⁶⁸ Меблированные комнаты «Дон», место жительства Элліса в Москве.

⁶⁹ Подразумевается Лидия Александровна Тамбурер (урожд. Гаврина; 1870—1931), зубной врач, друг семьи Цветаевых, познакомившая с нею Элліса. 19 декабря 1910 г. А. С. Петровский извещал Белого: «У Льва были скандалы с Лид<ией> А<лександровной>, но как будто приходят к концу» (Андрей Белый — Алексей Петровский. Переписка. 1902—1932. С. 117). 19 января 1911 г. Сизов писал Белому: «Лев помирился с Т. и ее мужем и возлагает даже на него надежды в смысле «наштейнеризования». Он очень счастлив этим, послал им обоим недавно цветы».

⁷⁰ В отчете о теософских кружках в Москве за 1911 г. Элліс сообщал, что он устроил в декабре 1910 г. «негласный специальный курс по теософии, куда записались 5 самых способных и ценных слушателей» — А. Сидоров, С. Дурылин, С. Шенрок, А. Ларионов, М. А. Петровский (*Майдель Рената фон*. «Спешу спокой-
но...»: К истории оккультных увлечений Элліса. С. 230—231. Там же в комментариях автора — фрагменты из приводимых писем Сизова к Белому).

в Мусагете проявляться в рамках его редакторских функций, но понимает, что по вопросу, напр<имер>, об участии В. И. его голос против двух недействителен. А его питомцы ему видимо сочувствуют, и Лев проектирует удаление на священную гору. <...>

Тема возможного раскола внутри «Мусагета», провоцируемого Эллисом, занявшим непримиримую позицию по отношению к Вяч. Иванову, которого Э. К. Метнер надеялся привлечь к теснейшему сотрудничеству с издательством, поднимается в следующем письме Сизова к Белому в Африку, от 18 февраля 1911 г.; в нем уже в полный голос звучит и тема «штейнеризации» «Мусагета», которая со временем выйдет во всех внутрииздательских контрroversах на первый план и в конечном счете приведет к распаду «мусагетского» сообщества:

Милый, есть в наших отношениях какая-то взаимная порука, ты это знаешь, и тебе излишне указывать случаи, когда мы это ясно и твердо чувствовали. Теперь, когда тебя нет тут со всеми нами, ты с нами, т<ак> к<ак> мы тут как бы и за тебя, а ты не один, т<ак> к<ак> мы там как бы и за меня и, м<ожет> б<ыть>, за других, и мы с тобой. Поэтому еще более кажется, что поездка твоя имеет глубокий смысл. И, конечно, интереснее и, можно сказать, нужнее поехать на Восток, чем по Европе. Мы сами Европа по какому-то в достаточной мере.

Что делается у нас?

Был вечер в память Вл. Соловьева. Блок заболел и не приехал, его доклад читал я. Особенного подъема не было. Впрочем, я тебе уже писал о нем. Значит, остается одна тема: Лев. Он так был взволнован своим объяснением накануне с Вяч<еславом> Ив<ановым>, что не спал ночь и не был на вечере. Я после заседания зашел к нему. Он был настроен очень воинственно, изрыгал тягчайшие обвинения против своих врагов и как-то странно в своей феске и халате напоминал Иеремию. Он был действительно блестящ, трогателен, чист! но неправ, как всегда, когда он ополчается. И неправ не потому, что не следует негодовать на то, на что он негодует, а потому, что объекты и поводы негодования находятся совершенно в ином отношении к правде и к действительности, чем это он думает. Но он меня начинает глубоко возмущать. И моя любовь к нему, которая, право, велика, толкает меня на изъявления этого возмущения. Хочется к нему отнестись хоть на одну десятую с той строгостью, с какою он относится к другим, и по какому праву?! — по праву всякого католика в дурном смысле. Льва надо гнать из Испании. Невольно, и не по категории сплетни или сования носа в чужое дело, начинаешь обращать внимание, как Лев обращается с Л. Т.⁷¹ Это, кстати, возмутительно, хотя и с той стороны

⁷¹ Л. А. Тамбурер.

тоже не мало распушенности. Нилендера Лев довел до ссоры с ним, полной прострации и неистового встряхивания руками, ногами и головой. Но Нилендер стоически утверждает, что со Львом можно жить,⁷² для него это вопрос чести и самолюбия. Был я недавно у Льва еще. Разговор вышел, постепенно, весьма глубокий. Лев развернул почти весь свой фронт по крайней мере в смысле полноты концепции его современного положения. Доказательства многого он не высказывает, прячет их для решительного сражения. Мне удалось его поколебать в некоторых пунктах его конструкции, и главное, что основной факт обвинения не доказан. И опять меня возмутило его бесцеремонное обращение с фактами, их толкованием, лицами как личностями. В одном важном пункте он ссылаясь на твое мнение, во всяком случае на твои слова. Очень жаль, что ты так ему много говорил и говоришь: Льву каждую вещь надо подносить стороной, обратной той, о которой он спрашивает, так только можно его заставить знать вещь, т<ак> к<ак> иначе для него вечно будет существовать лишь одна его интересующая в данный момент сторона. Из всякой откровенности с ним он делает невероятную кашу, твои слова в его руках превращаются в грандиозные источники всеведения, ему известны с несомненностью такие вещи, какие разве во сне ему могли присниться. В конце концов Лев занимает по отношению к Мусагету выжидательное положение: если политика Мусагета в отнош<ении> к Иванову, вообще стиль в нем, как он говорит, «модного книгоиздательства» приведет к позорным или пошлым фактам, Лев выступит с обвинением, что его не послушались, и как-либо себя проявит. Дела его в отнош<ении> занятий Штейнером идут вперед: он заявил, что всякого оккультиста, который «не поцелует вот этого портрета Штейнера», он выгонит за дверь. У меня осталось такое впечатление, что все эти бунты Льва имеют один общий корень, котор<ый> заключается в нектор<ом> роде ревнивом чувстве: все как-то по-иному, чем он, все согласны между собой, а с ним — нет, ему как будто не доверяют, и это тем более обидно, что «рыжему» доверяют, дают ему писать предисловие к Орфею, чуть не целуются с ним. Он не хочет для Мусагета такой кармической связи! И, действительно, представь себе положение Льва, когда феоретик оргазма будет писать предисловие к Орфею — явный намек на то, что Орфей должен быть растерзан.⁷³ — Под влиянием Stigmata одна барышня остригла волосы

⁷² В это время Нилендер поселился вместе с Эллисом в меблированных комнатах «Дон». Белый вспоминает: «Появление В. О. Нилендера в «Дону» — революция быта жизни; Нилендер заставил Эллиса мыться; завел гребенку ему, урегулировал финансы; Эллис приходил в умиление: — «Владимир Оттоныч — обмыл, напоил, накормил!» (Белый Андрей. Начало века. С. 63).

⁷³ «Рыжий» и «феоретик оргазма» — Вяч. Иванов; им была написана программная статья «Орфей» (Труды и Дни. 1912. № 1. Январь—февраль. С. 60—63),

(т<ак> к<ак> больше нечего ей принести в жертву Богу или Деве Марии) и задумалась о монастыре; Лев, конечно, в восторге, прошел слух, что он хочет жениться и как будто на ней! Я был у Кожебаткина,⁷⁴ велись деловые разговоры. Он купил у Сережи неск<олько> книг из библиотеки Вл. Соловьева⁷⁵ с его собственнор<учными> отметками, это больше мистики <?>, неск<олько> книг Сережа продал еще кому-то, вообще распродает библиотеку Вл. Соловьева. Варварство! оставил бы хоть книги с заметками. Пожертвовал бы куда-нибудь, и продает ведь дешево, много, говорят, продал букинистам. Буду у него скоро — выкупаюсь. Не может не быть племянником, потому что хочет им не быть.

Следующее письмо Сизова к Белому вдохновлено впечатлениями от чтения в корректуре книги Вл. Соловьева («Россия и вселенская церковь» или «Русская идея»); видимо, из-за отсутствия переводчика — Г. А. Рачинского, лечившегося в Риге, — он взял на себя труд по вычитке текста:

24 февр<аля> 1911.

Милый и дорогой Боря! Теперь мне станет посвободнее, буду тебе чаще писать. Кончил корректуру книги Соловьева, как эта книга нужна для России! под покровом простоты соловьевского рационализма она очень глубока! Сейчас чудная «соловьевская» ночь. Уже чувствуется весна в ночных воздушных морозах, уже раздается над Москвой напряженная песня, синяя, благоухающая, пронизанная близостью весны. Сейчас гулял по переулкам около нас: Москва плывет своими домами, крышами и огнями в синих звездных пространствах. Плыл в синих пространствах «на» Б. Трубном переулке, «на» Неопалимовском, пересекая его. Так ясно верю, вижу, что над Москвой дышит особая благодать, объяснимая только тем, что еще совершается священная история — священная история Нового Завета: вся история священна. Эта соловьевская истина стоит над Москвой, — ты вероятно сказал бы: — трубит в призывный рог, трубный звук раздается над спящей Москвой.⁷⁶ Но над спящей! но где же она наяву-то увидит свою судьбу,

обосновывающая задачи «Орфея» — издательской серии «Мусагета», посвященной религиозно-мистической проблематике.

⁷⁴ Александр Мелетьевич Кожебаткин (1884—1942) — секретарь издательства «Мусагет» (до 1912 г.) и владелец издательства «Альциона», библиофил.

⁷⁵ Библиотеку Вл. Соловьева после смерти философа унаследовал его младший брат М. С. Соловьев, после его смерти в 1903 г. она перешла во владение к Сергею Соловьеву.

⁷⁶ Обыгрывается образ шагающего по московским крышам Вл. Соловьева из «Симфонии (2-й, драматической)» Андрея Белого (часть вторая): «9. Иногда он вынимал из кармана крылатки рожок и трубил над спящим городом. 10. Многие слышали звук рога, но не знали, что это означало» (*Белый Андрей*. Симфонии. С. 135).

свою правду-истину, свою радость, свой путь, свою волю?! И опять, опять все кажется, что увидит! Точно обманывают все эти призывы и приходы и точно не обманывают. Быть может, это — только Вл. Соловьев радуется, что на днях выйдет его такая важная для *священной истории* книга, которую там он должен, я думаю, больше ценить, чем «Повесть об Антихристе» со стороны выражения его окончательного слова России; то, что сказано о России в «повести об Антихр<исте>» образом Иоанна, а не Петра, вовсе не противоречит (как кажется, м<ежду> проч<им>, Бердяеву) идее папства, как самостоятельного, *вненационального религиозного* центра. Только Соловьев радуется, — но что значит это *только*, или, вернее, это уже не *только*. Ты на юге, ты счастлив. Милый, я тут на юге и тут счастлив. Милый Боря, так хорошо! И это среди всех ужасов окружающего, нашей настоящей сумбурной, бешеной, обезумевшей, кричащей всеми голосами, нечеловеческими уже, но в глухом безмолвном подземелье, несчастной действительности. Россия *в подземелье*, — вот в чем истина, и правда ее и о ней, и ужас ее положения. Но о счастье, о радости обо всем, когда хорошо, хочется всегда говорить с тобой. И об этом, о сием, о вечном, о юном, о милом. Прости мне мою откровенность, но ты единственный человек, который, мне кажется, *всегда* меня понимает и поймет — *всегда*, потому что иногда мы можем и не соглашаться, нам может быть друг не до друга, но это именно это и есть, и поэтому всегда — я ни к кому, и никому не могу говорить о самом главном, о самом *большом*, о самом милом и вечном, и живом и счастливым, потому что о нем говорить нельзя — его надо видеть и с достаточной ясностью, с достаточной яркостью, близостью, простотой, непосредственностью, верою, мужеством, *счастьем*. Я знаю, что ты счастлив им, и, дорогой мой, я с тобою, — не могу иначе сказать! Как мне быть, как мне жить?! Грудь разрывается от тоски и счастья! Я так устал — прости — от большого знания и от большой силы и от невозможности их приложить: словно жизни это не нужно; — ты один и залог, и товарищ, и вестник, и друг богатырь, и баян, и указующий судьбу по старым книгам. Прости, но опять скажу — мне кажется, что никто не может меня понять, не потому, не в том смысле, чтобы не знали *того*: многие знают, но как будто никто не знает, как это м<ежду> проч<им> лучезарно и небесно можно видеть, но *здесь*, на земле! Для *меня*, по кр<айней> мере, — ты единственный, потому что я чувствую всегда, что мой голос доходит до тебя, вижу, как ты всегда встрепенешься до глубины весь. До глубины, весь — вот! это-то и главное! В *этом* я и Льву не верю, других мало с этой стор<оны> знаю. Голос — о чем, откуда, куда, от кого, к кому, — не *знаю* еще сознательно. Но да знают это сыны человеческие! — а иные, м<ожет> б<ыть>, уже знают. По-сылаю тебе насыщенную бирюзу моих приветствий, она сияет и прозрачна, и непрозрачна, и непрозрачностью глубока.

Могу перед тобою приходить в экстаз. Ответ душу; иначе, о чем писать!

А хорошая обещает быть весна. Я сейчас уже ее воспринимаю в «образах» 2-ой симфонии, настолько ярко, как не запомню давно. А сбывается в значительной мере 2-я симфония! Бродит дух Москвы. Пьянеют уже счастьем души, но сами часто еще не знают, что это оно. И по слепоте иногда льют на пол. А тогда, строго говоря, надо с пола вылизывать. И моя тактика заключается в том, чтобы прямо-таки в случае надобности вылизывать пол, а в общем — говорить, что пол может быть полит и что земля должна цвести, но что нельзя проливать того, что неценно, — лучше довольствоваться малым, чем выплескивать от неумения обращаться. Тут мы в контрах со Львом, хотя, странно, идея сама по себе ему тоже близка, но в общем у нас с ним прекрасные отношения, и он доволен мною в том, в чем я вполне откровенен и искренен.

Горячий привет тебе, Ан<не> Ал<ексеевне>, будьте благополучны.
Твой М. Сизов.

Одно из последних писем, отправленных из Москвы Сизовым Белому в ходе его заграничного путешествия, от 30 марта 1911 г., вновь помещает во главу угла фигуру Эллиса с его фанатической увлеченностью Штейнером:

В Москве все по-старому, лишь все больше и больше кипит и злится Лев. Сейчас у него закрыты иные его лица, за которые любишь его, открыто только кипящее лицо. Кипит на всех нас, на меня с Алекс<еем> Сергеевичем еще меньше, т<ак> к<ак> мы все-таки оказались «понятливее». Но он не может без нетерпимости, догматизма, требовательности, искажения того, что он превозносит, и того, что он ругает. Пропанганда его теософии очень полезна и она несомненно отвечает потребности, я сим ему очень благодарен за наш кружок, но он из теософии делает двуперстное знамение и, красный (!), швыряя окурками, вскакивая, разражается по адресу тех, кто думает, что можно что-нибудь дать миру, сидя в пещере или среди груд книг. Отсюда он выводит, что все такие люди — сгнившие эгоисты и что он предпочитает иезуитов, кот<орые> идут к людям. Но всего не передашь. Скажу только, что, помимо его деятельности как теософа, там, где он лично проявляется, он для меня печальное явление и в смысле культурном, и в смысле религиозном. И загадочно: он проповедует то учение, которое противно всей его собственной психологии. Я не хочу сказать, что для него самого невозможен религиозный путь, скорее, думаю, наоборот, но — что он не признает ни одного из иных возможных, кроме его пути, все это для него от диавола. А религиозных концепций 12, уж это minimum.

Определенную поддержку своим выводам относительно Эллиса Сизов нашел в лице Маргариты Волошиной (Сабашниковой), одной из первых русских учениц Штейнера, близко его знавших, постоянно с ним общавшихся и обладавшей в кругу русских штейнерианцев безусловным авторитетом. В недатированном письме к Белому, относящемся к июлю или августу 1911 г., Сизов сообщал:

Приехала Марг<арита> Вас<ильевна>. Мы со Львом были у нее, и я был рад тому, что по самым существенным пунктам Лев не получил от нее одобрения, и как раз тем, против которых говорил ему обычно я, например, да и другие. <...> Марг<арита> Вас<ильевна> переменялась, по моему, к лучшему во всех смыслах. Помолодела словно, сосредоточенная, спокойная, глубокая и очень трогательная, очень был интересен их разговор со Львом. <...> Марг<арита> Вас<ильевна> привезла перевод Экхарта и была в Мусаг<ете> по делам, связанным с ним.⁷⁷

Неизменная толерантность Сизова, проявлявшаяся особенно наглядно по контрасту с обрисованными чертами личности Эллиса, сказала и в последующей истории «Мусагета», когда поводом для резкого размежевания бывших соратников послужил все тот же Эллис. Время «ученичества» у Штейнера оказалось для него непродолжительным, в 1913 г. Эллис вышел из Антропософского общества и представил для опубликования в «Мусагет» трактат «Vigilemus!» — свой новый символ веры, который русские штейнерианцы — и Андрей Белый, ставший к тому времени убежденным последователем антропософского учения, в первую очередь — готовы были расценивать как идейный пасквиль. Несмотря на активное противодействие Белого, Э. К. Метнер принял решение (в октябре 1913 г.) книгу Эллиса опубликовать, после чего Белый, а также Сизов и Петровский вышли из числа сотрудников «Мусагета». При этом Сизов всемерно старался притушить накал разыгравшихся страстей. Белый свидетельствует в «Материале к биографии»: «Сизов был смущен резкостью моего тона».⁷⁸ Сам Сизов несколько месяцев спустя обратился к Метнеру с письмом (от 25 ноября 1914 г.), в котором признавался: «Передо мной встала в большом величии правда “Мусагета” <...> прошу Вас не рассматривать это письмо как антропософический удильный крючок. Есть вещи, на которые я смотрю теми же глазами, что и другие, причем я называю мой взгляд антропософическим, а другие его так не называют. Я в таких случаях легко могу оставлять антропософию в стороне».⁷⁹

⁷⁷ Имеется в виду рукопись книги: *Мейстер Экхарт*. Проповеди и рассуждения / Перевод со средне-верхне-немецкого и вступ. статья М. В. Сабашниковой. М.: Мусагет, 1912. Она вышла в свет в середине апреля 1912 г.

⁷⁸ Андрей Белый и антропософия / Публикация Дж. Малмстада // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 8. Paris, 1989. С. 433. См. также с. 498 — 515 наст. изд.

⁷⁹ РГБ. Ф. 167. Карт. 14. Ед. хр. 41.

В Швейцарии Сизов участвовал вместе с Белым в 1914—1915 гг. в строительстве антропософского храма-театра — Гётеанума. После того как он в начале мая 1915 г. уехал в Россию, Белый в развернутом письме, адресованном ему, обрисовал в деталях значимое событие своей жизни — продолжительную беседу со Штейнером, состоявшуюся 27 сентября 1915 г.⁸⁰ Уже в пореволюционную пору Белый и Сизов общались на собраниях Московского Антропософского общества, причем тогда обозначились какие-то, неясные нам, обстоятельства, о которых можно судить по глухим свидетельствам Белого в автобиографических записях, касающихся июля — августа 1919 г.: «Натягиваются отношения с советом “А. О.” и с Сизовыми»; «Инцидент с Сизовым на почве “А. О.”».⁸¹ Как можно судить по всей совокупности документальных свидетельств, характеризующих жизнь Белого в советскую эпоху, тесные связи его с Сизовым в это время не прослеживаются. В состав группы Ломоносова, выделившейся из Московского Антропософского общества и включавшей Андрея Белого, К. Н. Васильеву, М. П. Столярова, В. О. Станевич и др., Сизов, по всей видимости, не вошел. Впрочем, в 1920-е гг. он свою приверженность к антропософии находил возможным сочетать с участием в других неофициальных объединениях эзотерического характера: в 1920 г. вступил в Орден тамплиеров (в котором занимал одно время положение командора), а в 1922 г. — в московский Орден розенкрейцеров.⁸² Репрессии, жертвами которых стали в 1931 г. около трех десятков московских антропософов (многие из них входили в ближайшее окружение Белого),⁸³ Сизова обошли стороной, однако два года спустя его арест (22 апреля 1933 г.) был проведен по Делу московских розенкрейцеров-орионийцев. Участи его в обстоятельствах набравшего обороты сталинского террора можно было позавидовать: постановлением ОСО ОГПУ от 21 июня 1933 г. Сизов был освобожден с зачетом срока предварительного заключения.⁸⁴

Относительно благополучно сложилась его судьба и в последующую пору: в конце 1930-х гг. уехал в Сочи, где до 1948 г. работал в Институте курортологии СССР, вернулся с семьей в Москву в 1952 или 1953 г., где затем состоял на службе в системе Академии наук. Скончался от рака позвоночника 9 декабря 1956 г. Похоронен на московском Ваганьковском кладбище.

⁸⁰ См.: *Спивак Моника*. Андрей Белый — мистик и советский писатель. М., 2006. С. 74—91.

⁸¹ *Белый Андрей*. Ракурс к Дневнику. Л. 100.

⁸² См.: Розенкрейцеры в советской России: Документы 1922—1937 гг. / Публикация, вступ. статьи, комментарии, указатель А. Л. Никитина. М., 2004. С. 229—230.

⁸³ См.: *Спивак Моника*. Андрей Белый — мистик и советский писатель. С. 378—379.

⁸⁴ Розенкрейцеры в советской России. С. 229.

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ — ПУТЕШЕСТВЕННИК ПО СРЕДИЗЕМНОМОРЬЮ (новые материалы)

В 1910—1911 гг. Андрей Белый предпринял почти полугодовую заграничную поездку: отъезд из Москвы 26 ноября / 9 декабря 1910 г., — возвращение в Россию (в Одессу) 22 апреля / 5 мая 1911 г. Путешествовал он вместе с А. А. Тургеневой, с которой непосредственно перед этим соединил свою судьбу (официально брак будет зарегистрирован в марте 1914 г. в Берне). Предполагалось поначалу, что они проедут через Австрию и Италию на Сицилию, где проведут зиму (Белый запланировал начать там работу над второй частью романа «Серебряный голубь» — будущим «Петербургом»), а затем отправятся в обратный путь, по дороге внимательно знакомясь с Италией. Об этих намерениях Белый вспоминает, описывая отбытие из Москвы: «Улыбались мы, странники: странствие месяцы зрело, погнав из Москвы мимо пышных музеев в Сицилию, чтобы с началом весны нам подняться на Север: обзором Италии; так мы хотели».¹ Согласно предначертанному плану, Белый и А. Тургенева бегло ознакомились с Венецией (12 декабря н. ст.), Римом, Неаполем (мимолетных впечатлений Белому хватило на несколько путевых очерков²) и 17 декабря прибыли на Сицилию, в Палермо; через неделю переехали в Монреале — городок в 5 км от Палермо со знаменитым собором XII века. Сицилия поразила Андрея Белого более всего многослойным пересечением в ее культурных памятниках элементов западноевропейских, византийских и восточных; при этом интерес к Востоку — непознанному арабскому Востоку — возобладавал настолько, что вместо задуманного долговре-

¹ *Белый Андрей*. Путевые заметки. Т. 1. Сицилия и Тунис. М.; Берлин: Геликон, 1922. С. 15.

² Под общим заглавием «Путевые заметки» они публиковались в петербургской газете «Речь» в 1911 г. («Венеция» — 25 января, «От Венеции до Палермо» — 2 февраля, «Палермо» — 13 февраля, «Пестрый сфинкс» — 5 июня, «Смех и слезы» — 3 июля, «Радуга Монреалья» — 24 июля).

менного пребывания на Сицилии (чему препятствовали и неудачные бытовые условия) и последующего путешествия по Италии спутники отправились на африканский берег — в Тунис (5 января 1911 г.), где провели более двух месяцев (в основном в арабской деревне Радес близ города Туниса). 8 марта Белый и А. Тургенева отплыли из Туниса в Египет, где провели почти месяц, 10 апреля прибыли в Иерусалим и около двух недель спустя отправились по Эгейскому морю через Константинополь на родину.

Время, проведенное в этом путешествии, оказалось для Андрея Белого одним из наиболее светлых, отрадных и безмятежных периодов его жизни. Путевые очерки, писавшиеся им на Сицилии и в Африке, сложились в книгу, которая, в силу ряда обстоятельств, долгое время не могла выйти в свет (в периодике появлялись отдельные фрагменты³) и была наконец опубликована в переработанной редакции 1919 г., причем первый том был напечатан при жизни автора дважды,⁴ а второй так и оставался неизданным вплоть до новейшего времени.⁵

Средиземноморское путешествие щедро документировано также письмами Андрея Белого — от коротких, но неизменно эмоционально выразительных записок, отправленных на открытках, до пространных посланий, полных развернутых описаний увиденного и прочувствованного и рассуждений культурологического характера, лишь отчасти отразившихся в «Путевых заметках». Часть этих писем, отправленных Белым матери — А. Д. Бугаевой, Э. К. Метнеру, А. С. Петровскому, А. М. Кожебаткину, вошла в публикацию Н. В. Котрелева «Путешествие на Восток. Письма Андрея Белого»,⁶ которую предваряет вступительная статья публикатора, указывающая на исключительную значимость предпринятого путешествия для творческой биографии писателя. Письма Андрея Белого, относящиеся к этой поре, напечатаны также в составе публикаций его писем к ряду корреспондентов:

³ Очерк «Тунис» был напечатан в «Речи» 29 сентября 1911 г. и в газете «Современное слово» в тот же день, очерк «Арабы (Из писем с дороги)» — в газете «Утро России» 5 апреля 1911 г., «Египет» — в журнале «Современник» (1912, № 5—7), «Дервиш (Из путевых заметок)» — в кн.: Велес. 1-й альманах русских и инославянских писателей. Пг., 1912—1913. С. 85—103.

⁴ См.: Белый Андрей. Офейра. Путевые заметки, ч. I. М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1921; Белый Андрей. Путевые заметки. Т. I. Сицилия и Тунис. М.; Берлин: Геликон, 1922.

⁵ Опубликован С. Ворониным («Африканский дневник» Андрея Белого) со вступительной статьей Н. Котрелева («Злосчастная судьба счастливой книги. К истории путевых записок Андрея Белого») в кн.: Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. <Вып.> I. М., 1991. С. 327—454.

⁶ См.: Восток — Запад: Исследования. Переводы. Публикации. М., 1988. С. 143—177.

А. А. Блоку, М. К. Морозовой, А. М. Кожебаткину, А. С. Петровскому, А. Д. Бугаевой.⁷ Еще несколько писем Белого, отправленных в ходе этого путешествия, адресовано Н. П. Киселеву, они хранятся в архиве адресата в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (РГБ. Ф. 128).

В «Воспоминаниях о Блоке» Андрея Белого упоминаются «лица, о символизме не написавшие ни единой строки»; тем не менее «они все вынашивали атмосферу, слагавшую символизм».⁸ Один из них — Николай Петрович Киселев (1884—1965), друг Андрея Белого с середины 1900-х гг., входивший в организованный им и Эллисом кружок «аргонавтов», а с 1910 г. — один из ближайших сотрудников московского издательства «Мусaget», в котором Белый играл важнейшую роль. В пореволюционные годы Киселев активно трудился в области книговедения и библиографии, став одним из самых крупных профессионалов,⁹ однако и эта относительно безопасная ниша не спасла его от преследований по службе, ареста в 1941 г., лагеря и ссылки.¹⁰ Будучи в «Мусagете» одним из инициаторов издательской серии «Орфей», призванной публиковать писателей-мистиков, Киселев и в советское время сохранял интерес к эзотерическим учениям и стал наиболее компетентным специалистом по истории масонства и мистицизма в России.

В списке «Люди, имевшие для меня величайшее значение» (в рубрике «Ровесники», включающей 12 имен) Киселев на первом месте

⁷ См.: Александр Блок и Андрей Белый. Переписка / Редакция, вступ. статья и комментарии В. Н. Орлова. М., 1940. С. 243—256; Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. 1903—1919 / Публикация, предисловия и комментарии А. В. Лаврова. М., 2001. С. 380—399; «Ваш рыцарь»: Андрей Белый. Письма к М. К. Морозовой. 1901—1928 / Предисловие, публикация и примечания А. В. Лаврова и Джона Малмстада. М., 2006. С. 157—167; «Кожебак!.. Да ведь это хуже, чем гусак!!!» Письма Андрея Белого к А. М. Кожебаткину / Предисловие, публикация и комментарии Джона Малмстада // Лица. Биографический альманах. Вып. 10. СПб., 2004. С. 149—168; Андрей Белый — Алексей Петровский. Переписка. 1902—1932 / Вступ. статья, составление, комментарии и подготовка текста Джона Малмстада. М., 2007. С. 116—180; «Люблю Тебя нежно...» Письма Андрея Белого к матери. 1899—1922 / Составление, предисловие, вступ. статья, подготовка текста и комментарии С. Д. Воронина. М., 2013. С. 111—143. Письма Белого к Э. К. Метнеру и Эллису, отправленные в декабре 1910 г. из Италии, вошли в публикацию: *Нефедьев Георгий*. Итальянские письма Андрея Белого: ракурс к «посвящению» // Русско-итальянский архив II / Составители Даниэла Рицци и Андрей Шишкин. Салерно, 2002. С. 115—139.

⁸ *Белый Андрей*. О Блоке: Воспоминания. Статьи. Дневники. Речи. М., 1997. С. 38.

⁹ См.: Николай Петрович Киселев. Биобиблиографический указатель / Сост. О. А. Грачева, К. П. Сокольская. М., 1984.

¹⁰ См. подробный биографический очерк о Киселеве: *Серков А. И.* Предисловие // Киселев Н. П. Из истории русского розенкрейцерства / Сост., подготовка текста и комментарии М. В. Рейзина, А. И. Серкова. СПб., 2005. С. 5—78.

указал: «Б. Н. Бугаев».¹¹ В свою очередь и Андрей Белый не раз упоминает Киселева в ряду лиц, образовывавших «целое душ, кровно связанных»,¹² и отмечает особенную духовную близость с ним в 1910 г.¹³ — в пору, непосредственно предшествовавшую средиземноморскому путешествию. Естественно, что Киселев, с которым Белый время от времени переписывался начиная с 1905 г., оказался в числе тех корреспондентов, с кем он готов был делиться своими новыми впечатлениями и переживаниями.

Первое в этом ряду писем к Киселеву — открытка (с фотографией: «Palermo. Chiesa di S. Francesco d'Assisi, costruzione di stile gotico»), отправленная из Палермо, по-видимому, 19 декабря 1910 г. (почтовый штемпель прочитывается неотчетливо) и полученная в Москве по адресу «Мусарега» 12/25 декабря:

Милый Николай Петрович!

Привет! Вена — туманна; Венеция — жемчужина в туманном атласе; Неаполь — злой, пестрый арлекин в прекрасном наряде, курящий трубку (Везувий). Средиземное море — ласковое; Палермо — прекрасен, добродушен и бестолков. Но солнце, море, апельсины, цветы — ласкают. Привет: все хорошо. Целую.

Борис Бугаев.

От Аси привет. Супруге¹⁴ Вашей привет. Всему привет!

За этой открыткой последовала еще одна — из Монреале (отправлена 28 декабря 1910 г., получена в Москве 20 декабря ст. ст.); фотография на ней дает панораму Монреале, на которой Белый обозначил буквенные указания, проясненные в тексте:

Милый Николай Петрович!

Привет. Все хорошо. Вот вид Монреале, где мы теперь живем. Дико, грозно, странно, много арабского вокруг; но — хорошо Все помню... (а) веранда плоской крыши, где мы живем. (б) Монреальский собор 12 века с лучшей мозаикой в мире; сплошь мозаичный. Ну, Христос с Вами.

Любящий Б. Бугаев.

P. S. Вашей супруге привет.

¹¹ Серков А. И. Предисловие. С. 75.

¹² Белый Андрей. О Блоке. С. 331.

¹³ См.: Там же. С. 359. Ср. признание Белого в письме к Н. П. Киселеву от 22 января 1910 г.: «Вы мне стали близки очень — этим летом <...>».

¹⁴ Первая жена Киселева — норвежка Кристина (Христина Лаврентьевна) Киселева (урожд. Вестрем, в первом браке Кристенсен; 1872—1942).

Более развернутый рассказ содержится в следующем письме, от 13/26 января 1911 г. (Maxulla-Rades), полученном в Москве 21 января ст. ст.:

Милый, близкий
Николай Петрович,

пишу Вам с чувством некоторого беспокойства. Как? Все ли благополучно. Хотел бы от Вас иметь хотя бы несколько слов....

Как находите Вы сейчас *«Мусагет»*. Друзья мне о *«Мусагете»* не пишут ничего ровно. А хотелось бы знать Ваше мнение.

Бердяев мне пишет, что он очень ценит знакомство с Вами.¹⁵ Как находите Вы Бердяева? Как Вы, и что Москва?

Пишу всё вопросам. О себе же скажу только, что все хорошо, ясно и радостно. Внутренне нет никаких туч, но есть внешние сложности.

Сейчас мы живем в арабской деревне под Тунисом.¹⁶ С арабами хорошо и просто. Местность очаровательная; ничего подозрительного нет. В арабах нет ничего монгольского; они благородны, самостоятельны, почтенны; нигде я не видал столько почтенных старцев, как в Тунисии. Дом, где мы живем, совершенно чист от всяких вибраций; чувствуешь себя в известном смысле безопаснее, чем в Москве, — о, насколько безопаснее: никакой напряженности, никаких психических, чуждых волн.

В Монреале было совсем не так: очень светлое чередовалось с очень темным.

Милый Николай Петрович, прошу Вас, по получению письма, напомните Кожебаткину, что у меня денег нет уже давно, телеграммы не посылаю (дорого), и что денег жду переводом по телеграфу.¹⁷ Мой адрес. Afrique. Tunisie. Maxulla-Radès (près de Tunis). A Madame Rebeyrol, ruraliste de Radès. Мне.

¹⁵ Имеется в виду письмо Н. А. Бердяева, отправленное из Троицко-Сергиевского Посада 26 декабря (ст. ст.) 1910 г.: «А как Вам? Чувствую, что радостно. <...> Очень для меня ценно знакомство с Н. П. Киселевым. Благодарю Вас, что Вы устроили это знакомство» (Н. А. Бердяев. Письма Андрею Белому / Предисловие, публикация и примечания А. Г. Бойчука // De visu. 1993. № 2 (3). С. 18).

¹⁶ В деревне Радес Белый и А. Тургенева поселились 2/15 января 1911 г.

¹⁷ Владелец московского издательства «Альциона» Александр Мелетьевич Кожебаткин (1884—1942) исполнял в это время секретарские обязанности в «Мусагете» и ведал в нем денежными расчетами. 4 января (н. ст.) 1911 г. Белый отправил Кожебаткину просьбу выслать ему 300 руб., в тот же день — две открытки ему же, в каждой — просьба выслать 150 руб. См.: Лица. Биографический альманах. Вып. 10. С. 155—156.

Христос с Вами. Очень люблю и помню. Желаю Вам нового года.
1911 год — решающий. Остаюсь любящий Вас

Б. Бугаев.

Р. S. Вашей супруге привет.

Следующее письмо Белого отправлено Киселеву два месяца спустя, 14/27 марта 1911 г., из Каира; в нем зафиксированы уже иные впечатления от арабского мира, во многом контрастные с теми, которыми одарила писателя земля Туниса. Пленившая Белого цельная средневековая культура арабского Магриба сменилась интернациональной чересполосицей современного арабского Египта:

Милый, милый
Николай Петрович!

Очень вдруг захотелось сказать Вам несколько слов: приближается август. Мы должны весной встретиться. Мы должны вместе провести хотя бы один день. Что будет, не знаю. Судя по отрывкам во французской прессе, в России — смутно, чревато событиями. Более трех месяцев не читал я русских газет. Ничего не знаю. Здесь же спокойно, пошло, мертво, т. е. пошло везде, где европейская цивилизация наложила руку на Африку; там же, где нет Европы, безобидно, чисто, свободно, *но ничем не чревато*. Отсюда мне кажется, что узлы мировых событий — в России. Еще и еще, и еще говорю всему: *да!* Буду в Москве, вероятно, в первой половине мая. Непременно должны встретиться!

Мы ждем денег, чтобы плыть в Иерусалим. В Иерусалиме пробудем с неделю; недели две отдохнем в Греции. А там — в Россию. Приедем в Луцк.¹⁸ В Луцке проживу несколько дней, чтобы потом на неделю, на две приехать в Москву. Лето провожу в Луцке; в августе, конечно, буду в Москве. В августе следует нам быть вместе.

Милый, как странно: мы с Вами все время сменяем друг друга. Помните прошлую весну и лето. Тогда были Вы. Осенью — я. Зимой опять Вы.

Что сказать о Каире. Каир безобразен, грязен, гадок. И Каир — прекрасен. Нил, сады Булака, окрестности — восторг; сам же Каир — пыжающийся быть цивилизованным турка да миллионщик англичанин, дерущий за всё огромный процент; процентом обложены сами пальмы. Впечатление от здешних англичан, как и от здешних «арабов» (!) самое гнусное; *арабы* — ничего арабского в них нет; они растворились в феллахх и турках. Насколько сохранилась арабская культура на севере Африки, настолько провалилась она в Египте. Каир — центр африкан-

¹⁸ В Волынской губернии близ Луцка располагалось имение Боголюбы, принадлежавшее В. К. Кампиони, отчиму А. А. Тургеневой. Ранее Белый провел там несколько недель летом 1910 г. В 1911 г. он и А. Тургенева приехали в Боголюбы 25 апреля (ст. ст.).

ской деморализации; и Каир — центр цивилизации. Здесь даже есть у арабов свой египетский университет; а египетские студенты кричат о свободе и равенстве; в прошлом году они освистали Рузвельта,¹⁹ обратившегося к ним с речью. Это ли — не «прогресс»? И однако «гаже» цивилизованного египтянина трудно себе представить. Университет — и на 1000 четыре грамотных! В Каире и под Каиром «декадентские» пейзажи; Каир неуютен; самая здесь природа грозна, сердита, печальна; и вместе с тем чисто тропическая роскошь.

Но самое неприятное здесь — блохи; они прыгают всюду по улицам; стоит пройти по Каиру, как домой с собой приносишь с десяток блох. Мы с Асей воюем с блохами немилосердно; и с надеждой ждем денег, чтобы бежать из Египта. Насколько в Тунисии хочется жить, настолько удовлетворяешься беглым обзором Каира. Ну прощайте. Христос с Вами. Остаюсь крепко любящий Вас

Борис Бугаев.

P. S. От Аси привет.

Последнее из этой серии писем Белого к Киселеву было отправлено из Иерусалима на открытке с видом Масличной горы. Недатированное, оно написано незадолго до православной Пасхи (в 1911 г. — 10 апреля ст. ст.) и проникнуто ощущением близости предстоящего праздника:

Хорошо, светло — радостно: несказанно. Цветы и камни — вот Палестина. Иерусалим продолжается в иудейские горы; это не горы, а несложные стены Грядущего Града: так это ясно, что только слепцы не увидят. Будет, будет! Глядя на горы, понял Кабаллу. Легко дышится; отдыхаем от казней Египта. Храм Гроба Господня... — я им ошеломлен (пишу о чисто внешнем впечатлении): вовсе не то, что можно думать. Все живо там. Напряжение страшное. У гроба — монахи католики и монахи православные (рядом): церкви соединились, соединены неразрывно фактом (храмом).

Здесь проживем. Здесь все говорит. Здесь точно дома...

Пасху встретим здесь.

Христос Воскресе! Ура России!

Вынашивавшиеся ранее планы последующего пребывания в Греции — и тем самым восполнения одного культурно-исторического ареала другим, Иерусалима — Афинами, — реализовать не удалось. Посетив лишь Мигилены, греческий порт в Эгейском море, Белый и А. Тургенева провели три дня (1—3 мая н. ст.) в Константинополе и оттуда отправились Черным морем в Россию.

¹⁹ Теодор Рузвельт (1858—1919) — 26-й президент Северо-Американских Соединенных Штатов (1901—1909) от Республиканской партии.

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ И ЭЛЛИС О ЗАДАЧАХ «МУСАГЕТА»

В общих чертах история московского издательства «Мусагет» и выпускавшегося им журнала «Труды и Дни» нашла свое отражение в ряде работ новейшего времени.¹ С необходимой полнотой картину «мусагетской» деятельности можно будет воссоздать после введения в читательский и исследовательский оборот наиболее значимых документов, ее освещающих, и прежде всего после опубликования переписки Андрея Белого и Э. К. Метнера, двух главных организаторов и руководителей издательства, подготавливаемой ныне к печати в полном объеме. Имеются в архивных фондах и многие другие неопубликованные документы, существенно дополняющие и корректирующие ту совокупность сведений о «Мусагете», которая зафиксирована в печатных источниках. В их числе — программные декларации Андрея Белого и Эллиса, третьего инициатора «мусагетского» сообщества, предназначавшиеся, по всей вероятности, для

¹ См.: Фрумкина Н. А., Флейшман Л. С. А. А. Блок между «Мусагетом» и «Сирином» (Письма к Э. К. Метнеру) // Блоковский сборник. II. Тарту, 1972. С. 385—397; Лавров А. В. «Труды и Дни» // Русская литература и журналистика начала XX века. 1905—1917. Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1984. С. 191—211; Толстых Г. А. Издательство «Мусагет» // Книга. Исследования и материалы. Сб. LVI. М., 1988. С. 112—133; Безродный М. В. Из истории русского неокантианства (журнал «Логос» и его редакторы) // Лица. Биографический альманах. Вып. 1. М.; СПб., 1992. С. 372—407; Безродный М. В. Издательство «Мусагет»: групповой портрет на фоне модернизма // Русская литература. 1998. № 2. С. 119—131; Неизданная переписка А. Блока и Э. К. Метнера / Публикация, предисловие и комментарии А. В. Лаврова // Александр Блок. Исследования и материалы. СПб., 1998. С. 195—223; Безродный Михаил. Из истории русского германофильства: издательство «Мусагет» // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник за 1999 год. М., 1999. С. 157—198; Юнгрен Магнус. Русский Мефистофель. Жизнь и творчество Эмилия Метнера. СПб., 2001. С. 42—74; Безродный М. В. Издательство «Мусагет» // Книжное дело в России в XIX — начале XX века. Сб. научных трудов. Вып. 12. СПб., 2004. С. 40—56. Материалы конференции по «Мусагету», проведенной в РГГУ в 2009 г., опубликованы в сб.: Книгоиздательство «Мусагет». История. Мифы. Результаты. Исследования и материалы / Сост. Анна Резниченко. М., 2014.

помещения в журнале, который задумывался в самом начале организационной деятельности по созданию «Мусажета» (затем его издание было отложено), либо в рекламном каталоге готовившихся к печати и запланированных книг.

Отличие от «Скорпиона», другого московского модернистского издательства, в 1900-е гг. наиболее престижного и наиболее толерантного в своем приятии всех форм и разновидностей «нового» искусства, «Мусажет» в своих исходных установках формировался скорее как объединение узко-корпоративное, хотя и провозгласившее как свой лозунг предельно общее и всеобъемлющее понятие культуры. Символизм осмыслился и отстаивался «мусажетцами» как способ освоения унаследованных, подлинных и «вечных» культурных ценностей и как путь к созиданию на этой благотворной почве ценностей новых. Из широчайшего многообразия аспектов культуры для определения идейной платформы «Мусажета» отбирались главным образом те, в которых прямо или косвенно прослеживалась религиозно-философская проблематика. Генетически «мусажетский» союз восходил к организационно неоформленным объединениям энтузиастических мистиков, группировавшихся сначала вокруг Андрея Белого и Эллиса (кружок «аргонавтов», функционировавший в первой половине 1900-х гг.), а затем на собраниях у Астровых (середина 1900-х гг.), по следам которых были изданы в 1906 г. два литературно-философских сборника «Свободная совесть». Неоднократно возникавшие попытки этой общности, лишь частично — в основном в лице тех же Белого и Эллиса — входившей в круг активно вовлеченных в литературную жизнь писателей-модернистов, заявить о себе как о самостоятельной группе лиц, со своими особыми творческими задачами и целями, стали реальностью в 1909 г., когда Э. К. Метнеру удалось изыскать средства и возможности для учреждения собственного издательского предприятия.

Идея тождества символического образа Мусажета и синтетического понятия культуры была исходной во всех предварительных обсуждениях программных положений, которым должно было отвечать задуманное начинание. Еще за два года до того, как задачи формирования нового издательства и журнала обрели конкретную почву, Э. К. Метнер писал Эллису (15 апреля 1907 г.): «Я согласен стать одним из... (или, если хотите, главным) редактором *Мусажета*: 1) с января 1908 г. <...> Что журнал можно (при деньгах) начать уже с 1908 г., в этом я, по-видимому, еще меньше сомневаюсь, нежели Вы. Книгоиздательство под заголовком "*Культура*" может, начав функционировать уже теперь, зарекомендовать себя в течение 1907 г. двумя-тремя хорошими книгами (безразлично, оригинальными или переводными); каждая книга может состоять из 1, 2, 3 выпусков (томов), но не больше <...> Под знаменем "*Культуры*" можно издавать и рассуждения и стихи и изящную прозу. Хорошо бы начать с какого-нибудь сочинения о культуре в нашем новом синтети-

ческом смысле. Или с книги о Данте, о Гёте <...>. Перечисляя далее наиболее желательные, в смысле реализации программных установок и идейно-эстетических предпочтений, книги, среди них — «Арийское мирозерцание» Х. Ст. Чемберлена, «Произведение искусства будущего» Р. Вагнера, «Поэтика» Аристотеля, «Наука поэзии» Горация, «О народном красноречии» Данте, фрагменты из Гёте, Ницше, Вагнера, «заключающие культурно-руководящую мысль», и т. д., Метнер завершал: «Если издать несколько таких книг, то, в случае их успеха (в чем я не сомневаюсь), можно начать *Мусагет*».²

В 1909 г., когда были начаты подготовкой к печати первые «мусагетские» издания — «Символизм» Андрея Белого и «Русские символисты» Эллиса,³ — параллельно формировался новый литературный центр, объединявший писателей-модернистов: петербургский журнал «Аполлон», во многом осваивавший и обновлявший те эстетические установки, которым следовали «Скорпион» и близкие ему, но менее влиятельные объединения и по отношению к которым дистанцировался триумvirат в составе Э. Метнера, Андрея Белого и Эллиса. Пан-эстетизму «Аполлона» они противопоставляли иное содержание того же греческого мифологического образа: Аполлон-Мусагет, водитель муз, знаменовал не только служение искусству, но и гармоничное, согласованное воплощение всех возможных форм творчества, служение культуре в высшем смысле этого слова, подразумевающим совокупность универсальных ценностей, выработанных веками исторического развития и указующих пути к постижению ценностей высшего порядка. В 1909 г., в пору определения идейной платформы «Мусагета», Андрей Белый написал статью «Проблема культуры», опубликованную впервые в составе его книги «Символизм» (1910). Обрисовав в ней предельно общие параметры и критерии, которым призвано соответствовать анализируемое понятие, Белый заключал: «... права законодатели символизма, указывая на то, что последняя цель искусства — пересоздание жизни; недосказанным лозунгом этого утверждения является лозунг: искусство — не только искусство; в искусстве скрыта непроизвольно религиозная сущность. Последняя цель культуры — пересоздание человечества; в этой последней цели встречается культура с последними целями искусства и морали; культура превращает теоретические проблемы в проблемы практические; она заставляет рассматривать продукты человеческого прогресса как ценности; самую жизнь превращает она в материал, из которого творчество куёт ценность».⁴

² РГБ. Ф. 167. Карт. 6. Ед. хр. 4.

³ На деле первым «мусагетским» изданием, по причине задержки с выходом в свет «Символизма», стала книга стихотворений Сергея Соловьева «Апрель», изданная в конце февраля — начале марта 1910 г. См.: Толстых Г. А. Издательство «Мусагет». С. 118.

⁴ Белый Андрей. Критика. Эстетика. Теория символизма: В 2 т. М., 1994. Т. I. С. 53.

Сходного содержания и пафоса исполнена декларация Андрея Белого, указующая на задачи и принципиальные установки, которым призвано следовать в своей практике издательство «Мусагет». Во многом созвучны с высказанными Белым идейно-эстетические основоположения, которые выдвигал Эллис: собственно эстетические ценности и пути принимаются им лишь в унисонном сочетании с иными путями, высшего порядка, философскими и религиозными прежде всего, и оправданы они, по убеждению «мусагетского» идеолога, лишь стремлением приблизиться к «предпоследнему», за которым открывается «последнее» — вечная и цельная религиозная истина, полнота абсолютного бытия. Упомянутая Эллисом теофания (в изначальном смысле — дельфийские празднества в честь Аполлона), разумеется, осмыслялась им в сугубо религиозно-мистическом плане — как воплощение божественной мудрости, и сведение к ней, как к чаемой сверхзадаче, всех программных «мусагетских» установлений вызвало неприятие у Э. К. Метнера, гораздо более широко и без максималистского пафоса представлявшего себе открывавшиеся перед новым издательством культуросозидательные перспективы. «Необходимо переделать», — написал он на обороте последнего листа с текстом эллисовского «манифеста», — взять всё в более откровенно-субъективным тоне, не от группы. Нельзя о теофании». Таким образом, уже на самых первых порах деятельности «Мусагета», в процессе выработки объединяющих идейных установок, между учредителями издательства наметились те несогласия и разномыслия, которые несколько лет спустя приведут к острым конфликтам и в конечном счете к распаду «мусагетского» сообщества.

Некоторые из положений, высказанных в декларациях Андрея Белого и Эллиса, нашли свое отражение в программных текстах, опубликованных в 1912 г. в № 1 «Трудов и Дней», двухмесячника издательства «Мусагет», — в анонимном предисловии «От редакции», во «вступительном слове редактора» («Мусагет») за подписью Эмилия Метнера, в статье «Орфей» Андрея Белого (формулировавшей задачи «орфической», религиозно-мистической секции, мыслившейся как одна из составных частей «Мусагета»). Предшествовавшие же им опыты обоснования «мусагетской» платформы, своевременно, в 1909—1910 гг., не доведенные до печати, отложились в архиве издательства.

Декларации Андрея Белого и Эллиса публикуются по автографам, хранящимся в фонде издательства «Мусагет» в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки: РГБ. Ф. 190. Карт. 55. Ед. хр. 14 (текст Андрея Белого); Там же. Ед. хр. 15 (текст Эллиса). Некоторые однотипные сокращения, встречающиеся в этих рукописях («книго-изд-во», «к-рый» и т. п.), раскрыты без соответствующих обозначений в редакторских скобках.

Андрей Белый
Задачи Книгоиздательства «Мусагет»

Проблему обоснования понятия «культура» выдвигают многие доселе не связанные друг с другом течения современности. Чаще и чаще наталкиваемся мы на слово «культура» в статьях современных художников, философов, мистиков и ученых. Чаще и чаще вырастает потребность отчетливей определить эти ссылки на культуру; отнесением к ряду культурных ценностей оправдываем мы жизненность современных произведений творчества. *«Это произведение культурно»*, говорим мы; и этим положительно утверждается значимость любого произведения; вопрос же, в чем признаки культурности наличного произведения искусства, поднимается реже. Понятие «культура» часто признается самоочевидным. *«Культура»*, говорим мы, и будто бы понимаем друг друга; часто понимание это основано на самообмане, как основаны на самообмане частые нападки на культуру, и культуртрегерство в лагере представителей как национализма, так и народничества. Народное и национальное творчество тогда противоплагается *культуре*. Все самобытное, непосредственное признается стоящим вне культуры; все нарочитое, опосредствованное признается культурным. [С культурой связывается представление о чем-то ненужном].¹

Понятие о культуре принадлежит к наиболее сложным, в сознании не расчлененным понятиям; оно кроет не одно противоречие (нация и вненациональность, непосредственность и опосредствованность, оригинальность быта и внебытовая цивилизация и т. д.). Для одних только цивилизацией оказывается культура; ее смысл в механике прогресса, а не в органическом развитии национального творчества до сверх-национальных вершин; для других задачи культуры определяются рассмотрением существующих, исторических памятников; третьи связывают культуру с нацией; четвертые обратно: нацию и культуру противоплагают. Формула культуры в зависимости от постановки вопроса всякий раз оказывается иной.

Разнообразие в понимании культуры оказывается связанным с разнообразием путей, ведущих к постановке вопросов о культуре. Для художника, участвовавшего в творчестве эстетических вкусов современности, становится ясным его роль как деятельного участника в выработке культуры; обосновать целесообразность своей деятельности становится ему совершенно необходимым. И вот вопрос об участии художника в общей культурной работе расширяет чисто специальные задачи его до задач общих; художник в *культуре* приобщается обществу. Для историка искусств, для критика самая

оценка творчества зависит от ясного понимания задач творчества вообще: систематика форм исторического творчества необходима для него; а эта систематика и есть путь к определению того, что такое культура, ибо определение культуры начинается с описания фактов культуры; памятники творчества суть эти факты. И художественный критик ищет мерило оценки в истории эстетики. А история эстетики в методах связана с историей вообще. С своей стороны историк чаще и чаще уделяет внимание фактам творчества, ибо методы исторического исследования упираются в проблему индивидуального творчества, этого источника всякой творческой культуры. Художник и эстетик в постановке вопросов о культуре неожиданно встречаются с историком. К культуре же приходит и современный философ, ища оправдания своей деятельности как деятельности творческой и живой.

В настоящее время культура есть место встречи и пересечения путей, вчера обособленных; теоретический интерес к вопросам культуры есть показатель стремления к поискам общих лозунгов деятельности. Культура есть воистину ныне главнейший критерий ценности. Стремление к переоценке исторических ценностей искусства, философии, науки, религии наблюдали мы вчера; характерны в этом смысле попытки в различных сферах: в сфере искусства (Ибсен, Ницше, [Уальд,]¹¹ Гюисманс, Стефан Георге и другие), в сфере философии (Коген, Риккерт, Гуссерль и другие), психологии (Джемс, Гейфдинг), религиозной¹² (Мережковский, католический модернизм, Гейфдинг, теософия), научной (Максуэлл, Томсон, Кроукс,¹³ исследования Кюри и т. д.). В частности в искусстве результатом переоценки оказались те многообразные течения, которые прокладывали себе путь то под ничем не говорящим лозунгом *модернизма*, то под другим лозунгом, таящим синтетическое мировоззрение (символизм). Эти пути, расширяясь, не могли не привести к новому обоснованию принципов эстетической культуры в связи с *культурой* вообще. Тут впервые эти течения встретились с аналогичными течениями философской, научной и религиозной мысли. В свете новых, приводящих путей явилась потребность переоценить самую переоценку эстетики; общая переоценка ценностей снова выровняла в один ряд как новые, так и старые эстетические ценности; в искусстве возник интерес к древним памятникам культуры именно там, где с особой энергией выдвигались новые эстетические формы (у нас — интерес к Пушкину, Баратынскому, Тютчеву, в философии — интерес к докантовской философии, к философии древней, к средневековой мистике). Появилась задача оценить вчерашнюю переоценку, подчеркнуть в ней подлинно культурную сторону и, наоборот, распрощаться с преходящими и случайными

утверждениями (хотя бы утверждениями крайнего субъективизма). Нет еще у нас разработанного понятия об эстетической культуре. Это понятие может отчетливей определиться из большего знакомства с ближележащими к искусству творчествами (философским, религиозным), одушевленными стремлением к решению основного, связующего их вопроса: «*Что есть культура*». Ответ на этот вопрос может родиться из органического представления о цельности творчества, из сопоставления трудов художников, философов, мистиков и ученых, устремленных к одной точке: эта точка — нас интересующий вопрос, вопрос о культуре. Ответ на этот вопрос есть ответ будущего. Вера в единство и цельность разнообразно проявляемых путей культуры есть одушевляющее стремление нашей деятельности. Культура есть цель, а не средство, научного, философского и эстетического творчества, их далекое, религиозное высветление. В этом смысле вера наша в культуру религиозна. Отношение этой религиозности к существующим религиозным формам есть последнее наше устремление; этот вопрос относим мы к интимному исповеданию наших сотрудников, официально *пока* мы его не беремся решать: этот вопрос официально и не решаем в современности.

Вера в единство и религиозную цельность последних судеб разнообразных путей культуры есть наш единственный догмат; в этом единственном догмате мы можем совпасть и с философом, и с художником, и с ученым, и с деятелем в области религии; в этом же догмате можем мы разойтись с тем, другим, третьим, четвертым. Этот единственный догмат вместе с тем не заглушает противоречий в частностях понимания культурных путей. В этом смысле стремимся мы не только к *единству в многообразии*, но и к *многообразию в единстве*.

Ценности предстоящих культур являются для нас рядом средств, восходящих к загадочному идеалу единой, цельной, религиозной культуры; и потому систематика этих ценностей уже на один шаг приближает нас к решению основного вопроса. Этот единый шаг более, быть может, всех дальнейших шагов; этого шага не знаем мы в современности; всё доселе сделанное искусством и философией есть подготовка к первому шагу. Книгоиздательство «*Мусагет*» хотело бы взять на себя скромную роль посильного участия в систематике и истолковании эстетических ценностей недавнего прошлого; это скромное участие в первом шаге к разрешению проблемы культуры есть главная задача Книгоиздательства «*Мусагет*».

Признавая искусство могучим орудием культуры, К-во «*Мусагет*» серьезно считается с искусством последних десятилетий, с символизмом; в символизме, как литературной школе, были выдвиг-

нуты лозунги, вскрытие, осознание и развитие которых неминуемо ставило самую школу в зависимость от теории символизма; теория же эта осознается нами не только как синтетическая искомая современностью система, но и как основа жизненного пути, связующая нас с вечными запросами религий; символизм заявил о себе в странах романских как *новая* литературная школа; в странах германских символизм сказался в новом мироощущении^v; в странах славянских, не отказываясь от стилистических (литературных) и методологических (философских) проблем, символизм должен сказаться и как путь жизни (моральный и религиозный смысл символизма); эти три этапа развития символизма намечают как бы троякий^{vi} его смысл (эстетический, философский, религиозный). Задачи русского символизма 1) обосновать стилистические завоевания символистов идеологической надстройкой, 2) связать последние идеологические построения символизма с последними целями искомой культуры. В этом направлении развитие русского символизма, расширяясь в идеологии, из узкого русла школы впадает в широкий простор волнующих нас культурных задач грядущего.

К-во «Мусагет» признает культурную роль русского символизма, поскольку этот последний ставил и осознавал свои задачи в «Мире Искусства», отчасти «Новом Пути» и, наконец, в «Весах». В этих последних намечались вехи идеологии; в расширении и углублении этих вех он признает свою преемственность от до него бывших предприятий. Но поскольку К-во «Мусагет» более задается связью русского символизма с проблемами общей культуры, постольку деятельность его будет протекать в ином направлении. Не отношение между старым и новым искусством интересует нас главным образом; нас интересуют черты *вечного* и *случайного* как в старом, так и в новом искусстве. Ознакомление читателей с произведениями символистов лишь одна (и отнюдь не главная) наша задача. В этом отношении «Мусагет» признает первенствующую заслугу за высококультурным издательством «Скорпион».

Наоборот, преемственная связь с прошлым будет подчеркиваться; произведения прошлого, в особенности такие, которые нам по-новому близки, от времени до времени будут представлены вниманию читателя (например, иные из произведений романтиков).

Также^{vii} сочинения теоретического характера, обосновывающие лозунги символизма, будут представлены вниманию читателя как в сборниках, так и в специальных работах.

Что касается до произведений, затрагивающих [специально]^{viii} задачи русской культуры, а также до серии книг, посвященных русским мыслителям, то К-во «Мусагет» не стремится проявить деятельность

в этом направлении, имея в виду дружественное издательство, посвятившее себя означенным задачам («Путь»).

Мы сосредоточиваем свои силы на проблемах обоснования эстетической культуры; а такое обоснование связывает эстетику со всей сложностью проблем философии культуры; культура оказывается местом встречи философии с символизмом, еще недавно разделенных сектантским догматизмом как со стороны русских философов, так и со стороны некоторых представителей нового искусства. И если нам дорог Ницше, Ибсен, а в России Иванов, Мережковский, Брюсов, Блок и другие, то с другой стороны мы защищаем философию от отношения к ней, как объекта для лирической трели. Дант, Гёте, романтики вместе с Кантом, Фихте, Шеллингом — далее вместе с Риккертом, Гуссерлем и Христиансенom *дороги* нам прежде всего как деятели культуры. Поэтому К-во «*Мусагет*» ставит себе задачей издание переводных и оригинальных сочинений, затрагивающих проблемы философии культуры. Для последней цели оно взяло на себя издание русской серии международных выпусков по философии культуры «*Логос*». Что же касается до этического момента, неизбежно присущего творчеству и заставляющего определять последние цели творчества как цели религиозные (пересоздание жизни), то включение этого момента улубляет пределы искусства до точки соприкосновения символизма с мистической *символикой*; для ознакомления с этой последней, а также ввиду переоценки недавнего прошлого по отношению к проблемам мистики К-во «*Мусагет*» выделяет серию изданий «*Орфей*», посвященную виднейшим мистикам прошлого («*Гераклит*», «*Рэйсбрук*», «*Экхарт*», «*Бёме*»).

Принимая и разделяя главнейшие лозунги символистов, признавая необходимость философского их обоснования, ища связи между идеалом будущего и прошлым в настоящем, мы определяем свою задачу как участие в общей работе обоснования проблем культуры.

ⁱ Фраза зачеркнута карандашом

ⁱⁱ Фамилия вычеркнута карандашом

ⁱⁱⁱ Исправлено карандашом: религии

^{iv} Так в автографе. Кого Белый имел в виду, неясно

^v Было: мировоззрении

Примечание (карандашом): Ницше, Вагнер, Ницше

^{vi} Было: трехъярусный

^{vii} Было: Наоборот

^{viii} Зачеркнуто карандашом

Эллис

О задачах книгоиздательства «Мусагет»¹

В основе всей возможной деятельности «Мусагета» лежит одна общая идея, одно мирозерцание, до сих пор лишь крайне приблизительно выявленное. Внимательное изучение книг, изданных «Мусагетом», приводит к осознанию общего плана всей работы. В чем же эта основная идея, как реализуется она в общем плане издательской работы? На эти вопросы, быть может, будет не лишним дать краткий, схематический ответ в форме предисловия к проспекту, сводящему к итогу весь наличный материал.

Прежде всего следует сказать совершенно определенно, что творческая работа лиц, посвятивших свои силы издательству, совершенно *свободна*; в осуществлении ее не может быть речи о догматическом, внешнем руководительстве одних авторов другими; также чужды «Мусагету» и все условные, общепринятые рамки современной односторонне-преходящей «культуры», хотелось бы сказать, «культуры среднего сознания». Внешняя пестрота, внешнее разнообразие тем, школ, методов, уклонов, излюбленных авторов, эпох и схем на первый поверхностный взгляд способны даже озадачить того, кто стал бы искать в «Мусагете» тенденцию, школу или направление в общепринятом смысле.

Тем не менее в этой свободе, в этом разнообразии внешних форм и кроется общая идея «Мусагета», идея существенно характерная для современности, понимаемой в смысле творческого самоопределения. Для всех нас в одинаковой мере немислимы возвраты к ценностям, уже раз навсегда подвергнутым небывалому испытанию; после завоеваний точной науки равно невозможен для всех нас обскурантизм примитивной мистики и догмы; после расцвета великолепных форм современной эстетики мы не можем поступиться радостями созерцания совершенной формы; пережив глубокий переворот в сознании современного человечества, нашедший свою первую и самую близкую нам форму в «символическом движении», мы раз навсегда покончили со всеми видами примитивного реализма, одинаково чуждого нам как в форме позитивизма мысли, так и в форме художественного реализма.

С другой стороны, самый кризис «современного» символизма уже успел нас многому научить, прежде всего доводя до самоотрицания идею самодовлеющей Красоты, исключительно познавательного момента художественного творчества и преувеличенную игру формы с самой собой. Все более и более «как» символического процесса сменяется интересом к «что» символизации, к вопросу о том, где ляжет

переход от субъективной символизации к объективной символике, а это приводит нас неизбежно к чисто религиозной проблеме.

Во всяком случае всех нас объединяет идея иерархической подчиненности (при относительной свободе) художественного символизма живым и вечным истинам мистического постижения, также как и идея взаимного оплодотворения морали и эстетики. Для нас для всех эпоха имморализма и эстетства — кончена безвозвратно! Если в двух словах выразить сущность той свободы и многосторонности, которые лежат в основе всех исканий, намеченных нами, то должно будет сказать, что основная идея «Мусагета» — предчувствие того *общего, нового синтеза*, который, быть может, на наших глазах даст своеобразное и единственно возможное завершение всем разрозненным стремлениям нашей эпохи, скажет то единое и последнее слово обо всем различном и предпоследнем, которое явится относительной формой вечного и единого откровения. Конечно, не мы призваны сказать это слово, но мы не можем вместе со всеми выразителями нашего времени не стремиться всеми силами духа к тому, чтобы услышать и сделать слышимыми для других каждое даже самое ничтожное с виду предвестие, каждое легчайшее дуновение того приближающего<ся> слова, в приближении которого мы не сомневаемся и самый приход которого мы можем ускорить лишь верой и призыванием!

Все самые знаменательные выразители нашей переходной эпохи ратовали и ратуют за идею *универсального синтеза*, все от самого значительного мыслителя нашей родины *Вл. Соловьева* и до блестящих и глубоких попыток его антипода *Ф. Ницше*, дерзнувшего через символизм коснуться последней тайны греческой религии и культуры, от хаотических прозрений о новом грядущем царстве духа *Г. Ибсена*, столь же близких нам, как и вся творческая эволюция *Р. Вагнера*, сочетавшая две основные религиозные идеи: идею искупления и идею мессианизма, как вновь обретенное сокровенное в творчестве *Гёте*, и вплоть до возродившихся повсюду в наши дни глубоких синтетических исканий в области гнозиса, теогнозии и теософии, среди которых мы видим обобщения, стоящие на высоте современной культуры и одновременно питающиеся первично-чистыми струями, как бы уже утраченных, родников религиозного опыта. В свете исканий этого синтеза вся современная культура, перед которой мы преклоняемся, все же представляется нам лишь отдельными разрозненными частями еще не существующего целого, лишь музеем, где довлеет себе каждая отдельная ценность. Мы должны изучать и постигать каждую ценность в этом музее, но мы уже знаем, что истинная культура всегда есть храм, а не музей. Особенность нашей эпохи в том, что наша будущая, живая и истинная культура будет музеем, ставшим храмом. Пусть же музей нашей культуры станет храмом! Вот самый общий

*и самый заветный наш лозунг! Кто почувствует его, для того станут совершенно понятны и приемлемы все три главные линии, по которым направляется работа «Мусагета»: линия эстетическая, говоря точнее чисто-символическая, преемственно возникшая из завоеваний символистов первого периода: Бодлэра, С. Георге и многих других, однако поставленная в иерархическую связь с целым сложным организмом, который всего точнее назвать *грядущей религиозной культурой*, линия философская, исходный пункт которой находится в многообразных систематических исканиях современной философии стать из абстрактно-спекулятивной, условной и узкой схоластики понятий *философией культуры*, и, наконец, самой существенной и самой заветной для нас всех линией, нашедшей свое проявление в серии изданий под общим названием «Орфея». Это течение в нашем издательстве завершает, сводит к внутреннему единству все отдельные элементы и, кроме того, ставит в интимную связь все целое культурное здание с еще более глубоким, сокровенным источником, происхождение и внутренние законы развития которого являются для нас тайной; если «Мусагет» в общем есть искание *религиозной культуры будущего*, то миссия «Орфея» именно в том, чтобы культурные ценности, созданные «Мусагетом» в собственном смысле слова, освятить и, сопоставляя между собою, соподчинить их веянию религиозной тайны; лишь сравнительно низшие формы ее усвояемы нами, формы, лежащие в области непосредственного нашего воздействия, высоты же ее остаются заповедными. Сквозь сферу нам родную и близкую, сквозь дух музыки и реальные события уже в жизни проявившегося откровения (созерцания великих мистиков и их свидетельства) движемся мы к тому самодовлеющему первоисточнику великого бытия и ведения, который в своем последнем проявлении является для нас уже не фактом действительности, не символом в процессе созерцания, не идеей или отдельным элементом космоса, а Ликом, единственным и совершенным во всей своей полноте, ликом Христа.*

Эта широкая и свободная идея синтеза, вдохновляющая нас, поставлена перед нами в настоящий момент строго и определенно. Если наши предшественники должны были главным образом совершить мучительную операцию раскрытия органов восприятия высших миров, доказать возможность потустороннего созерцания преимущественно в *формах искусства*, опрокинуть все узкие методы простого наблюдения чувственной области явлений, разрушить и расшатать наивные восприятия мира и самые формулы последних, наша задача существенно иная: не упуская ничего из завоеваний прошлого, мы призваны укрепить, оформить и сделать реальной, по-иному реальной, свою связь с высшим миром. Не творческое «как», а действительно-сущее «что» — влекущий нас объект на всех наших

путях; не в глубине собственного **я** должны мы искать истинного знания, а в источниках выше и глубже лежащих, чем наше **я**, и не в одной своей личности, а в коллективном восприятии и осуществлении высших истин; не радости созерцания, как бы они ни были прекрасны и бескорыстны, а трудная работа воплощения и жажды действия — нас влекут! Поэтому главный лозунг, написанный на нашем знамени, — конец индивидуализма наших дней и окончательный разрыв со всеми видами имморализма!

Такова основная задача и основная идея «Мусажета»! Мы полагаем, что залогом ее стойкости и плодотворности является не только ее интимная связь с самой глубинной потребностью времени, т. е. *настоящего*; все самые значительные этапы *прошлого* в той же мере подтверждают ее правомерность и жизненность.

В сущности до эпохи падения великой средневековой системы, одинаково охватывавшей область жизни и познания и одинаково строго и стройно подчинявшей их религии во всех разветвлениях тогда понимаемой культуры, до эпохи падения теократического монархизма средних веков и вплоть до нашего времени мы не знаем ни одной попытки универсального синтеза, даже ясного осознания всей глубины и необходимости такой задачи. Кажется, вся история за это время являет собой последовательную смену отдельных попыток поставить во главу мирозерцания человечества ту или одну отдельную идею, отдельный элемент культуры. По этому именно признаку всего удобнее классифицировать отдельные эпохи: эпоху Возрождения с ее реабилитацией плоти, личности и первыми попытками реализма на всех планах, эпоху культа общественности и социальной действительности с французской революцией во главе, эпоху научного и философского позитивизма, перешедшего в явно антикультурные формы материализма, поколебленного окончательно лишь на наших глазах точной наукой, эпоху расцвета идеалистической метафизики и параллельно критицизма с Кантом и Гегелем во главе и, наконец, только что мучительно и страстно пережитую нами эпоху исключительной веры в самодовлеющее искусство, эпоху *эстетизма*.

Каждая из этих эпох была права частично и была неправа существенно, роковым образом считая отдельный элемент культуры за последнее, не чувствуя, что все элементы культуры держатся не взаимно и не подавляя друг друга, а лишь иерархически соподчиняя себя высшему и лежащему вне человеческой творческой деятельности источнику, служа лишь дружными проводниками сил и влияний мира иного, высшего, сверх-человеческого! Дело всякой культуры — работа усвоения, приложения, самосознания, сущность всякой культуры сокровенна, ее сущность — *теофания*!

Наше время, трагическое в своей сложности, получает спасительное благословение в двух идеях: в строгом сознании относительности каждого отдельного элемента культуры, в предчувствии нового *универсального синтеза* и в непоколебимом убеждении, что первоисточник этого грядущего синтеза в религии.

Не нам, конечно, создать синтез религиозной культуры будущего; но мы счастливы, работая над подготовлением почвы для него, работая *аналитически*, над отдельными, составными членами организма и провозглашая необходимость и неизбежность последнего объединяющего слова. Оно же объединит и наши предпоследние, наши робкие слова!

¹ *Зачеркнутая начальная фраза:* Для всякого непредубежденного читателя, который ограничится только самым беглым знакомством с изданиями «Мусагета», при простом даже обзоре перечня изданных и предположенных к изданию книг неизбежно становится ясным, что в основе группировки и выбора материала «Мусагет» руководствуется не случайным сочетанием элементов, не даже частичным служением общекультурным целям в условно установленном смысле слова, а чем-то иным.

КНИГА ЭЛЛИСА «VIGILEMUS!» И РАСКОЛ В «МУСАГЕТЕ»

При основании в 1909 г. издательства «Мусагет» это начинание призвано было стать в первую очередь действенным воплощением творческого союза трех лиц — Эмилия Метнера, Андрея Белого (Б. Н. Бугаева), и Эллиса (Льва Львовича Кобылинского). Тройственности этого союза соответствовала триипостасность общего замысла, реализуемого во взаимодополняющих аспектах собственно «Мусагета» (культуросозидательная деятельность), «Логоса» (теоретическая философия) и «Орфея» (религиозно-мистическое творчество). Союз учредителей «Мусагета» изначально мыслился как некое триединое ядро, от которого должны исходить живительные импульсы, способствующие формированию и развитию универсальной символистской культуры во взаимососообщающихся сферах художественного творчества, философского познания и теургического постижения. Это издательское предприятие лишь по внешним параметрам соотносилось с другими подобными предприятиями, изготовлявшими книжную продукцию; частные задачи и планы «Мусагета» представляли собой главным образом форму институционализации идейного сообщества, видевшего своей целью служение высокому идеалу духовной культуры. Работа издательства была подчинена миссии становления культурологической утопии, осознавалась как ряд целенаправленных шагов на пути к ее реализации. Как обычно бывает с максималистскими проектами в конкретной практической деятельности, «мусагетский» замысел по мере его реализации, в ходе неизбежного корректирования всеми привходящими обстоятельствами времени и места, обречен был минимизироваться и в конечном итоге обнаружить несостоятельность и недостижимость изначальных упований. В этом смысле история «Мусагета», начиная с его основания, предстает историей постепенного, поэтапного распада первоначального синкретического идейного ядра. История «Мусагета» разворачивается как серия внутренних конфликтов, постоянно возникавших в кругу учредителей издательства и его ближайших участников; конфликтов, порожденных

как внешними, порой случайными обстоятельствами, так и глубоко идейными, принципиальными мотивами. В череде этих конфликтов наиболее сокрушительными для общего дела оказались распри, расколовшие «мусаметцев» на два лагеря — приверженцев антропософской доктрины Рудольфа Штейнера и не приемлющих ее в качестве доминирующей идейной составляющей культурной программы «Мусамета».

Как известно, в триумvirате учредителей «Мусамета» первым по времени апологетом Штейнера стал Эллис; история его приобщения к штейнерианству и последующего разочарования в нем прослежена в ряде книг, статей и публикаций¹ и тем самым не нуждается здесь в подробном изложении. Приверженцем и проповедником теософии в ее штейнерианском изводе Эллис — со свойственными ему во всех жизненных проявлениях фанатизмом и эмоциональной безудержностью — стал с начала 1911 г. 30 марта 1911 г. М. И. Сизов писал Андрею Белому о том, что Эллис «из теософии делает двуперстное знамение», и проницательно добавлял: «И загадочно: он проповедует то учение, которое противно всей его собственной психологии».² В 1911 — первой половине 1912 г. Эллис — правоверный последователь Штейнера и неустанный пропагандист его среди «мусаметцев», пытающийся и в «Мусамете» проводить штейнерианскую линию, что порождает его спорадические столкновения с Э. К. Метнером. Однако отмеченная Сизовым «психология» Эллиса, со всеми ее отличительными чертами, в данном случае довольно быстро возобладала и в конечном счете подавила его преклонение перед Штейнером; постепенно обрели былой ценностный статус ранее обозначившиеся пристрастия — европейское средневековье, католицизм, Данте, культ рыцарства и Мадонны. В течение нескольких месяцев, начиная со второй половины 1912 г., наблюдается стремительная эволюция — разочарование Эллиса сна-

¹ См.: Виллих Х. Эллис и Штейнер // Новое литературное обозрение. 1994. № 9. С. 182—191; Виллих Х. Л. Л. Кобылинский-Эллис и антропософское учение Рудольфа Штейнера (К постановке проблемы) // Серебряный век русской литературы: Проблемы, документы. М., 1996. С. 134—146; Willich Heide. Lev L. Kobylinskij-Éllis: Vom Symbolismus zur *ars acra*. Eine Studie über Leben und Werk. München: Verlag Otto Sagner, 1996. S. 118—134 (Slavistische Beiträge. Bd. 341); Rizzi Daniela. Эллис и Штейнер // Europa Orientalis. 1995. Vol. 14. № 2. С. 281—294; Rizzi Daniela. Из архива Н. А. Тургеневой: Письма Эллиса, А. Белого и А. А. Тургеневой // Там же. С. 295—340; Нефедьев Г. В. Русский символизм: от спиритизма к антропософии. Два документа к биографии Эллиса // Новое литературное обозрение. 1999. № 39. С. 119—140; Майдель Рената фон. «Спешу спокойно...»: К истории оккультных увлечений Эллиса // Новое литературное обозрение. 2001. № 51. С. 214—239; Maydell Renata von. Vor dem Thore. Ein Vierteljahrhundert Anthroposophie in Russland. Bochum; Freiburg: Projekt Verlag, 2005. S. 103—112 (Dokumente und Analysen zur russischen und sowjetischen Kultur. Bd. 29).

² РГБ. Ф. 25. Карт. 22. Ед. хр. 26. См. 474 наст. изд.

чала в теософах, в круте учеников Штейнера, затем в штейнеровских лекционных курсах, в доктрине, в созданном Штейнером Обществе, и наконец в личности самого Штейнера.

Более чем год спустя после приобщения Эллиса к теософии, в мае 1912 г., Штейнером был «полонен» Андрей Белый. На протяжении ряда месяцев он и Эллис, его близкий друг с юношеских лет, ощущают себя полными единомышленниками и выступают единым фронтом в тяжбах и распрах с Метнером, отстаивающим «мусagetскую» цитадель от теософско-окультистского натиска. В это время у Белого, в отличие от Эллиса, увлеченность Штейнером все более нарастает; осенью 1913 г., в ходе слушания лекционного курса Штейнера в Норвегии, Белый и его жена Ася Тургенева принимают окончательное решение связать свою судьбу с Антропософским обществом: «...вся наша жизнь отныне должна принадлежать Обществу».³ Чем решительнее двигался Белый к полному растворению себя в антропософии, тем болезненнее воспринимал он постепенное отпадение Эллиса от штейнерианства. О марте 1913 г. Белый вспоминает: «...от Эллиса <...> приходит много писем; в них — явно уже звучит нота отхождения от А<нтропософского> О<бщества>; члены его ему видятся карикатурно; звучат ноты недоумения по отношению к Штейнеру; эти письма Эллиса мне очень мучительны; особенно мучительно мне, что и Поольман-Мой разделяет недоумения Эллиса: Эллис, Поольман-Мой, я и Ася, мне казались тесной, интимной антропософской группой. Теперь вижу: эта группа обречена распасться».⁴ Развитие ситуации — в апреле 1913 г.: «...от Эллиса получаю письмо за письмом, в котором он подвергает О<бществу>во убийственной критике».⁵ Наконец, в августе 1913 г., как сообщает Белый, «узнаем печальную новость: Эллис вышел из А. О.».⁶

³ Запись в «Материале к биографии» Андрея Белого, характеризующая сентябрь 1913 г. (Андрей Белый и антропософия / Публ. Дж. Мальмстада // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 6. Paris, 1988. С. 355).

⁴ Там же. С. 351. Упоминается голландка Иоганна Польман Мой (Polman Mooy) или ван дер Мойлен (псевдоним — Intermediarius; 1874—1953), теософка и ученица Штейнера, создательница собственного эзотерического учения; спутница жизни Эллиса с 1912 г.

⁵ Там же. Ср. сообщение в письме Эллиса к Э. К. Метнеру (Капри, 12/25 апреля 1913 г.): «Переписываюсь с Белым, стараюсь умерить его пыл теософский, веря, что скоро и он переживет подобный моему кризис и вернется к осторожности и умеренности» (РГБ. Ф. 167. Карт. 8. Ед. хр. 6).

⁶ Минувшее. Исторический альманах. Вып. 6. С. 354. В собрании Н. В. Котрелева (Москва) хранится книга, отправленная Эллисом А. А. Сидорову (по адресу «Мусaget») 14 октября н. ст. 1913 г. из Дегерлоха — немецкий перевод трактата Фомы Кемпийского «О подражании Христу» (Thomas von Kempis. Vier Bücher von der Nachfolge Christi. Stuttgart, s. a.) с автографами Эллиса — на 2-й странице обложки: «В день и час выхода моего из “Антропософического общества”. Эллис»; на

Весной 1913 г. Эллис предпринял поездку в Италию, неделю прожил в Ассизи, вызвавшем в нем исключительный подъем религиозных переживаний, и возвратился в Германию, убежденный как в несостоятельности «штейнеризма», так и в непреходящей ценности средневековых духовных скрижалей: чаемый им путь — это «путь чисто религиозный, уединенный, монашеский, простой, связанный с тайной неистребимой благодати святой католической Церкви <...>».⁷ В письме к Э. К. Метнеру от 2/15 августа 1913 г. Эллис со всей решительностью заявлял: «Steiner сделал попытку сам активно выступить, но с первого шага скомпрометировал себя связью с мировой помойкой = “теософским” обществом”, специально организованной против христианской церкви. <...> Я, запутавшись во всем, вернулся к евангелию!»⁸ Системное изложение своих определившихся убеждений Эллис предпринял в «трактате» (как обозначено им в подзаголовке) «Vigilemus!», в котором беглый обзор философских и мистических доктрин давался в свете задач и перспектив ожидаемого религиозного возрождения. Свое новое сочинение Эллис направил для опубликования в «Мусагет» — в «мусагетский» «двухмесячник» «Труды и Дни» (в 1913 г. уже не выдержавший запланированную периодичность и выходивший по мере готовности отдельными сборниками).

Сохранилась записка секретаря «Мусгета» Н. П. Киселева: «21 IX 1913 (суббота) Vigilemus прибыл в Москву»; она приложена к сопроводительному письму Эллиса, посланному на имя Э. К. Метнера: «Очень прошу Вас <...> ответить мне по просмотре моей работы “Vigilemus” (в которой я корректно, но активно защищаю религию, культуру и символизм от модерно-теософо-разгильдяйства), ответить мне, 1) согласны ли Вы поместить ее в “Трудах” в ближ<айшем> № без изменений».⁹ Ответ Метнера был предельно лаконичным (6/19 октября 1913 г.): «Vigilemus набрано»;¹⁰ из него следовало, что никаких промедлений с подготовкой текста к печати не произошло. Случились, однако, другие обстоятельства, автором «Vigilemus!» не предвиденные. Из Москвы до русских антропософов в Берлине докатились известия о том, что Эллис публикует в «Мусагете» свой антиштейнерианский опус, в котором якобы

форзаце: «Бесконечно и всегда милому другу и брату Алексею Алексеевичу Сидорову во Имя Иисуса-Христа, Сына Божия, Единственного Учителя от Эллиса.

“Аз есмь Путь и Истина и Жизнь!”

“Я Один у вас Учитель, все же вы братья!”»

⁷ Письмо Эллиса к Б. П. Григорову от 13/26 июля 1913 г. // РГБ. Ф. 636. Карт. 1. Ед. хр. 31.

⁸ РГБ. Ф. 167. Карт. 8. Ед. хр. 14.

⁹ Там же. Ед. хр. 17.

¹⁰ РГБ. Ф. 167. Карт. 6. Ед. хр. 24.

использованы тексты «доктора», предназначенные лишь для круга «посвященных».

В позднейшем изложении Белого эта ситуация и последовавшие его решительные действия представлены следующим образом: «...вдруг: проезжающая из Москвы в Париж О. Н. Анненкова с Е. А. Бальмонт приносят известие, что в Москве, в “*Musagete*” выходит пасквиль на д-ра, написанный Эллисом. Мы бежим к М. Я. Сиверс и спрашиваем совета: что делать? М. Я. пожимает плечами и говорит: “Оставьте”. Но мы решаем ехать к Эллису и Поольман-Мой в Штутгарт, чтобы иметь объяснения с Эллисом и потребовать у него обратно циклы доктора и тетрадки его с заметками д-ра на полях. Едем в Штутгарт, отправляемся в Дегерлох; Эллис прячется от нас; мы имеем объяснение с Поольман-Мой, забираем почти насильно тетрадки у Эллиса;¹¹ я передаю Поольман: “Если Эллис ко мне не выйдет сию минуту, чтобы объясниться, то пусть знает: я с ним на всю жизньрываю все...” Он — не вышел: с этого дня я все отношения с Эллисом прекратил. В совершенном расстройстве мы возвращаемся в Берлин; откуда я пишу в К<нигоиздательст>во “*Musaget*” о своем выходе из издательства и о прекращении всех отношений с Метнером».¹²

7/20 октября 1913 г., еще до поездки к Эллису в Штутгарт, Андрей Белый отправил из Берлина секретарю «Мусгета» Н. П. Киселеву следующее послание (получено в Москве 9/22 октября):

Милостивый Государь!

Тотчас же задержите книгу Эллиса. В противном случае этот выход кроме предательства нас, антропософов, будет поступком низким, поколику он совершался тайком. В случае выхода книги я отказываюсь иметь какое-либо сношение личное *на-все-гда* со всяким, приложившим руку к этому скверному делу.

¹¹ А. А. Тургенева, описывая тот же эпизод, сообщает о тетрадях с записямиштейнеровских лекций и бесед: «Эллис швырнул их нам через приоткрытую дверь» (Тургенева Ася. Воспоминания о Рудольфе Штейнере и строительстве первого Гётанума. <М.>, 2002. С. 57).

¹² Минувшее. Исторический альманах. Вып. 6. С. 357. Исправлено по автографу. Мария Яковлевна фон Сиверс (1867—1948) — деятельница антропософского движения, секретарь, затем жена Р. Штейнера. Другая, более краткая версия событий — в «Ракурсе к Дневнику» Андрея Белого (записи об октябре 1913 г.):

«...проезд Анненковой; узнание о выходе книги Эллиса против Штейнера. Разговор с М. Я. Штейнер о том, что надо изъять у Эллиса ряд замечаний доктора; мы с Асей решаемся ехать в Штутгарт: объясниться; ряд решительных писем в Москву; и мой выход из Мусгета».

Штутгарт. Решительное объяснение с Поольман и отобраение курсов у Эллиса. Берлин. Передача отобранного Сиверс» (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 100. Л. 64 об.).

Предупреждаю, что если Вы не задержите книгу, вы будете годами раскаиваться: но будет поздно.

Примите и прочее

Борис Бугаев.

В день же напечатания книги Эллиса вопреки моему настоянию прошу напечатать в газетах нижеследующее мое заявление:

М. Г.

Позвольте посредством Вашей газеты заявить, что я ни в каких отношениях не состою с членами Редакции К<нигоиздатель>ства «Мусагет», из которого я вышел.

Андрей Белый.¹³

Формально Белый обладал всеми правами для столь ультимативных заявлений: он был членом редакционного комитета «Мусагета» и тем самым имел достаточные основания для того, чтобы настаивать на своем в решении любых вопросов внутрииздательской деятельности. Разумеется, Эллис об этих полномочиях Белого хорошо знал. Первый документ за его подписью, затрагивающий завязавшуюся конфликтную ситуацию, — телеграмма, отправленная из Штутгарта в Москву 10/23 октября 1913 г., — видимо, сразу после описанного Белым эпизода встречи-невстречи (текст — с пометой рукой Киселева: «писана Б. Н. Бугаевым»): «Требую остановить печатание брошюры до письма текст брошюры выслать Бугаеву Berlin Augsburger Strasse 52 Pension Beggklau — Elis».¹⁴ Свое решение Эллис аргументировал в пись-

¹³ РГБ. Ф. 167. Карт. 9. Ед. хр. 9. Этому письму предшествовала телеграмма Белого, отправленная в «Мусагет» 6/19 октября: «Книгу Эллиса не выпускать до письма — Бугаев» (РГБ. Ф. 167. Карт. 3. Ед. хр. 17), через день (8/21 октября) последовала еще одна телеграмма: «Задержка книги Эллиса для меня вопрос чести требую задержать — Бугаев» (Там же. Ед. хр. 19). Текст обеих телеграмм записан латинскими литерами.

¹⁴ РГБ. Ф. 167. Карт. 9. Ед. хр. 8. Весь текст телеграммы записан латинскими литерами. О ситуации, предшествовавшей ее составлению, Белый рассказал в письме к Э. К. Метнеру от 1/14 ноября 1913 г., излагая содержание своего разговора в Штутгарте с И. Польшман-Мой: «Инициатива, что бы он <Эллис. — Ред.> вернул А<нтропософскому> О<бществу> тетрадки с пометками доктора Штейнера — моя личная инициатива; требование задержать печатание брошюры исходило от меня же. <...> Все это было мною высказано г-же Пульман в присутствии свидетелей г-на Пульмана и моей жены. Было высказано и то, что я прошу его выйти не для теоретических разговоров или пререканий, а для ознакомления с историей отсылки им брошюры; но он спрятался; тогда я выдвинул, что понимаю его уклонение от 5-минутного разговора как жалкий страх, и предупредил, что если он не выйдет, то я развязываю себе руки называть его *лишенным чести* перед всеми. Он — не вышел,

ме на имя Метнера (Дегерлох, 11/24 октября 1913 г.), составленном в двух частях; одна из них — официальное распоряжение: «Редакции *“Мусагета”*. Честь имею просить редакцию *“Мусагета”* немедленно выслать корректуру *“Vigilemus”* или готовый, но еще не выпущенный экземпляр А. Белому в Берлин для цензуры, которую я лично обещал ему (честным словом) ради избежания неприятностей и возможности выхода его из *“Мусагета”*. Я лично с ним спишусь об окончательной редакции. До выхода *“Vigilemus”* не публиковать заглавия в анонсах прошу. Эллис». Другая часть письма, адресованная лично Метнеру, содержит версию конфликта в истолковании Эллиса и аргументацию принятого им решения:

«*Интимно*. <...> Бога ради, задержите *“Vigilemus!”* Киселев нечто сболтнул несуразное о какой-то конспирации известной теософской тетке Анненковой, которая состоит лично при Сиверс в качестве детектива.

Последняя передала Сиверс, в форме ужасающей, о каком-то тайном обществе в *“Мусагете”* против Steiner'a. Сегодня инспирированный Сиверс Белый специально приехал из Berlin'a в Штутгарт для скандала, длившегося целый день. Я лично его не видел, ибо считаю его ненормальным в силу влияния Steiner'a, но письменно, деловым тоном через посредство знакомого лица установил выход в виде цензуры его. *Других выходов нет*. <...> Уведомьте лично Белого об отсутствии тайных обществ в *“Мусагете”* и о том, что по общему мнению *“Vigilemus”* невинна. Все «Антропософское» Общество» через Белого болтает о брошюре. Надо остановить скандал».¹⁵

О том, что в кругу русских штейнерианцев накал переживаний, вызванных известием о «предательском» сочинении Эллиса, был предельно высоким — и тем более высоким потому, что никто из них *«Vigilemus!»* не читал, и, следовательно, каждый мог полагаться только на силу своего воображения, — можно судить по письму Белого к Метнеру (7/20 октября 1913 г.), написанному одновременно с приведенным выше официальным заявлением в *«Мусагет»*. *«Vigilemus!»* совершенно однозначно квалифицируется в нем как «пасквиль», факт его написания Эллисом — как «подлость предательства, т. е. разглашение сведений, не допустимых в печати», «дело Иуды Искарйота», а намерение *«Мусагета»* опубликовать книгу, как в запальчивости заявляет Белый, «нас всех потрясло более, верьте, чем смерть родного отца, родной матери»: «...поступок Эллиса есть подлость 1) перед д<октором> Штейнером, 2) подлость перед Антр<опософским> О<бще>ством, 3) под-

но под телеграммой, составленной мною в *“Мусагет”*, беспрекословно подписался <...>» (РГБ. Ф. 167. Карт. 3. Ед. хр. 20).

¹⁵ РГБ. Ф. 167. Карт. 8. Ед. хр. 19. О вероятной причастности Сиверс к развитию инцидента см.: Спивак Моника. Андрей Белый — мистик и советский писатель. М., 2006. С. 72—74.

лость по отношению к друзьям, ибо он выпускает книгу украдкой, как “*тать в ночи*”, вместо того, чтобы дать ее на просмотр нам, друзьям, ибо, зная свой темперамент и невольное тяготение к разглашению запрещенного к опубликованию, он, как порядочный человек, дал бы на цензуру книгу нам (цензуру не мнений, а затрагиваемого материала) <...> остается мне в полном самообладании и с великою горечью поставить ультиматум. Книга Эллиса никоим образом не выходит из печати: “*Musagetes*” ее не издает. Не появляясь в “*Musagetes*”, она может появиться в другом месте при условии, что рукопись поступает на просмотр нам, антропософам, причем мы выкидываем из текста все места, имеющие какое-либо касание циклов доктора Штейнера. <...> В противном случае нам всем, антропософам, имеющим какое-либо отношение к “*Musagety*”, <придется> прервать всякое отношение с “*Musagetem*” (по крайней мере так мне диктует совесть)». Угрожая в этом случае не общаться «ни с кем из приложивших руку к предательству Эллиса», Белый с уверенностью заключал: «Книга, конечно, не выйдет. Неужели книга разломает ряд интимных отношений, скрепленных годами».¹⁶

Метнер, однако, готовности удовлетворить эти ультимативные требования не выказал. В ответном развернутом, подробно аргументированном письме (12/25 октября 1913 г.) он изложил Белому обстоятельства прохождения в издательстве рукописи Эллиса, обещал прислать на просмотр ее корректуру и на эмоциональный натиск Белого отреагировал веско и твердо — напоминанием о «духовной свободе» как основополагающем принципе «мусагетского» сообщения: «...не прочтя Эллиса, вы *a priori* требуете от Мусгета безусловного отказа печатать это не прочитанное Вами сочинение! Это ли не изуверство?! — Это ли не деспотизм, не рабство мысли и чувства!»; «Я не теряю надежды, что Вы возьмете назад свои слова и решения».¹⁷ В тот же день он описал Эллису заявления и требования Белого («Вы, конечно, сами можете представить, какой беспощадный отпор я ему дал в своем ответе») и выразил готовность «действовать самодержавно», как руководитель «Мусгета», в разрешении конфликта, обещав автору «*Vigilemus!*» свою поддержку: «Католик, — поступите хоть раз как Лютер: *hier stehe ich: kann nicht anders; Gott helfe mir.*»¹⁸ Ибо если Вы стоите за сказанное в брошюре с такою же непреклонностью, как Лютер, отстаивающий свои воззрения перед собором католических

¹⁶ РГБ. Ф. 167. Карт. 3. Ед. хр. 18. См. также изложение этого конфликта с многочисленными цитатными фрагментами из писем в кн.: *Maydell Renata von. Vor dem Thore. S. 126—135.*

¹⁷ РГБ. Ф. 167. Карт. 5. Ед. хр. 30.

¹⁸ Стою на этом: иначе не могу; Боже, помоги мне (нем.); слова М. Лютера на Вормсском рейхстаге (18 апреля 1521 г.), которыми он заключил ответ на вопрос, признает он свои сочинения или отказывается от них как от еретических.

епископов, и если по вторичном более внимательном просмотре по корректурам <...> я не найду в Вашей брошюре никакой предосудительной огласки эзотерического и никакой личной обидной фразы по адресу Штейнера, то я напечатая Вашу брошюру в Мусагете, хотя бы от этого произошел крах всего издательства».¹⁹

Эллис, впрочем, демонстрировать лютеровскую непреклонность оказался не готов. В очередном «официальном» послании в «Мусагет» (18/31 октября 1913 г.) он заявлял: «В интересах мира и спасения *“Musaгета”* готов в границах приличия и допустимости уважить редакционные поправки г. Бугаева в *“Vigilemus”*, поскольку они не изменят смысла *credo* этой брошюры. Если таковые (поправки) окажутся чрезмерными и бьющими по чести моей, как лица, обязанного не брать назад сказанного в принципе, буду просить *“Vigilemus”* баллотировать в *“Мусагете”* и подчинюсь сей баллотировке безусловно».²⁰ При негативном исходе ее издам *“Vigilemus”* без марки *“Мусагета”* и всякой цензуры». Однако в «интимном» продолжении того же послания, адресованном лично Метнеру, Эллис щедро поделился своими эмоциями: «Ничего в жизни б<олее> возмутительного, несправедливого, глупого я не испытал. Дрянность Белого безграничн<а>, но дело не в нем. Сиверс им руководит, и все дело в антропософ<ской> интриге, ловко и метко направленной против Мусагета. <...> Я после *“Vigilemus”* не могу видеть в Белом ни своего вождя, ни редактора, ибо он — несовершенн<о>летен морально. <...> Каким образом, не прочитав брошюры, Бугаев лает?»²¹ В недатированном письме к Б. П. Григорову, говоря о своей «злосчастной брошюре», Эллис склоняется к мысли ее «в *“Мусагете”* не печатать, а опубликовать под маркой *“издание автора”*».²²

О том, как справился Белый с взятой на себя ролью цензора, можно судить по корректурным листам *“Vigilemus!”* с его правкой (продублированной рукой Н. П. Киселева), которые сохранились в архиве *“Мусагета”*.²³ Среди них нет авторского предисловия и примыкающих к основному тексту «Десяти экскурсов к трактату *“Vigi-*

¹⁹ РГБ. Ф. 167. Карт. 6. Ед. хр. 25.

²⁰ Под «баллотировкой» подразумевается решение редакционного комитета издательства *«Мусагет»* относительно издания книги, принимаемое путем голосования.

²¹ РГБ. Ф. 167. Карт. 8. Ед. хр. 20. Свою убежденность в том, что возникший конфликт обусловлен некой «антропософской интригой», Эллис выражал и в недатированном письме к С. Н. Дурылину: «...в официальном заявлении о выходе из *“А<нтропософского> общества”* я назвал себя *“сыном видимой Церкви”*, что вызвало организованное гонение на меня и шпионаж, в результате которого антропософы через Белого (который, между нами, невменяем) наложили секвестр на мою <...> брошюру *“Vigilemus”*» (РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 928).

²² РГБ. Ф. 636. Карт. 1. Ед. хр. 31.

²³ РГБ. Ф. 190. Карт. 36. Ед. хр. 4.

lemus!»), занимающих в целом более половины объема книги. Всего в распоряжении Белого было, таким образом, около 45 страниц наборного текста. Белый сделал в нем 17 купюр различного объема — от одной-двух-трех строк до пространных абзацев. При этом изымать сведения, восходящие к «интимным» лекционным курсам Штейнера и к доверительным беседам с ним, «цензору» не пришлось — по той причине, что таковые в тексте Эллиса не приводились и вообще никак не затрагивались; в нем фигурировали лишь отсылки к опубликованным книгам Штейнера, причем их проблематика освещалась в спокойном, объективистском тоне, без каких-либо резких полемических выпадов и выдвижения идейных контраргументов. «Брошюра моя не только не против Steiner'a и антропософии, но, напротив, за них», — заявлял Эллис в недатированном письме к Б. П. Григорову;²⁴ эта авторская характеристика отнюдь не соответствует действительности: антропософия осмыслена в книге как один из симптомов современного вырождения идеи подлинной религии, — однако и для диаметрально противоположных утверждений о том, что Эллис изготавил «пасквиль», нацеленный против доктрины Штейнера, книга «Vigilemus!» достаточных оснований не давала. Казалось бы, причин для «цензорского» вмешательства — даже если согласиться с аргументацией Белого, убежденного, что в идейно близком ему издательском сообществе не могут высказываться критические суждения по адресу антропософии, — не возникало. И тем не менее в своей запальчивости Белый не счел для себя возможным отступить и признать беспричинными посягательства на чужой текст. Не найдя в изложении Эллиса ничего «недозволенного», доносящего до «профанов» те сакральные суждения, которые предназначались только adeptам антропософии, он предпринял вивисекцию текста, руководствуясь, скорее всего, подспудным неосознанным стремлением продемонстрировать во что бы то ни стало свою «цензорскую» волю и излить накопившийся гнев на автора трактата. Безусловный и последовательный эгоцентризм, являющийся одной из самых неотчуждаемых черт психологического облика Белого, сказался в данном случае в его обращении с вполне суверенным произведением другого автора как никогда ярко. Обзор не дозволенного Белым к печати дает в этом отношении весьма выразительную картину.

Разорвав личные отношения с Эллисом, Белый посчитал необходимым устранить из текста трактата любые упоминания собственного имени, невзирая на то, что в этих упоминаниях он и его творчество рассматривались в самом высоком ценностном регистре. «...Можно условно говорить о теософии Вл. Соловьева, Фомы Аквинского, Данте,

²⁴ РГБ. Ф. 636. Карт. 1. Ед. хр. 31.

Андрея Белого и т. д.», — пишет Эллис; Белый упоминание собственного имени из этого перечня вычеркивает, и это один из немногих случаев, когда его правка была принята автором.²⁵ На той же странице делается отсылка к статье Белого «Круговое движение», сам он аттестуется как «первый среди символистов», а также говорится о верности миросозерцания Белого христианству; весь фрагмент Белый вычеркивает. Таким же образом он поступает с абзацем, содержащим цитату из «Кругового движения», которую Эллис расценивает как «речь от души и духа всего символизма, не изменившего себе»,²⁶ а заодно и с упоминанием «симфоний» Белого и его «изумительного описания Сфинкса» в панораме новейших писателей, демонстрирующей сочетание в их творчестве христианских основ с другими культурными ценностями.²⁷ Вычеркивает Белый и упоминание своей книги «Золото в лазури» в ряду других произведений, манифестирующих русский символизм,²⁸ и примечание к этому упоминанию, содержащее цитату из его книги статей «Луг зеленый» (это примечание Эллис из печатного текста убрал).

Следующий пласт текста, изымаемый Белым, — немногочисленные упоминания Штейнера и его учения (с цитатами из его опубликованных книг «Философия свободы» и «Христианство как мистический факт»), оценка мистерий Штейнера, за которыми признается «единственное и недостижимое *окультурно-символическое* значение», но отрицается значение «религиозное <...> и тем более вечно-христианское»; наконец, общая аттестация антропософии как одного из многочисленных симптомов вырождения самой идеи религии и последнего этапа на пути «удаления от Бога», по которому, согласно убеждению Эллиса, движется мировая культура после XIII века.²⁹ Устранив всё касающееся антропософии, Белый столь же решительно обошелся с теми фрагментами, в которых идет речь о «родовом» синтетическом учении — теософии и об иных эзотерических доктринах; большой фрагмент (почти 2 страницы печатного текста), в котором говорится о возрождении древних мистериальных традиций в христианской культуре,³⁰ вычеркнут и сделана приписка на полях: «Если этот абзац не будет вышущен, я не знаю, что мне думать о Н. П. Киселеве, Г. А. Рачинском, Э. К. Метнере». Негодование Белого вызывает отрицательная оценка Эллисом книги Эдуарда Шюрэ «Божественная эволюция» («На трех строках модерн-теософ оскверняет все основные положения

²⁵ См.: Эллис. *Vigilemus!* Тракта. М.: Мусарет, 1914. С. 41.

²⁶ Там же. С. 5.

²⁷ Там же. С. 8.

²⁸ Там же. С. 48.

²⁹ См.: Там же. С. 31, 45, 19, 24.

³⁰ См.: Там же. С. 30—31.

христианства и рыцарства»³¹); вычеркивая соответствующий фрагмент, «цензор» добавляет: «*Погромные слова... требую*, чтобы были вычеркнуты». Недопустимой представляется ему и фраза о «магическом идеализме» *Новалиса*, вдохновленного болезненным и безумным эротико-религиозным культом Софии Кюн».³² Изъятию подвергается также целая страница, критически оценивающая теософскую «тайную доктрину» Е. П. Блаватской и Анни Безант как «движение, специально унижающее и даже отменяющее христианство», как ««крестовый поход» на Европу Азии»;³³ в этом случае на полях корректуры появляется уже эмоциональная запись секретаря «*Мусагета*»: «Эта купюра — низость со стороны Бугаева. *Киселев*».

Решение в связи с протестом и требованиями Белого был полномочен принять редакционный комитет «*Мусагета*», состоявший из пяти человек — Э. К. Метнера, Андрея Белого, Н. П. Киселева, Г. А. Рачинского и А. С. Петровского. Заседание комитета состоялось 23 октября / 5 ноября 1913 г. За удовлетворение требований Белого выступил только Петровский, также приверженец антропософии; против — остальные члены комитета. Метнер по получении ультиматума Белого сообщал Эллису: «Возможны следующие решения: 1) отказ от брошюры; 2) отказ от мусажетской марки; 3) согласие на цензуру Белого; 4) требование, чтобы было напечатано без цензуры Белого и с маркой *Мусагета*».³⁴ Тем временем Белый, не дожидаясь окончательного решения, предпринял очередной демарш — отправил на имя Киселева 27 октября / 9 ноября 1913 г. следующее официальное заявление (получено в Москве 30 октября / 12 ноября):

Многоуважаемый Господин Секретарь!

Позвольте через Вас довести до сведения Редактора-Издателя К<нигоиздательст>ва «*Мусагет*» Э. К. Метнера, что я к глубокому моему сожалению по причинам личного расхождения с К<нигоиздательст>вом «*Мусагет*» во взглядах на печатание брошюры «*Vigilemus!*» вынужден выйти как из состава Редакции К<нигоиздательст>ва «*Мусагет*», так и из состава сотрудников двухмесячника «*Труды и Дни*». Прошу немедленно снять мое имя со списка сотрудников.

Подробная мотивировка моего поступка, а также деловой ответ на деловые замечания, бывшие в письме Э. К. Метнера и Н. П. Киселева, — готовы; я их высылаю на днях; очень прошу их выслушать вслух эту подробную мотивировку; очень желал бы, чтобы при чте-

³¹ Там же. С. 36.

³² Там же. С. 9.

³³ Там же. С. 42.

³⁴ РГБ. Ф. 167. Карт. 6. Ед. хр. 25.

нии этом присутствовали, кроме Э. К. Метнера и Н. П. Киселева, также Г. А. Рачинский и В. И. Иванов; прошу также, чтобы присутствовали при чтении этом А. С. Петровский, Б. П. Григоров, М. И. Сизов и В. Ф. Ахрамович. Мне чрезвычайно важно, чтобы именно эти лица отчетливо представили себе печальную необходимость для меня отмежеваться от столь дружественного мне до последней поры К<нигоиздательст>ва.

Вместе с мотивировкой присылаю свое мнение о брошюре г. Эллиса «*Vigilemus*». Между прочим г. Эллис в записке заверяет меня, что он будет считаться с моей правкой брошюры; и я полагаю, что печатание брошюры до моего резюме о ней не входит в планы г. Эллиса.

Мне придется в последующем (за выходом моим) решении «*Musageta*» относительно брошюры считаться с тремя фактами: 1) или брошюра не задерживается и выходит в том виде, в каком она написана автором, 2) или брошюра выходит с сокращениями, сделанными мной, 3) или брошюра не выходит.

Дело Редакции «*Musaget*» печатать или не печатать брошюру. Дело мое — высказать «*Musagetu*» мой взгляд на печатание или непечатание брошюры. Я надеюсь, что «*Musaget*» в решении своем примет во внимание то, что я считаю необходимым ему сказать.

Примите уверение в совершенном почтении.

Борис Бугаев (Андрей Белый).

Нюрнберг. 9 ноябр<я> н. с. 1913 года.³⁵

Эллис, поначалу выразивший готовность пойти навстречу требованиям Белого относительно «*Vigilemus!*», после получения от него известия о разрыве с «*Мусагетом*» посчитал себя свободным от исполнения этих требований и заявил об этом очередным обращением в издательство (Дегерлох, 4/17 ноября 1913 г.): «...по моему личному мнению и желанию было бы лучше издать “*Vigilemus!*” в той редакционной форме, которая выслана уже мною в редакцию, т. е. с незначительными изменениями текста, сделанными лично мной одним без чьего-либо давления (ибо г. Бугаев официально уведомил меня о выходе из “*Мусагета*” и об отказе высказать свое мнение о “*Vigilemus!*”) без марки “*Мусагета*” под формулой “*Издание Эллиса*”». Окончательное решение вопроса он оставлял «на усмотрение редактора-издателя Э. К. Метнера, признавая за последним решением окончательную и безапелляционную силу».³⁶ 12/25 декабря 1913 г. последовало еще одно распоряжение:

³⁵ РГБ. Ф. 167. Карт. 9. Ед. хр. 10.

³⁶ РГБ. Ф. 167. Карт. 8. Ед. хр. 21.

Дорогой Эмилий Карлович!

Прошу Вас напечатать «Vigilemus», не принимая во внимание поправки и выпусков г. Бугаева (А. Белого), но без марки «Мусагет».

Преданный Эллис.³⁷

Метнер, однако, принял решение наиболее бескомпромиссное: из четырех вариантов, обозначенных в цитированном выше его письме к Эллису, выбрал четвертый вариант — опубликовал книгу под маркой издательства «Мусагет» в той редакции, которая отражала волю автора (внесшего в текст лишь минимальные из тех купюр, на которых настаивал Белый). Разрыв Белого с «Мусагетом» сопровождался новыми документальными инвективами. «Вы еще не знаете, — писал Метнер Эллису о Белом 3/16 января 1914 г., — какую возмутительную “Записку” обо всем деле “Vigilemus” он составил и адресовал членам “Мусагета” и Григорову. В этой записке столько лжи, подлога, переделок и глупости до идиотизма, что остаток уважения исчезнет поневоле к такому человеку».³⁸ Отповедь Белому на его «Записку» — рукопись, обозначенная Киселевым как «Досье Э. К. Метнера о “Vigilemus” на 25 лл.»;³⁹ обращена она была также к группе «мусагетцев» и антропософов и представляла собой развернутый свод возражений и объяснений в связи с обвинениями, выдвинутыми Белым, причем затрагивался не только конфликт вокруг «Vigilemus!», но и ряд других эпизодов из непродолжительной истории «Мусагета».

Давая в своем «досье» подробные объяснения по целому ряду обстоятельств, предшествовавших публикации «Vigilemus!», Метнер особенно акцентирует те принципиальные основоположения, на которых зиждился идейный фундамент «Мусагета» и которые оставались непререкаемыми для всех участников этого начинания до тех пор, пока новые духовные устремления не повлекли их в разные стороны. «Никто почти не ставит Бугаева на такую высоту по его таланту, как я, — подчеркивает Метнер, — но однако я, не задумываясь, подал бы голос за проведение какой-либо меры или за напечатание какой-либо статьи, раз эта мера или эта статья желательна, полезна, “мусагетична”, несмотря на то, что Бугаев грозил бы уходом; свобода Мусагета, принцип либерализма на высших планах не может быть нарушен без измены основной идее Мусагета, с которой мы трое (Бугаев, Эллис и я) были согласны всегда и в особенности летом 1909 года. Потеря даже всех значительных сотрудников менее чувствительна Мусагету, нежели изменение его сущности».⁴⁰ Касаясь печатания «Vigilemus!», Метнер

³⁷ Там же. Ед. хр. 22.

³⁸ РГБ. Ф. 167. Карт. 6. Ед. хр. 27.

³⁹ РГБ. Ф. 167. Карт. 9. Ед. хр. 11.

⁴⁰ Там же. Л. 10—11.

настаивает на сугубой корректности своих действий как руководителя издательства: «Извинением <...> для меня и для Киселева, если бы мы, не спрося литературного комитета, напечатали “Vigilemus”, могло бы служить 1) то обстоятельство, что Эллис центральный член Мусажета, которому можно большее позволить, нежели постороннему автору, а во 2) то обстоятельство, что по существу “Vigilemus” на взгляд беспристрастный и непартийный является очередной католической инспекторацией Эллиса с вполне достаточными расшаркиваниями перед антропософией и Штейнером. Но корректуры были отправлены, конституция не нарушена, а весь скандал, поднятый вокруг этой безобидной брошюры, поскольку в нем участвовал Бугаев, взрошел на дрожжах психологизма <...> В “Vigilemus” нет ни следа антиантропософского изуверства, а есть романтическое ультрамонтанство, горячее на словах, но никому не зажимающее рта». ⁴¹ «Что же касается критики Бугаева этой брошюры, — продолжает Метнер, — то кое с чем в ней я согласен; напр<имер>, святой Лойола возмущает и меня самого; ⁴² кое в чем согласен с замечаниями Бугаева по поводу схоластики и мистики; но, во-первых, все это не является причиной отказать Эллису в напечатании брошюры; во-вторых, безусловных промахов в брошюре ни Рачинский, ни я, ни компетентный по средневековью Киселев не заметили; есть только тенденциозные натягивания; в-третьих, Эллис отвечает за себя, так же как и сам Бугаев, который тоже не без греха в научном отношении <...> Что же касается предложенных Бугаевым сокращений брошюры (под угрозой в противном случае уйти из Мусажета с объяснительным письмом в газетах), то я затрудняюсь иначе квалифицировать требование Бугаева, как издевательство и над автором “Vigilemus”, и над редакцией Мусажета. Если это издевательство сознательное, чего я не думаю, то... тем хуже для Бугаева; если же оно бессознательное, то... тем хуже для тех принципов, под влиянием которых возможно ставить такие требования». ⁴³

Касается Метнер в своем «досье» и неиспользованной возможности компромиссного разрешения конфликта из-за «Vigilemus!»: «Можно было бы уговорить Эллиса кое-что видоизменить, отказаться от марки Мусажета и т. п. Воинственное настроение мусажетских антропософов невольно заставляет предположить, не были ими уход из Мусажета предрешен, а “Vigilemus” явилась только удобным поводом». ⁴⁴ Думается, что у этого предположения Метнера были вполне веские основания. Примечательно сообщение в письме

⁴¹ РГБ. Ф. 167. Карт. 9. Ед. хр. 11. Л. 12—13.

⁴² Эллис в ряду «недостижимых памятников религиозного вдохновения» упоминает «рыцарскую молитву св. Игнатия Лойолы» (Эллис. *Vigilemus!* С. 18).

⁴³ РГБ. Ф. 167. Карт. 9. Ед. хр. 11. Л. 20—21.

⁴⁴ Там же. Л. 21—22.

А. С. Петровского к М. А. Волошину от 9 ноября 1913 г.: «Брошюра Льва скоро выйдет в Мусагете. В связи с ней — хотя и не из-за нее — Бугаев, Сизов и я вышли из Мусагета».⁴⁵ Для убежденных антропософов, изначально связанных с «Мусагетом», это объединение уже не могло восприниматься идейно близким пристанищем и «своим» печатным органом, поскольку руководитель издательства решительно противился явному или латентному проведению штейнерианской линии. С 1912 г. в Москве начало свою деятельность ангажированное антропософское издательство «Духовное Знание», которое обещало стать объединительным центром для российских последователей Штейнера; тем самым синкретический «Мусагет» с его широкой культурологической программой для адептов антропософии уже не только утрачивал привлекательность, но и переставал быть необходимым. С другой стороны, и Метнер, после двух лет оборонительных боев, призванных отстоять идейное кредо «Мусагета», каким оно осмыслялось изначально, до экспансии штейнерианства, решил перейти из обороны в наступление, и в этом отношении скандал вокруг трактата Эллиса послужил разделительной межой; в письме к В. О. Нилендеру от 3 января 1914 г. Метнер упоминает «дело Эйлиса» (pendant «делу Бейлиса» в мире экзотерического), разделяющее всю мусажетскую историю на два периода — на довигимелумовский и повигимелумовский».⁴⁶

Одним из выразительных документов, подводящих черту под «довигимелумовским» периодом «Мусагета», является письмо Андрея Белого к Н. П. Киселеву, отправленное из Берлина 11/24 ноября 1913 г. Аргументация, в нем развиваемая, представляет собой попытку взвешенного обоснования принятого решения *post factum*, уже без раздражения и эмоциональных переключений:

Милый, дорогой Николай Петрович!

Извините за долгое молчание. Мне больно Вам отвечать на Ваши слова (о том, что я могу Вас считать человеком, совершающим

⁴⁵ ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 958. Ср. итоговую интерпретацию конфликта в недатированном письме Белого к матери: «...эллисовский паксвилль на антропософию Мусагет печатал тайно от нас, и когда мы обнаружили весь этот поступок, то они пришли в негодование на то, что мы, члены редакции! Мусагета и одновременно антропософы, *требуем*, чтобы брошюра Эллиса не была напечатана. Они отказали. Нам пришлось уйти из Мусагета. Но хорош Мусагет: Рачинский и Метнер, можно сказать, *выгнали* из Мусагета меня, Петровского, Сизова. А я столько лет (4 года) портил кровь, отдавал свои нервы и силы Мусагету. <...> Ведь пришлось не только уйти из Мусагета, но и в сущности покончить с целым рядом друзей: с Эллисом, Метнером, Киселевым, Рачинским <...>» («Люблю Тебя нежно...» Письма Андрея Белого к матери. 1899—1922 / Составление, предисловие, вступ. статья, подготовка текста и комментарии С. Д. Воронина. М., 2013. С. 190—191).

⁴⁶ Цит. по кн.: Maydell Renata von. Vor dem Thore. S. 135.

недостойный поступок). Ну, конечно, нет. Так что внутренне я продолжаю Вас любить и ценить, но, увы: трудно нам с Вами понять друг друга. Признаться, я считаю, что Вы поступили с брошюрой крайне опрометчиво, и тем вызвали меня на крайне резкие формы протеста, чтобы отмежеваться от «дела», которое, ввиду разных субтильных причин, выглядит «скверным» делом (Вы не знаете многого, почему брошюра Эллиса для меня не может не выглядеть «скверным» делом). «Мусажет» непонятно, почему мы, антропософы, рассматриваем брошюру г. Эллиса как пасквиль; и «Мусажет» должен был внять нашему голосу. Он — не внял: его дело. Но мы, увы, должны на будущее время отмежеваться от издательства и лиц, причастных и <здатель>ству, реализующих «скверное» дело печатанием. Э. К. Метнер не антропософ: он может лишь извне уважить или не уважить наше мнение. Он — не уважил: Бог с ним. Вы, собственно, тоже не антропософ, т. е. не ученик д<окто>ра, и Вам может многое не быть ясным. Вы поступили опрометчиво, вызвав всю эту историю, окончившуюся нашим уходом. И — я не виню Вас, не хочу Вас винить.

Но повторяю: остается общественное выступление, публичная демонстрация «Мусажета» против антропософии, т. е. против нашего «святое-святых». Остаетесь Вы, члены Редакции Мусажет, и в редакционных собраниях, и фактом выпуска брошюры, больно и грубо задевшие наше заветное, не уважившие нашего желания — молчать о том, что находится в центре нашей души. Вы хотели тащить нас в полемику, мы просили Вас «оставьте нас в молчании»; и Вы — не уважили нас.

Объяснять Вам, почему мы не хотим полемизировать на антропософские темы гласно, и скучно, и долго (не всё есть предмет полемики; например: «тайны исповеди» не предмет полемики тоже). Лично для Вас, Николай Петрович, антропософия есть предмет умственных интересов. Для нас, учеников д<окто>ра Штейнера, она — интимный, жизненный путь. Кажет<ся>, это ясно; и нечего этого объяснять. Так что зазывание нас в полемику, навязывание нам полемики насильно, мы рассматриваем как демонстрацию. И — уходим.

Вы тем не менее печатаете брошюру, т. е. переносите вопрос об антропософии в общественное нападение на нас.

И мы не можем не отмежеваться.

Остается внутренняя боль, что члены Редакции «Мусажет» поступили нетонко, неделикатно по отношению к нам; и остается Знание, что мы и «Вы» в двух враждебных лагерях отныне.

Но, вероятно, такая дифференциация лучше того конгломерата, который представлял собою «Мусажет» до нашего выхода. Остается пожелать «Мусажету» всяческого процветания и успеха, а Вам пожать руку и сказать, что хотя мы и «враги», но я храню в душе к Вам хоро-

шее чувство и надеюсь, что когда-нибудь мы встретимся еще в этой жизни ближе и согласнее.

Примите уверение в совершенной преданности и уважении.

Борис Бугаев.

P. S. Если Вы не считаете д<окто>ра Штейнера стоящим под знаком Антихриста и если не считаете А<нтропософское> О<бщество> иезуитским, я думаю, что Вам незачем уходить из А<нтропософского> О<бщества>.⁴⁷

«Поствигилемусовский» период в истории «Мусагета» был отмечен лишь одним ярким событием, относящимся к сфере затронутых выше идейных контrovers. Решающим шагом в предпринятом Метнером наступательном движении стала изданная в «Мусагете» в 1914 г. его книга «Размышления о Гёте», представляющая собой последовательно критический разбор штейнеровских интерпретаций мировоззрения Гёте. Откликом на выход в свет «Размышлений о Гёте» явилась статья Эллиса «Теософия перед судом культуры», автор которой уже не ограничивался, как ранее в «Vigilemus!», нейтральными или умеренно порицательными характеристиками теософской и антропософской доктрин, а решительно поднимал свой голос против них. Статья, предназначавшаяся для «мусагетских» «Трудов и Дней», осталась ненапечатанной⁴⁸ и надлежащего эффекта, который прогнозировал Эллис, заявивший в ней о своем негативном отношении к штейнерианству совершенно однозначно, не произвела. В последующие годы стремление противостоять антропософии как антихристианскому учению стало для Эллиса одной из доминант его идейных и духовных устремлений. А в 1917 г. в издательстве «Духовное Знание» вышла в свет книга Андрея Белого «Рудольф Штейнер и Гёте в мировоззрении современности» — ответ-отповедь Метнеру как автору «Размышлений о Гёте». Раскол в триумвирате бывших учредителей «Мусагета» был определен окончательно.

⁴⁷ РГБ. Ф. 128.

⁴⁸ Впервые опубликована Г. В. Нефедьевым в кн.: Эллис. Неизданное и несохраненное. Томск, 2000. С. 324—346.

ШТРИХИ К БИОГРАФИИ АНДРЕЯ БЕЛОГО И К. Н. БУГАЕВОЙ (по материалам архива Д. Е. Максимова)

Статус вдовы большого писателя — высокий и обязывающий. Он предполагает исполнение миссии — быть наследницей и представительницей ушедшего, хранительницей живой памяти о нем; он побуждает к ответственному труду — по собиранию, систематизации и обнародованию всех тех оставшихся после кончины писателя материальных свидетельств его жизни и деятельности, которые будут способствовать воссозданию его личности и увековечению его творчества. В истории русской литературы XIX века самый яркий пример следования этой миссии — А. Г. Достоевская. В истории литературы модернистской эпохи с вдовой Достоевского могут быть поставлены вровень И. М. Брюсова и К. Н. Бугаева. С обеими вдовами двух крупнейших русских символистов поддерживал отношения на протяжении десятилетий Дмитрий Евгеньевич Максимов (1904—1987), автор книг о Брюсове и Блоке, один из немногих исследователей символизма в годы, наименее благоприятные для подробного и объективного изучения этого литературного направления.¹ И. М. Брюсова

¹ См. о нем: *Магомедова Д. М.* На страже духа и культуры... (Д. Е. Максимов — исследователь русской литературы XX в.) // *Известия АН СССР. Серия литературы и языка.* 1988. Т. 47. № 2. С. 186—192; *Ильюнина Л., Долматова Г.* Дмитрий Максимов // *Сборник Матице српске за славистику.* 1989. № 36. С. 195—207; *Ильюнина Л. А.* Создатель русской науки о символизме (Материалы из архива Д. Е. Максимова) // *Проблемы источниковедческого изучения истории русской и советской литературы. Сб. научных трудов.* Л., 1989. С. 145—166; О себе. Автобиографическая заметка Д. Е. Максимова / Публ. Антонеллы Д'Амелия // *Eurogorientalis.* 1989. № 8. С. 569—577; *Куприяновский П. В.* Д. Е. Максимов — исследователь русской поэзии // *Биография и творчество в русской культуре начала XX века. Блоковский сборник.* IX. Памяти Д. Е. Максимова (Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Вып. 857). Тарту, 1989. С. 3—10; *Азадовский К. М., Лавров А. В.* Памяти Д. Е. Максимова (1904—1987) // *Литературное наследство.* Т. 98. Валерий Брюсов и его корреспонденты. Кн. 2. М., 1994. С. 583—591. См. также: Дмитрий

и К. Н. Бугаева постоянно проживали в Москве, Д. Е. Максимов — в Ленинграде, встречались они эпизодически, но переписывались регулярно, хотя и с большими перерывами.

В архиве Д. Е. Максимова сохранились 64 письма К. Н. Бугаевой к нему за 1936—1969 гг.² Этот эпистолярный комплекс — один из немногих документальных источников, содержащих сведения о жизни и работе вдовы Андрея Белого после смерти ее мужа. Биографических свидетельств о самой Клавдии Николаевне Бугаевой (урожд. Алексеева, в первом браке Васильева; 11 июня 1886 — 22 февраля 1970) — в особенности о той поре ее жизни, которая предшествовала началу общения с Белым, — сохранилось совсем немного,³ и в этом отношении письма ее к Максиму так же нельзя недооценивать. Наконец, особую значимость этим письмам придают содержащиеся в них авторитетные свидетельства о жизни и произведениях Белого.⁴

Первое письмо К. Н. Бугаевой к Д. Е. Максиму датировано 4 февраля 1936 г. Судя по фразе: «От нашей мимолетной беседы и у меня осталось очень теплое чувство», — ему предшествовала их личная встреча. В это время К. Н. Бугаева была всецело погружена в работу по составлению обзора «Литературное наследство Андрея Белого», который готовила в соавторстве с А. С. Петровским и Д. М. Пинесом (последний, как репрессированный автор, в опубликованном тексте не был указан).⁵ Это была первая и единственная из работ К. Н. Бугаевой о Белом, опубликованная при ее жизни. В первые месяцы после смерти писателя ею совместно с П. Н. Зайцевым и А. С. Петровским было подготовлено для издательства «Academia» «Собрание стихотворений» Андрея Белого; доведенное в январе 1935 г. до верстки (784 страницы), это издание не состоялось, набор был рассыпан.⁶ В 1934 г. К. Н. Бугаева начала и в конце 1935 г. в основном закончила свои «Воспоминания об Андрее Белом», увидевшие свет в полном объеме

Евгеньевич Максимов в памяти друзей, коллег, учеников: К 100-летию со дня рождения / Отв. ред. Л. А. Иезуитова, И. С. Приходько. М., 2007.

² РНБ. Ф. 1136. Ед. хр. 16. Далее цитаты из писем К. Н. Бугаевой к Д. Е. Максиму приводятся по этому источнику.

³ Эти свидетельства, а также суждения о К. Н. Бугаевой различных мемуаристов суммированы в Предисловии Джона Малмстада в кн.: *Бугаева К. Н.* Воспоминания об Андрее Белом. СПб., 2001. С. 5—7.

⁴ Ранее 3 письма К. Н. Бугаевой к Д. Е. Максиму (от 31 декабря 1936 г., 30 октября 1964 г. и полученное 26 февраля 1969 г.) были опубликованы З. Г. Минц; см.: Тезисы I Всесоюзной (III) конференции «Творчество А. А. Блока и русская культура XX века». Тарту, 1975. С. 13—16.

⁵ См.: Литературное наследство. Т. 27/28. М., 1937. С. 575—638.

⁶ Экземпляр верстки сохранился в архиве Андрея Белого (РНБ. Ф. 60. Ед. хр. 40).

лишь одиннадцать лет спустя после ее кончины.⁷ Одновременно она работала над составлением библиографии Андрея Белого, над подготовкой «Материалов к поэтическому словарю Андрея Белого» и «Материалов к словарю художественных произведений Андрея Белого» — лексических регистров, призванных облегчить труд будущих исследователей поэтики и стилистики писателя.

На первых порах переписка стимулировалась профессиональными интересами Д. Е. Максимова. Изучение истории русского символизма тогда находилось в зачаточной стадии, архивы писателей еще оставались необработанными и не были доступны для исследователей, надежной источниковедческой базы для работы практически не существовало, и приходилось обращаться за помощью к тем, кто, будучи непосредственно связан с изучаемым писателем, способен был такую помощь оказать. Первое письмо Клавдии Николаевны, от 4 февраля 1936 г., содержит ответ на вопрос относительно авторства публикаций под псевдонимом Taciturno в журнале «Перевал» (1906—1907), которые приписывались Белому: «Пока еще не удалось установить, чей именно это<т> псевдоним. Но только не Бориса Николаевича. Последнее отпадает решительно. Я просмотрела статьи в “Перевале” за подписью Taciturno, и для меня нет сомнений, что это не он. <...> Укажу на одно: в № 2 (“Перевала”) в статье “Искусство прошлого и искусство будущего” на стр. 51 есть упоминание о Симфониях Андрея Белого. Но и помимо этого для меня ясно, что Борис Николаевич не мог быть автором этих статей. Весь стиль мысли, тональность, вплоть до отдельных выражений, примеров и слов — не его». Дополнительное сообщение на ту же тему — в письме К. Н. Бугаевой от 22 августа 1936 г.: «Давно уже собиралась Вам написать о псевдониме Taciturno. И. Ф. Масанов раскрыл его, как псевдоним А. Бачинского, что мне и казалось с первого взгляда. Несмотря на некоторую общность тем, в статьях этих много отличий, и отличий по существу. Весь стиль мысли Бориса Николаевича, не говоря уже о языке, совершенно другой».⁸

⁷ См.: Бугаева К. Н. Воспоминания о Белом. Edited, annotated, and with an Introduction by John E. Malmstad. Berkeley: Berkeley Slavic Specialties, 1981. Ранее «Вступление» к «Воспоминаниям» и главу «Контрапункт» опубликовал Жорж Нива (К. Н. Бугаева: Le «contrepoin» dans l'œuvre de Belyj // Cahiers du monde russe et soviétique. 1974. Vol. XV. № 1/2. P. 105—146).

⁸ В посмертном издании «Словаря псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей» И. Ф. Масанова, подготовленном к печати Ю. И. Масановым, псевдоним Taciturno в «Перевале» приписан Андрею Белому (Т. 3. М., 1958. С. 337), что, вероятно, послужило основанием для включения в библиографию Андрея Белого (составители Н. Г. Захаренко и В. В. Серебрякова) опубликованных под этим псевдонимом в «Перевале» статей «Искусство прошлого и искусство

В том же письме К. Н. Бугаева отвечала и на другие вопросы своего корреспондента — о матери Белого: «Годы рождения и смерти А. Д. Бугаевой — 1858 (6 апреля) — 1922, 20-е числа октября, а может быть и ноября. Точно теперь не помню. Помню зрительно, что был небольшой снег, еще не покрывший землю, и скорее сыро, чем морозно. Скончалась она в клинике Россолимо»; о продвижении в печать работ, посвященных Белому: «Вопрос о библиографии в “Лит<ературном> наследстве» остается еще открытым, скорее нет, чем да. Символистский том у них будет подготавливаться осенью. Наш “обзор” лит<ературного> наследства Бориса Николаевича очень разросся, хотя мы с Петровским сжимали его изо всех сил. Но так много фактического материала, что, несмотря на все усилия быть краткими, все же не уложились в назначенные рамки. Большое спасибо за Ваше предложение об издании некоторых писем. В настоящее время Н. С. Ашукин подготавливает для Лит<ературного> музея небольшую часть из писем к матери. И кроме того знаю по слухам, что в Ленинграде Орлов делает то же с частью переписки с А. Блоком». Библиография Андрея Белого тогда не была напечатана (впрочем, большое количество библиографических сведений приведено в составе упомянутой обзорной статьи «Литературное наследство Андрея Белого»); планировавшийся в серии «Летописи Государственного Литературного музея» том «Русские символисты» под редакцией Н. С. Ашукина в свет не вышел,⁹ но в той же серии был опубликован в 1940 г. подготовленный В. Н. Орловым том переписки Александра Блока и Андрея Белого, включавший все выявленные к тому времени письма Блока к Белому и большинство писем Белого к Блоку.

будущего», «К определению религии», «Палингенез» и рецензии на книгу А. Борового «Революционное миросозерцание» (см.: Русские советские писатели. Поэты. Биобиблиографический указатель. Т. 3. Ч. 1. М., 1979. С. 142—144). В статье К. М. Поливанова о прозаике, критике и публицисте Алексее Иосифовиче Бачинском (1877—1944) указан его псевдоним Taciturno — как не учтенный в «Словаре...» Масанова (Русские писатели. 1800—1917. Биографический словарь. Т. 1. М., 1989. С. 186); между тем в аннотированной росписи содержания «Перевала» указанные публикации за подписью Taciturno вновь представлены как принадлежащие Андрею Белому, хотя и указано на иную их атрибуцию в статье К. М. Поливанова: «Не будучи в силах разрешить это противоречие, доводим факт его существования до сведения читателя» (Соболев А. Л. «Перевал». Журнал свободной мысли. 1906—1907. Аннотированный указатель содержания. М., 1997. С. 15, 26, 41, 44, 121). Опубликованная в «Перевале» статья Taciturno «Палингенез» анализируется как безусловно принадлежащая Белому в работе Илоны Светликовой «Кант-семит и Кант-ариец у Белого» (Новое литературное обозрение. 2008. № 93. С. 80—81).

⁹ Подробную роспись содержания этого несостоявшегося издания (включавшего письма Андрея Белого к М. А. Бекетовой и А. Д. Бугаевой) см.: Литературное наследство. Т. 27/28. С. 690—691.

Следующее письмо К. Н. Бугаевой к Д. Е. Максиму (от 31 декабря 1936 г.)¹⁰ касалось пушкинской темы у Белого — неосуществленного замысла романа «Адмиралтейская игла»,¹¹ доклада «Пушкин и мы», прочитанного в феврале 1925 г., в годовщину смерти поэта:¹² «Не будет ошибкой, если скажу: Борис Николаевич был пронизан Пушкиным. Пушкин был — воздух, которым дышал».

Затем в переписке наступил многолетний перерыв, возобновилась она после личной встречи в Москве в январе 1944 г. Д. Е. Максимов оставил запись о содержании состоявшейся тогда беседы (включена им в подборку документальных записей «Мои интервью»¹³):

«Клавдия» Ник<олаевна> Бугаева. Сблизилась с Б. Н. в 1918 г. Однако она могла переехать к нему только с 1932 г., т<ак> к<ак> была женой врача и оч<ень> трудно расходилась с мужем, живя между Москвой и Кучиным.¹⁴

Рассказывает о крайне важных письмах Б. Н. к Разумнику. Однако в 1932 г. отношения их испортились. Р. В. <Иванов-Разумник> прислал Б<орису> Н<иколаевич>у оч<ень> ехидную открытку с насмешками по поводу разбора Б<орис>ом Н<иколаевич>ем поэмы Санникова.¹⁵

Взбешенный Б. Н. написал огромное (2 печ. л.) ответное ругательное письмо Разумнику, но посылать его отсоветовали. Ответил кратко.¹⁶ С тех пор близости между ними не было.

Кл<авдия> Ник<олаевна> считает одной из важных причин разрыва — политич<еский> момент.

Б. Н. говорил К. Н., что его любовь к Л. Д. <Блок> — первое в его жизни страстное, напряж<енное> чувство (и с ее стороны тоже). Но

¹⁰ См.: Тезисы I Всесоюзной (III) конференции «Творчество А. А. Блока и русская культура XX века». С. 13—14.

¹¹ Об этом см.: Лавров А. В. Петербург до «Петербурга» в мифопоэтике и творчестве Андрея Белого // Лавров А. В. Андрей Белый: Разыскания и этюды. М., 2007. С. 153—156.

¹² Текст доклада опубликован ныне по рукописи из архива Белого: *Mamlstad John E. Silver Threads among the Gold: Andrei Bely's Pushkin // Cultural Mythologies of Russian Modernism. From the Golden Age to the Silver Age. Ed. by Boris Gasparov, Robert P. Hughes and Irina Paperno. Berkeley; Los Angeles; Oxford: University of California Press, 1992. P. 431—482.*

¹³ Хранится в собрании автора статьи.

¹⁴ В Кучине под Москвой в 1925—1931 гг. постоянно проживал Андрей Белый (см.: Голощапова Зинаида. Кучинский остров Андрея Белого. М., 2005); Клавдия Николаевна тогда, бывая в Кучине частыми и продолжительными наездами, жила в московской квартире с мужем П. Н. Васильевым и матерью А. А. Алексеевой.

¹⁵ Эта открытка в архиве Белого не сохранилась.

¹⁶ Текст «огромнейшего» письма Белого к Иванову-Разумнику нам не известен. Ответное письмо — от 4 сентября 1932 г. — и комментарии к нему, проясняющие обстоятельства конфликта, см. в кн.: Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. СПб., 1998. С. 705—708.

что он решился добиваться брака (1907 г.?) лишь тогда, когда узнал, что она еще чиста. <...>

Кл<авдия> Ник<олаевна> составила: 1) Словарь поэзии Белого. 2) Статистику цветовых определений в его прозе.

У нее есть (обещала дать) тт. 1—4 «Эпопей» и неизд<анные> комментарии к своим (ранним) письмам к Блоку». ¹⁷

Полтора года спустя Д. Е. Максимов вновь побывал у К. Н. Бугаевой, о чем также сделал развернутую запись:

Беседы с К. Н. Бугаевой и ее сестрой Елен<ой> Никол<аевной>.

Июль 1945 г.

Период зорь для А. Белого был связан с его увлечением Марг<аритой> Кирилловной Морозовой — женой Морозова, урожденной Мамонтовой, матерью шекспириолога Морозова (ныне еще жива).

Она не отвечала его любви, но создала с ним дружбу, проходящую через всю жизнь. ¹⁸

В нее был влюблен Евген<ий> Трубецкой. ¹⁹ В «Первом свид<ании>» ее изобразил Белый: Над<ежда> Львов<на> Зарина.

Сила любви Б. Н. к Л. Д.: когда в ресторане (в Москве) увидел кого-то похожую на Л. Д. — упал в обморок.

Жизнь Блоков изображена в рассказе Б. Н. «Куст» («Зол<отое> Руно»), которым они были крайне возмущены. ²⁰

Антисемитское выступление Б. Н. в «Весех» — единственное в его жизни. ²¹ О статье этой он жалел и нигде никогда ее не перепечатывал. Она — под влиянием Метнера. В антропософии не было национализма, а в ряды антропософов входило много евреев.

¹⁷ Имеется в виду журнал «Эпопея» (№№ 1—4), выходивший в Берлине в 1922—1923 гг. под редакцией Андрея Белого; там были опубликованы, в частности, его «Воспоминания о Блоке». Рукопись Белого «Комментарии к моей переписке с Блоком» К. Н. Бугаева впоследствии передала Жоржу Нива, опубликовавшему ее в изд.: *Cahiers du monde russe et soviétique*. 1974. Vol. XV. № 1/2. P. 83—104.

¹⁸ Подробнее см.: «Ваш рыцарь»: Андрей Белый. Письма к М. К. Морозовой. 1901—1928. Предисловие, публикация и примечания А. В. Лаврова и Джона Малмстада. М., 2006.

¹⁹ См.: «Наша любовь нужна России...» Переписка Е. Н. Трубецкого и М. К. Морозовой. Вступ. статья, составление, публикация и комментарии Александра Носова // *Новый мир*. 1993. № 9. С. 172—229; № 10. С. 174—215.

²⁰ См.: *Золотое Руно*. 1906. № 7/9. С. 129—135; *Белый Андрей*. Собр. соч.: Серебряный голубь. Рассказы. М., 1995. С. 264—273.

²¹ Имеется в виду статья Андрея Белого «На перевале. XIV. Штемпелеванная культура» (Весы. 1909. № 9. С. 72—80; подпись: Борис Бугаев); позднейший критический отзыв автора о ней — в записях «К материалам о Блоке» (1921) (*Белый Андрей*. О Блоке: Воспоминания. Статьи. Дневники. Речи. М., 1997. С. 462, 578). См.: *Бездный М.* О «юдобязни» Андрея Белого // *Новое литературное обозрение*. 1997. № 28. С. 100—125.

Жизнь с Асей для Белого была очень тяжелой. Он и она сошлись на почве неудачной любви: его — к Л. Д.; ее — к кому-то в Бельгии.²² Она — резкая и, кажется, несколько стилизованная. Была одержима антропософией, презрительно относясь к творчеству Б. Н., которое считала пустяками по сравн<ению> с антропософской доктриной. К Б. Н. относилась плохо, не называла его иначе, как «дурак».

Нина Петровская полюбила Б. Н., который не проявлял к ней активности, а только спасал ее: эта любовь отвернула ее от Брюсова.²³

Исключит<ельное> уменье Б. Н. представлять из себя зверей, напр<имер> слона, медведя и т. п.

Называл себя: Миша.

Когда писал прозаич<еские> произведения, для кажд<ого> героя имел свой лист, на который наносил мысли об этом герое.

Штейнер и Белый оч<ень> ценили Л. Толстого, особенно такую его книгу, как «О жизни».

По следам этой встречи Д. Е. Максимов отправил К. Н. Бугаевой открытку, на которую последовал ответ 2 октября 1945 г.:

Милый Дмитрий Евгениевич, давно уже хочу ответить на Вашу открыточку, на которую сердцем мы обе с Ел<еной> Ник<олаевной> откликнулись сразу. Конечно, и мы воспринимаем нашу встречу вне рамок «истории литературы», и очень многое в ней еще не закончено. Надеюсь, что будущее даст нам эту возможность. А до тех пор очень хотела бы хоть изредка обмениваться такими, по словам Гончарова, «вещественными знаками невещественных отношений».²⁴ Как идет Ваша работа? Очень хотелось бы знать. Если будет возможность, напишите об этом. — Шлю самый сердечный привет. Всего лучшего.

К. Бугаева.

Следующее письмо Клавдии Николаевны (от 16 ноября 1945 г.) содержало печальную весть о кончине Е. Н. Кезельман, сестры и помощницы в работе над творческим наследием Белого: «Милый Дмитрий Евгениевич, — у меня горе. Родная моя Люся ушла от меня.

²² В Бельгии А. А. Тургенева обучалась гравировальному искусству в студии престарелого мастера Мишеля Огюста Данса (1829—1929). О ком здесь идет речь — неизвестно.

²³ Это суждение К. Н. Бугаевой (возможно — версия, сообщенная ей Белым) не соответствует действительности: близкие взаимоотношения Белого и Петровской завязались до начала ее любовной связи с Брюсовым. См.: с. 143—144 наст. изд.

²⁴ Выражение Александра Адуева («Обыкновенная история», ч. 1, гл. II). См.: Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. СПб., 1997. Т. 1. С. 213.

10 ноября она скончалась от кровоизлияния в мозг. Все произошло так мгновенно. Утром в 9 ушла в магазин. В час мне сказали, что ее отвезли в карете скорой помощи. А в 12 ночи ее уже не стало. Держусь только тем, что она не страдала. Но — Вы можете понять, как больно ее потерять». Но уже месяц спустя она отвечала на ранее присланные очередные вопросы Дмитрия Евгеньевича, на этот раз касавшиеся «симфоний» Белого:

15/XII <19>45. Москва.

Милый Дмитрий Евгениевич, не думайте, что я забыла о Вашем письме с вопросами. Помню все время. Но никак еще не могу справиться с мыслями. Слишком неожиданно налетело это, хотя и давножданное. Ведь я знала, как плохо здоровье Е. Н. и как она слаба. Но все не думалось, что потерю ее так скоро. — О Ваших вопросах, конечно, лучше было бы поговорить. Но постараюсь сказать, что можно — в пределах письма.

Прежде всего: «любил», может быть, Б. Н. действительно больше 2-ю Симфонию. Но авторски ценил как раз выше других, именно, 3-ью. Он говорил, что в ней затронуты очень важные темы, и еще в кучинские времена намечал ее для переработки. Особенно отмечал речь Хандрикова: это зерно, которое нужно развить. В отношениях Хандрикова, Ценха, Орлова сплетены многие проблемы культуры, науки, сознания. — 4-ую Симфонию считал неудавшейся, «замученной» переработками. Кроме того, в ней он подошел к тем пределам, которые показали самую невозможность дальнейшей работы над этой формой, и — «пятой» симфонии уже не появилось. А появился «Серебряный Голубь», «Петербург» и т. д., т. е. «роман». Благодаря «замученности» фабула как-то судорожно перекрутилась. Для меня эта Симфония тяжела. В ней я люблю только метели, ветер, поля, солнце, — природу. А людей ее — нет, начиная даже с имен. Но «природу» зато люблю очень. — Теперь, коротко отвечу на Ваши вопросы:²⁵ Адам П<етрович> умер. Он тождественен со скуфейником, как и Светлова — с игуменьей. Их любовь, пройдя через страсть, кончается встречей в иных планах. — Из деталей, может быть, Вам интересно будет узнать, что в «гадалке» отражена З. Н. Гиппиус. <...>

На следующий день, 16 декабря, К. Н. Бугаева добавила к этому письму дополнительные сообщения:

Милый Дмитрий Евгениевич, сейчас, перед отправлением письма узнала, что в Лен<инградском> отд<елении> «Сов<етского> писа-

²⁵ Судя по дальнейшему тексту, вопросы касались фабульной стороны содержания 4-й «симфонии» «Кубок метелей».

т<еля>» возрождается «Большая серия библи<отеки> поэта». Если Вам не трудно, я очень просила бы Вас узнать, включен ли в план сборник Бориса Ник<олаевича>, подготовка которого было уже начато весной 41 г. Ц. Вольпе,²⁶ а в июле должен был быть заключен договор со мною. Если — да, то я очень просила бы Вас быть редактором этого сборника. Знаю Вашу загруженность. И все-таки — не могу Вас не попросить. В Гослитиздате Б. Н. включен в план 46 года. Тоже стихи: томик, больше «Малой» и меньше «Большой» серии.

Эти издательские проекты пришлось отложить до лучших времен: после публикации 14 августа 1946 г. постановления ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» разговор о печатании в СССР произведений Андрея Белого надолго был снят с повестки дня.

Вновь отношения К. Н. Бугаевой и Д. Е. Максимова активизировались в 1960-е гг., когда, наконец, было принято решение об издании в Большой серии «Библиотеки поэта» тома стихотворений Андрея Белого и когда в Тарту стали выходить в свет литературоведческие сборники с материалами, относящимися к символистской эпохе. Энтузиазм тартуских филологов, и прежде всего З. Г. Минц, восхищал Клавдию Николаевну, и, говоря в письме к Максиму от 21 сентября 1962 г. о своих работах над творческим наследием Белого, она заключала: «... прежде всего мне хотелось бы, чтобы они были переданы в Тарту, а не в Пушкинский Дом. Целью всего, что я делала, было снять с будущих исследователей творчества Б. Н. трудоемкую подготовительную работу, и мне хотелось бы, чтобы это попало в руки живых людей, а не формалистов». Упоминая о собранных ею материалах к словарю художественной прозы и стихотворений Белого, она отмечала (8 января 1969 г.): «Метод работы для Словника мне дал Г. О. Винокур, прекрасный сердечный человек, которого я до сих пор вспоминаю с глубокой сердечной благодарностью. Так возник словник поэтического языка Андрея Белого. Но когда дело дошло до цитат к словам (цитатный словник), его уже не стало и все, к кому я обращалась за советом, при имени Белый становились сухими и отговаривались недостатком времени».

Одна из тем переписки К. Н. Бугаевой с Д. Е. Максимовым в 1960-е гг. — немногочисленные по тем временам публикации, касавшиеся Андрея Белого. В связи с появлением статьи В. Н. Орлова «История одной любви» в составе его книги «Пути и судьбы» (М.; Л., 1963) — статьи, в которой шла речь о личных взаимоотно-

²⁶ Цезарь Самойлович Вольпе (1904—1941) — историк литературы, критик; погиб при переправе через Ладожское озеро из блокадного Ленинграда. Ранее в Малой серии «Библиотеки поэта» был выпущен сборник «Стихотворений» Андрея Белого (Л.: Советский писатель, 1940) под его редакцией и с его вступительной статьей.

ношениях Блока, Л. Д. Блок и Белого, — она писала Дмитрию Евгеньевичу (30 июня 1963 г.): «О статье Орлова мне уже говорили. Сама ее не видела и не хочу видеть. В моем сознании его имя стоит для меня по отношению к Б. Н. под знаком “минус” в ряду тех трех имен, которым не могу простить их литературных выпадов: Асмус, Корнелий Зелинский, Всеволод Вишневский.²⁷ Мне пришлось быть свидетелем “иных” их проявлений при жизни Б. Н. Этой вины за Орловым нет. Вина его — предвзятость при издании “Переписки”, где он старается подчеркнуть “дионисизм” Б. Н. и “аполлонизм” Блока. Я же поставила бы к ней эпитафию: Блок — “О, страшных песен сих не пой”... Б. Н. — “Я понять тебя хочу”...»²⁸ О публикации семи стихотворений Белого в сборнике «День поэзии» (М., 1965) — 10 февраля 1966 г.: «Там помещено пять или шесть стихотворений» Б. Н. из “Зовы времен”. Выбор и напечатание были осуществлены Б. А. Слуцким и С. Григорьянцем. <...> Слуцкий очень любит и прекрасно читает стихи Б. Н., хорошо передает их ритм и интонацию. А Григорьянец просто горит им. Он написал мне пламенное письмо о творчестве Б. Н. Очень резко отозвался о редакционной деятельности Орлова. Они будут теперь снова подавать заявку о напечатании мемуаров Б. Н. Орлов куда-то задевал эту заявку».²⁹ 5 мая 1966 г.: «...причина моей “усталости”, как это ни странно, просыпающийся интерес к Б. Н. Пока этого не было, мне было легче. А теперь иногда я жгуче остро ощущаю свою потерю. Иногда до вздрага ясно вижу: он входит в комнату... .. Особенно разволновала меня публикация ленинградца К. Григорьяна (журнал “Дружба народов”. 1966, № 2, стр. 230—237) “Андрей Белый в Грузии”. Приведен ряд отрывков из его писем к разным лицам. Обращения сняты».³⁰ По выходе в свет тома «Стихотворений и поэм» Андрея Белого в Большой

²⁷ Имеются в виду оценочные характеристики Андрея Белого в статьях «История одной “дружбы-вражды”» В. Н. Орлова (в кн.: Александр Блок и Андрей Белый. Переписка. М., 1940. С. V—LXIV), «Философия и эстетика русского символизма» В. Ф. Асмуса (Литературное наследство. Т. 27/28. С. 1—53), «Поэма страха» К. Л. Зелинского (в кн.: *Белый Андрей*. Петербург. М., 1935. С. III—XXI), «Наши дела» В. В. Вишневского (Литературная газета. 1936. 5 сентября).

²⁸ Первая цитата — из стихотворения Тютчева «О чем ты воешь, ветр ночной?..»; вторая — из «Стихов, сочиненных ночью во время бессонницы» Пушкина — неоднократно приводится в текстах Белого.

²⁹ Речь идет о публикации воспоминаний Андрея Белого в «Серии литературных мемуаров» издательства «Художественная литература», тогда не состоявшейся.

³⁰ Эта публикация, подготовленная литературоведом, сотрудником Пушкинского Дома Камсаром Нерсесовичем Григорьяном (1911—2004), была составлена из фрагментов писем Андрея Белого к Иванову-Разумнику без указания имени адресата (по машинописной копии, сохранившейся в неполном виде в фонде Иванова-Разумника в Пушкинском Доме).

серии «Библиотеки поэта» К. Н. встретила с его составителем и автором вступительной статьи Т. Ю. Хмельницкой (1906—1997), о чем сообщала Д. Е. Максимову 14 сентября 1966 г.: «Виделась с Тамарой Юрьевной. Очень хорошо. Она сделала большое — даже — огромное — дело. Прекрасная вступительная статья и такая щедрость в подаче авторских текстов. Для меня радостная неожиданность, что полностью даны две поэмы. Ведь Б. Н. так давно стал библиографической редкостью, что обнаружилось: даже среди членов Союза Писат<елей> есть такие, <кото>рые никогда не читали “Перв<ое> Свид<ание>”. Нечего и говорить, что в Лавке Писат<елей> книга появилась только на витрине, и сейчас же попала в разряд “Р” (распродано). Чуть ли не на второй день ее можно было купить уже у букинистов (?) по милой цене 10 р.» (официальная цена, обозначенная в книге, — 1 р. 80 к.). В то же время К. Н. была огорчена тем, что поздним редакциям стихотворений Белого («Зовы времен») составителем тома были предпочтены ранние редакции из сборников 1900-х гг.

Выход тома в «Библиотеке поэта» помог Клавдии Николаевне, официальной наследнице Белого, немного поправить свое бедственное материальное положение (которое Д. Е. Максимов по мере возможностей пытался облегчить: одно из писем К. Н. к нему, от 28 сентября 1962 г., содержит благодарность за денежный перевод и фразу: «Очень тронута вниманием “заочных друзей”»; за последних в данном случае, скорее всего, представлял сам Д. Е.). Попытки получить аванс под готовящееся издание предпринимались и ранее, однако консультант Секретариата Правления Союза писателей СССР А. И. Орьев письмом к Д. Е. Максиму от 1 февраля 1963 г. сообщил, что ходатайство о выплате вдове гонорара можно возбудить лишь по выходе книги в свет, и оповестил о принятом решении: «Учитывая затруднительное материальное положение и болезнь Клавдии Николаевны, Секретариат Правления СП СССР поручил Литфонду выдать ей единовременное пособие в размере 100 рублей». На этом документе Д. Е. Максимов сделал пояснительную приписку: «Это — ответ на мое письмо Федину о тяжелом матер<иальном> положении К. Н. Бугаевой. Подачка в 100 р. — позорна для писат<ельской> организации и Федина».³¹

Часть архива Андрея Белого тогда еще хранилась у К. Н. Бугаевой, и Д. Е. Максимов организовал приобретение ее Отделом рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде; основу этого фонда составили творческие рукописи Белого (в том числе машинопись неизданной «берлинской» редакции воспоминаний «Начало века»), часть его переписки, а также работы

³¹ РНБ. Ф. 1136. Ед. хр. 16. Л. 25. К. А. Федин в 1959—1971 гг. возглавлял Союз советских писателей.

К. Н. Бугаевой по описанию и систематике творческого наследия писателя.³² Елена Васильевна Невейнова (1902—1988), близкий друг и помощница К. Н. Бугаевой, писала Максиму 5 января 1963 г.: «Кл<авдия> Ник<олаевна> <...> очень благодарит Вас за хлопоты по продаже ее архива. Все оформление она предоставляет на Ваше усмотрение». 16 февраля того же года К. Н. Бугаева сообщала ему о получении денежной суммы из Публичной библиотеки: «... спешу Вас известить, что деньги переведены (1568 р. 62 к.). Еще раз большое, большое Вам спасибо за все Ваши хлопоты». Среди раритетов, переданных Клавдией Николаевной в Ленинград, была посмертная маска Андрея Белого работы скульптора С. Д. Меркурова; в связи с этим К. Н. писала Максиму 22 октября 1963 г.: «... оставьте маску у себя сколько хотите; у меня становится тепло на сердце, когда думаю, что она у Вас. — А куда ее *передать*? Боюсь, что Пушкинский Дом встретит ее “нелюбезно”. Может быть, лучше в Библиотеку, поскольку там есть фонд Б. Н.». Маска долгое время хранилась у Дмитрия Евгеньевича, после чего была передана им в Государственный Литературный музей (полученную за нее сумму он переадресовал Е. В. Невейновой, самоотверженно ухаживавшей за К. Н. в последние годы ее жизни).

Подарила Клавдия Николаевна Максиму и 4 тома берлинской «Эпопеи» с «Воспоминаниями о Блоке». В сопроводительном письме (от 30 октября 1964 г.) она сообщала: «... сам Б. Н. не любил этого варианта своих “Восп<оминаний> о Блоке” и в 1922 г., в бытность мою в Берлине,³³ разорвал на листки весь свой экземпляр, делая в нем

³² См.: Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Новые поступления в отдел рукописей (1952—1966). Краткий отчет. М., 1968. С. 22—23. 21 мая 1963 г. К. Н. Бугаева писала Д. Е. Максиму об архивных материалах, предназначенных для Публичной библиотеки: «... мне хотелось бы передать в фонд Б. Н. несколько фотографий, висевших в его комнате и как-то биографически с ним связанных. Напр<имер>, очень хороший гравюрный портрет Пушкина, подаренный ему друзьями в день его пятидесятилетия, портрет Ломоносова (тоже гравюра) — этого “архангельского хрестьянина”, слова которого “Открылась бездна звезд полна” Б. Н. взял как внутренний лейтмотив для Коробкина (Вы помните, как различно дано ночное небо над Коробкиным и над Кьерко); затем фотоснимок Арарата, открытку с изображением сфинкса, портрет Л. Н. Толстого и ряд снимков Серебряного Колодезя — их домик, цветник, липовая аллея. — Из “тяжестей” — несколько редакций «Начала Века», начиная с самой полной (берлинской) 1923 г. и затем постепенных ее сокращений вплоть до того ужасного вида, который эту “Начало” приняло к 1933, когда Б. Н. — уже больной — отказался признать эту книгу своей». 12 июня 1963 г. она вновь писала о хранящихся у нее материалах Белого: «... хотела бы Вам передать тетрадь его зарисовок Кавказа. Он очень любил их, хотя чисто художественного значения, конечно, они не имеют, и когда он показал их К. С. Петрову-Водкину, тот только засмеялся».

³³ Ошибка памяти: К. Н. приехала в Берлин в январе 1923 г. и пробыла там до июля того же года.

поправки и вклейки. Из этого впоследствии и вышло известное Вам “Начало века” ред<акции> 1923 г.» В другом письме, от 15 февраля 1965 г., она вспоминала о последнем лете Белого (1933): «Все забываю спросить, знали ли Вы лично поэта О. Мандельштама? <...> Мы столкнулись с ним в Коктебеле. И вначале не обошлось без “бури” со стороны Б. Н. Но потом М<андельштам> прочел нам свой перевод из Данте,³⁴ и Б. Н. также бурно пришел в восторг. М<андельштам> прекрасный поэт. Мне приносили его стихи — начиная с первых и до конца. А потом я узнала о его трагической судьбе — подобной судьбе Мейерхольда». 23 февраля 1969 г., отвечая на очередные вопросы исследователя, К. Н. сообщала о реакции Белого на постановку сделанной им инсценировки «Петербурга» в МХАТ 2-м:³⁵ «Он был доволен только первой картиной, когда открылся занавес и во всю длину сцены протянулся стол и за ним лысая голова с огромными синими глазами и торчащими ушами, напоминающими облик Победоносцева, — М. А. Чехов. Но Берсенева — Николай Аблеухов — возмутил Б. Н. тем, что он на сцене играл его походку, жесты и манеру говорить, то, что Б. Н. называл “tour de force”. Когда же дошло до ангела-пери — Гиацинтова, то он был возмущен тем, что она дала, по его словам, “мальчик резвый, кудрявый, влюбленный”. Кроме того они исправили ему весь словарь его характерных слов, — напр<имер>, “мальчик-ушанчик” и др. Вообще он определил эту постановку, как “лебедь, рак и щука”, — т<ак> к<ак> это были три режиссера, из которых каждый тянул в свою сторону».

Последние годы жизни К. Н. Бугаева тяжело болела, была прикована к постели. «Был у Кл. Н. Б. в августе 1959 г., — записывал Д. Е. Максимов, — ей плохо (склероз, радикулит, грипп с выс<окой> t°). Выживет ли?» В письмах К. Н. к нему нет жалоб на тяжкую участь, но лишь грустные констатации положения дел: «Слишком велик угол между “горизонталью” моего лежачего положения и “вертикалью” моего сознания. Предел того, о чем мечтаю: хотя бы одну секунду постоять на ногах без посторонней помощи» (21 мая 1963 г.); «... ходить и стоять на ногах удастся — с помощью Елены Васильевны, — не более часа. <...> Лечилась я усердно два года и смотрели меня не менее 12 врачей всех специальностей, кроме психиатра. Диагноз так и не поставлен» (30 июня 1963 г.).

К этому времени относятся две записи Д. Е. Максимова, сделанные им после посещения Клавдии Николаевны в ее московской квартире.

³⁴ Подразумевается «Разговор о Данте», написанный Мандельштамом весной 1933 г. в Старом Крыму и Коктебеле.

³⁵ Премьера — 14 ноября 1925 г.; режиссеры С. Г. Бирман, В. Н. Татаринов, А. И. Чебан. В главных ролях: Аполлон Аполлонович Аблеухов — М. А. Чехов, Николай Аполлонович Аблеухов — И. Н. Берсенева, Софья Петровна Лихутина — С. В. Гиацинтова.

Первая из них — машинописный текст с карандашной припиской (сведения о болезни К. Н.):

Беседа с К. Н. Бугаевой 21 апреля 1968 г.

Б. Н. будто бы никогда не использовал антропософию для своих лит<ературных> произведений. Все писалось от внутр<еннего> опыта, который был еще с детства.³⁶

Во всяком случае на «Петербург» не влияла антропософия, а скорее теософия (о «телах») — недаром он и раньше увлекался «Тайной доктриной» Блаватской (рассудочная Анни Безант на него не влияла). Это влияние шло к нему через его приятельницу Гончарову.³⁷

К. Н. вполне согласна со мною, что существенных идеологических сдвигов у Б. Н. от сириновского к берлинскому изданию «Петербурга» не произошло: Ив<анов>-Разум<ник> в своей концепции полит<ической> эволюции Белого неправ. Неправ Разумник и в том, что изд<ание> «Петербурга» — анапест (в «Сирине») и амфибрахий в изд<ании> 1922 г.³⁸ К. Н. думает, что эта эволюция — от трехдольника к двухдольнику (сжатие).

На Штейнера Б. Н. никогда не восставал, хотя в свой последний приезд в Берлин ему «нагрубил» (был сердит, что Штейнер не содействовал возвращению к нему Аси): на вопрос Штейнера о нем он ответил доктору, что занимается квартирными делами (это и есть грубость — Штейнер отвернулся). Это было в Берлине.³⁹

Тогда К. Н. пыталась их примирить, действуя через жену Штейнера Марью Яковлевну.⁴⁰ Штейнер назначил свидание Белому в Штутгарте. К. Н. повезла сопротивляющегося и убегающего от свидания Белого.

³⁶ К этому абзацу Максимов сделал помету карандашом: «Сомневаюсь, что сказано искренне».

³⁷ Анна Сергеевна Гончарова (1855—?) — доктор философии, теософка. См. о ней: *Белый Андрей*. Начало века. М., 1990. С. 66—69.

³⁸ Речь идет о статье Иванова-Разумника «Петербург», опубликованной в его книге «Вершины. Александр Блок. Андрей Белый» (Пг., 1923); в ней проведен сопоставительный анализ первопечатной, пространной редакции романа «Петербург», опубликованной в сб. 1—3 «Сирин» в 1913—1914 гг., и сокращенной редакции, опубликованной отдельным изданием (ч. 1—2. Берлин, 1922), и сделаны выводы о различиях между редакциями в плане ритмической организации и идеологической направленности текста. См.: Андрей Белый: *pro et contra*. Личность и творчество Андрея Белого в оценках и толкованиях современников. Антология. СПб., 2004. С. 610—668.

³⁹ См. описание этой встречи (в декабре 1921 г.) в мемуарном очерке В. Ф. Ходасевича «Андрей Белый» (*Ходасевич Владислав*. Собр. соч.: В 4 т. М., 1997. Т. 4. С. 59—60).

⁴⁰ Мария Яковлевна фон Сиверс (1867—1948) — деятельница антропософского движения, секретарь, затем жена Р. Штейнера.

Но он все-таки приехал с нею в Штутгарт (это было в 1923 г. — год ее приезда в Германию). Они примирились со Штейнером. Белый поцеловал его руку. Штейнер его благословил.⁴¹

Белый считал (и К. Н. тоже), что Штейнер писать не умел: вся сила в его лекциях и беседах.

К. Н. сказала, что однотомник Белого в «Библ<и>отеке» поэта» причинил ей много огорчений. Нельзя было, вопреки воле Белого, печатать прежние редакции стихов. Нужно было напечатать «Зовы времен» целиком, а прежние редакции, если уж их печатать, — поместить в примечаниях. <...>

К. Н. — мне: мне с Вами приятно: в Вас частица Б<ори>са Ник<олаеви>ча.

Тогда же Ел<ена> Вас<ильевна> Невейнова рассказала мне о болезни Кл<авдии> Ник<олаевны>: лет десять назад (или знач<ительно> больше) она упала (от мяча, запущенного мальчишкой) и повредила позвоночник. Это и есть причина. За это время вырос горб. Почти не прекращаются боли — то сильнее, то слабее. Об этом К. Н. оч<ень> не любит говорить. Сознание вполне ясное. Ее пенсия — 45 р. Денег (запаса) хватит года на два.

По следам следующего (и, вероятно, последнего) посещения К. Н. Бугаевой Д. Е. Максимов сделал аналогичную запись:

7 августа 1968 г. (записываю 8 VIII в вагоне — шатает).

Беседа с Кл<авдией> Ник<олаевной> Бугаевой

К<лавдии> Н<иколаевне> 82 года. Она лежит неподвижно. Почти не читает — по словам Елены Вас<ильевны> Невейновой, — дремлет. Но все-таки, зная, что я интересуюсь сейчас «Петербургом», К. Н. сказала, что читает его. На память по-немецки читала стихи Гёте — мне.

Мы говорили 1 ч. 15 м. Больше — она. С абсолютно ясной головой, с великолепной памятью, с полным самообладанием, но <с> усилием, с перерывами, вероятно от слабого дыхания. Как скелет.

Утверждает, что Б<орис> Н<иколаеви>ч всю жизнь больше любил г<ород> Петербург, чем Москву, что сказалось и в «Петербурге».

Как и в прошлый раз, утверждает, что на творчество Б<ориса> Н<иколаеви>ча (и на «Петербург») штейнерианство не влияло, что Белый это знал и раньше из теософской л<итерату>ры. В частности, она назвала таких авторов-окультистов, которых, по ее словам, несомненно читал Белый (до «Петербурга»): 1) Санти д'Эльвор. Миссион де Жуиф. 2) Фабур д'Оливе. Ля лянг <...> 3) Элифас

⁴¹ Об этой встрече, состоявшейся 30 марта 1923 г., см.: *Спивак Моника*. Андрей Белый — мистик и советский писатель. М., 2006. С. 112—115.

Леви. <...>⁴² И более упрощенных: С. Пеладана и Папыуса. Б. Н. даже гороскоп себе сам составил (в 1910 г.):⁴³ вышло, что ему жить 53 года (сбылось). От этих авторов многое вошло в его творчество. Штейнеру же Б. Н. был обязан исключительно христологией (она, по-видимому, сказалась в поэме «Христос воскрес»).

Эта поэма в корне отличается от «12-ти». У Блока только Христос (да вполне ли это Христос?), а у Белого в поэме «Хр<истос> воскр<ес>» и *распятие* Христа и только потом его воскресение (у Блока в «12-ти» распятия нет!).

О христологии Штейнера обещала рассказать в след<ующий> раз. Но и вчера сказала, что, по Ш<тейне>ру, Голгофа в земном плане совершилась раз — в Иерусалиме, а Второе Пришествие совершится — там («на небесах»): это соответствует и Евангелию.

Она говорила также об антропософ<ском> учении о 4-х «возрастах» земли. 1-й, самый древний, соответствует расплавленному, сатурническому состоянию (явление образа Сатурна в произведениях Белого).

В образе ангела-пери в «Петербурге» отразились мать Б. Н. и Люб<овь> Дм<итриевна> Блок.

В романе «Крещ<енный> китаец» довольно точно описан семейный быт Бугаевых. Об этом, кажется, есть в кн<иге> «На рубеже двух столетий».⁴⁴ Этот быт оч<ень> тяжелый. Мать Б. Н. вышла за Ник<олая> Васильевича «из уважения». — Н. В. много страдал. Эпизод с гвоздем («Кр<ещенный> кит<аец>»)⁴⁵ — было.

В гимназич<еские> годы Б. Н. его мать переживала длительный и бурный роман с В. И. Танеевым (братом композитора).⁴⁶ В эти годы Б. Н. ненавидел мать.

Она в детстве наряжала его в дет<ские> платица, под девочку. Но все же он любил ее, а в совет<ское> время (она умерла одинокой в 1922 г.) заботился о ней. Чтобы добыть ей ботинки, обращался в Совнарком.

⁴² Записано заведомо неточно — на слух и по памяти. Наверняка К. Н. Бугаева упоминала в разговоре книги, зафиксированные Андреем Белым в комментариях к его «Символизму» (М., 1910. С. 624): *Saint-Iver d'Alveydre*. «Mission des Juifs»; *Fabre d'Olivet*. «La Langue hébraïque restituée»; *Elifas Lévi*. «Histoire de la Magie».

⁴³ Белый составил собственный гороскоп во время пребывания в Бобровке (Тверская губ.) в конце февраля — первой половине марта 1909 г. Об использованной им гороскопической методике см.: *Carlson Maria*. «The Silver Dove» // *Andrey Bely. Spirit of Symbolism*. Ed. by John E. Malmstad. Ithaca; London, 1987. P. 68—73.

⁴⁴ См.: *Белый Андрей*. На рубеже двух столетий. М., 1989. С. 176—229.

⁴⁵ См. главу «Папа дошел до гвоздя» (*Белый Андрей*. Крещенный китаец. М., 1927. С. 142—155).

⁴⁶ В главе из «На рубеже двух столетий» (С. 152—162), содержащей мемуарный портрет юриста, философа и социолога Владимира Ивановича Танеева (1840—1921), Белый об этом умалчивает.

Особенно плохие отношения у Б. Н. и его матери были в начале сближения Б. Н. с Асей. (Ася — дерзкая). Мать ненавидела Асю и сопротивлялась браку (у Аси и матери дело дошло до разрыва).

Вообще же мать Б. Н., которую К. Н. хор<ошо> знала, — одаренная музыкантка, прекр<асная> рассказчица.

Главное в «Петербурге» не форма, а Gestalt.⁴⁷ Это слово непереводимое. Не сразу можно уловить Gestalt...

К. Н. говорит о крайней неспособности Б. Н. к языкам. Пофр<анцузски> и по-нем<ецки> он не умел говорить. Со Штейнером объяснялся через его жену — она переводила. Всё.

30 декабря 1969 г. Е. В. Невейнова написала Д. Е. Максимова, что у Клавдии Николаевны три недели назад был инсульт с потерей речи и параличом правой руки, через пять часов сознание и речь восстановились. 22 февраля 1970 г. К. Н. Бугаева скончалась. Помнится, Дмитрий Евгеньевич оповестил об этом нас, своих студентов, участников руководимого им Блоковского семинара на филологическом факультете Ленинградского университета; не исключено, что тогда это был единственный случай публичного оглашения той траурной вести... Подробности сообщила Е. В. Невейнова в следующем письме:⁴⁸

Дорогой Дмитрий Евгеньевич,
простите, что так долго не отвечала на Ваше письмо, но очень грустно писать, все еще так тяжело и никак не можешь привыкнуть к сошедшему.

Кл. Н. мне с осени все время твердила, что это зима последняя, что я ее не переживу, но мне все не верилось, что это правда, да и не было к тому никаких предпосылок.

И вот началась зима, пошел у нас гулять грипп. Я из-за нее очень береглась, но, к сожалению, все же заразилась, берегла ее как могла, и грипп у меня уже начал проходить, и в это время она заболела. Это было в понедельник 16/II. Я с первой же минуты начала волноваться, т<ак> к<ак> знала, что грипп у нее всегда кончался воспалением легких. Но первые дни было еще сносно, с лекарствами было трудно, она отказывалась их принимать и с большими уговорами принимала. Мне даже дня через 3 начало казаться, что пошло на выздоровление. И тут опять за последние два дня стало очень плохо. Слабость, совсем перестала есть и пить, но была в полном сознании. Все говорила мне: «как трудно умирать», «какое трудное, больное тело», последние сутки все металась, все просила перевернуть с бока на бок, подсадить, но ничего, кроме бытовых слов, как — «поверни», «подсади повыше»,

⁴⁷ Вид, образ, стан, фигура. (Примеч. Д. Е. Максимова).

⁴⁸ РНБ. Ф. 1136. Ед. хр. 28.

не говорила. Последние часы уже не владела языком, а в последние минуты вдруг села, три разочка вздохнула, как бы глотая что-то, откинулась на подушку и сама закрыла глаза. И все было кончено.

Мы ее кремировали, т<ак> к<ак> она просила похоронить ее в могиле Бор<иса> Ник<олаевича> на Новодевичьем. Это, вероятно, будет уже в мае, когда будет тепло.

Дорогой Дмитрий Евгеньевич, Вы были для нее в последние ее годы самым близким и дорогим человеком, она часто вспоминала Вас с чувством глубокой любви и признательности, беспокоилась о Вашем здоровье.

После нее осталось уже очень мало. Философская рукопись Б. Н. «Душа самосознающая», которую она просила сдать в Лен<инскую> Библиоте<ку>,⁴⁹ и книги Б. Н., почти полная подборка, которые она завещала Саше Богословскому, своему крестнику, в надежде, что он доживет до лучших дней, когда, м<ожет> б<ыть>, будет издаваться Б. Н. и эти книги, м<ожет> б<ыть>, пригодятся для переиздания, т<ак> к<ак> их нет даже в Лен<инской> Библиоте<ке>. Письма самые интересные, очень большая ее переписка с Б. Н. во время Вольфины⁵⁰ и еще ряд писем, как, напр<имер>, Пастернака, были сожжены ее матерью в 1931 году, роковом году, когда они были с Б. Н. в Детском.⁵¹ Ее воспоминания находятся в 3-х местах.⁵² Рукопись беловая в Щедринской б<иблиоте>ке, черновик рукописи у нас в Лит<ературном> Музее и авторизованная рукопись в Лен<инской> Библиоте<ке>, там же и картотеки и словник по творчеству Б. Н.⁵³

⁴⁹ Имеется в виду незавершенное исследование Андрея Белого «История становления самосознающей души» (1926, 1931), его авторизованный текст хранится в фонде Андрея Белого в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (Москва) и в США в Амхерстском центре русской культуры (Amherst College). См.: Белый Андрей. Душа самосознающая / Составление и статья Э. И. Чистяковой. М., 1999.

⁵⁰ Вольфила (Вольная Философская Ассоциация), председателем совета которой был Андрей Белый, действовала в Петрограде в 1919—1924 гг.

⁵¹ Часть переписки Белого и Б. Л. Пастернака уцелела; см.: Из переписки Бориса Пастернака с Андреем Белым. Вступ. статья, публикация и комментарии Е. В. Пастернак и Е. Б. Пастернака // Андрей Белый. Проблемы творчества: Статьи. Воспоминания. Публикации. М., 1988. С. 686—706. В апреле 1931 г., когда Белый и Клавдия Николаевна проживали в Детском Селе, в московской квартире Васильевых (где жила А. А. Алексеева, мать К. Н.) был произведен обыск и изъят хранившийся там архив Белого (впоследствии частично возвращенный владельцу).

⁵² Эти сведения неточны: беловой автограф «Воспоминаний» К. Н. Бугаевой хранится в Отделе рукописных фондов Гос. Литературного музея (Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 51), в РНБ — черновой автограф (Ф. 60. Ед. хр. 105) и одна из авторизованных машинописных копий (Ф. 60. Ед. хр. 106).

⁵³ Эти исследовательские материалы К. Н. Бугаевой хранятся в фонде Андрея Белого в РНБ (Ф. 60. Ед. хр. 109—113).

Родных у нее никого не осталось. Завещание она оставила на меня. Что касается денежного вопроса, то у меня на ее книжке около 1500 рублей, так что пока я обеспечена.

Дорогой Дмитрий Евгеньевич, не забывайте меня, хоть изредка присылайте весточку о себе, а если будете в Москве, позвоните, может быть, мы и увидимся.

Да, незадолго до смерти, недели за 2, она видела во сне Елену Николаевну,⁵⁴ которая принесла ей букет белых цветов и сказала: «Как у нас здесь хорошо». Это ее очень обрадовало.

И вот мне тоже хочется Вам сказать, будем надеяться, что ей там хорошо.

Всем сердцем с Вами

Е. В.

1/IV <19>70.

В последнее десятилетие жизни Д. Е. Максимова фигура Андрея Белого вышла на первый план в его творческих интересах. Тогда им были написаны мемуарный очерк «О том, как я видел и слышал Андрея Белого. Зарисовки издали»⁵⁵ и большая исследовательская статья «О романе-поэме Андрея Белого "Петербург". К вопросу о катарсисе».⁵⁶ Поначалу Д. Е. предполагал в воспоминаниях о Белом подробно коснуться и личности К. Н. Бугаевой, что побудило его к изысканию биографических сведений о ней. 17 февраля 1981 г. он обратился с письмом к Марии Николаевне Жемчужниковой (1899—1987), деятельнице антропософского движения, автору «Воспоминаний о Московском Антропософском обществе (1917—23 гг.)»,⁵⁷ общавшейся с Клавдией Николаевной на протяжении десятилетий. «В настоящее время, — писал он Жемчужниковой, — я заканчиваю небольшой мемуарный этюд об Андрее Белом, которого, еще подростком, слушал в Вольфиле и с которым позже встречался в Кучине. К этим воспоминаниям, в виде их 2-й части, я хочу приложить несколько писем ко мне Клавдии Николаевны Бугаевой, в которых она рассказывает много интересного о Борисе Николаевиче. Но, могу признаться, назначение этой 2-й час-

⁵⁴ Елена Николаевна Кезельман (урожд. Алексеева; 1889—1945) — сестра К. Н. Бугаевой, автор мемуарного очерка о Белом «Жизнь в Лебеяди летом 32-го года» (см.: Бугаева К. Н. Воспоминания об Андрее Белом. СПб., 2001. С. 329—352).

⁵⁵ Впервые опубликован в журнале «Звезда» (1982. № 7), вошел в кн.: Максимов Д. Русские поэты начала века. Л., 1986. С. 350—376.

⁵⁶ См.: *Dissertationes Slavicae*. XVII. Szeged, 1985. С. 31—166. С редакционными купюрами — в кн.: Максимов Д. Русские поэты начала века. С. 240—348.

⁵⁷ Опубликованы Дж. Малмстадом в кн.: *Минувшее. Исторический альманах*. Вып. 6. Paris, 1988. С. 7—53.

ти моей работы — не только в том, чтобы пополнить наше знание о Белом, но и в том, чтобы вспомнить о Клавд<ии> Никол<аевне> (через несколько дней исполняется 11 лет со дня ее смерти) и, что возможно, о ней рассказать. Она была необыкновенным, замечательным человеком, и приходится только жалеть, что имя ее теряется в блеске имени Андрея Белого. Я знал Клавд<ию> Никол<аевну> еще со второй половины 30-х, всегда посещал ее, будучи в Москве, и много с нею переписывался (у меня 60 ее писем). И все же, как это часто бывает в случае небытового знакомства, ее жизнь я знаю плохо и очень бы хотел узнать больше. Поэтому я и позволяю себе обратиться к Вам с просьбой о помощи — с просьбой сообщить мне хотя бы некоторые биографические сведения о Кл<авдии> Николаевне».⁵⁸ И далее следовали конкретные вопросы — о детстве и юности К. Н. Бугаевой, о ее родителях, о получении ею образования, о ее первом браке с П. Н. Васильевым, об участии в антропософской деятельности и занятиях эвритмией (тематизированными мелопластическими упражнениями, практиковавшимися в антропософии) и т. д.

В ответном письме от 14 марта 1981 г. М. Н. Жемчужникова предложила Д. Е. Максимова обратиться с теми же вопросами к Е. В. Невейновой («Она, и пожалуй, *только* она может ответить на многие Ваши вопросы»), выслала машинописную копию своих воспоминаний об Антропософском обществе, а также поделилась с ним теми сведениями, которыми располагала:⁵⁹

Многоуважаемый Дмитрий Евгеньевич,
конечно же, я знаю Вас и по книгам Вашим и по Вашему доброму участию в жизни Клавдии Николаевны в последние годы.

Ваше сообщение о желании Вашем написать о Клавдии Николаевне дало мне большую живую радость. Ведь она для меня — один из самых дорогих образов воспоминаний всей жизни. И я очень хочу всем, чем только могу, Вам помочь. Но, к сожалению, это очень мало, особенно в части того «минимума», который прежде всего необходим. Я знала Кл<авдию> Ник<олаевну> с 1917 года, но — так же как у Вас — общение с нею в небытовом плане отодвигало, заслоняло детали ее биографии. А ведь она и в этом житейском смысле была незаурядной личностью, ведь к ней влеклись сердца не для одних только антропософских бесед, ее любили как человека, ее окружало восхищение. А вот теперь и приходится горько сожалеть о своей беспомощности перед Вашими вопросами. Конечно, постараюсь помочь, чем могу. <...>

⁵⁸ Цитата по машинописной копии из собрания Д. Е. Максимова.

⁵⁹ Письмо приводится с сокращениями по автографу из собрания Д. Е. Максимова.

Род Алексеевых — казачий, с Дона. Там Кл<авдия> Н<иколаевна> и родилась и училась в гимназии, в каком точно городе — не знаю. Отец умер рано, детей (их было трое — Клавдия, Елена, Владимир) воспитывала мать⁶⁰ — в атмосфере материнской преданной любви, но вместе с тем в строгих и требовательных моральных правилах. Она была глубоко православно верующей и находилась под влиянием какого-то очень тогда известного и чтимого Старца (как его имя — не знаю). Этот Старец, между прочим, предсказывал в предстоящем 20-м столетии ужасные катастрофы и бедствия и потому советовал ей всячески и настойчиво отговаривать дочерей от замужества. Тем не менее обе дочери рано вышли замуж, что не помешало матери очень сердечно относиться к своим зятям, особенно к Петру Николаевичу,⁶¹ которого она очень любила, и его трагедия была горем и для нее.

Когда и при каких обстоятельствах семья Алексеевых, а затем Васильевы переехали в Москву — не знаю. Жили они в Москве на Плющихе, в большом доме на углу Неопалимовского переулка в подвальном этаже, где в окнах мелькали ноги прохожих. В некоторые периоды жил там и Бор<ис> Ник<олаевич>, в частности — последние месяцы перед уходом в клинику — умирать.

Симпатии Кл. Н. к Петербургу — понятны. Это — город ее молодых лет и важных жизненных встреч. Там она училась на Выс<ших> Женских Курсах, там же познакомилась с семьей Васильевых. Один из них — Петр Николаевич — скоро стал ее мужем, а жена его брата Всеволода — Елизавета Ивановна Васильева (волошинская «Черубина де Габриак») — познакомила ее с антропософами — Бор<исом> Алексеевичем Леманом, его двоюродной сестрой Ольгой Николаевной Анненковой и Трифоном Георгиевичем Трапезниковым, который там основал первую в России антропософскую группу.⁶² (Антропософское

⁶⁰ Анна Алексеевна Алексеева (1860—1942). Ср. свидетельство М. Н. Жемчужниковой в письме к Д. Е. Максимова от 17 мая 1981 г.: «...Галина Сергеевна Киреевская (<...> бывшая артистка Второго МХАТ) говорила со слов Клавдии Николаевны, что в романе “Маски” “очень хорошо обрисована мать Малютки Домна Пантелеевна — это Анна Алексеевна, сама Малютка — иногда до мелочей — Клавдия Никол<аевна>, а прислуга Мелетина — это тетка Кл<авдии> Н<иколаевны>”». Тетка — сестра А. А. Алексеевой Екатерина Алексеевна Королькова (1864—1941).

⁶¹ П. Н. Васильев (1885—1976) — первый муж Клавдии Николаевны; врач, антропософ.

⁶² Упоминаются: Всеволод Николаевич Васильев (1883—1944) — инженер-гидролог; Елизавета Ивановна Васильева (урожд. Дмитриева, псевдоним — Черубина де Габриак; 1887—1928) — поэтесса, драматург, руководитель петроградской антропософской группы Ильи Пророка, с 1911 г. замужем за Вс. Н. Васильевым; Борис Алексеевич Леман (псевдоним — Б. Дикс; 1880—1945) — поэт, критик, руководитель петроградской антропософской группы Бенедиктуса; Оль-

Общество было юридически оформлено лишь позднее, в 1913 году в Москве под председательством Б. П. Григорова).

Я не знаю, где находится рукопись Кл. Н. «О том, как образ Р. Штейнера отразился в одной душе».⁶³ Вероятно, у Ел<ены> Вас<ильевны> Нев<ейновой>. У меня есть полная ее копия, списанная мною с машинописного экземпляра. Знаете ли Вы содержание этой работы или только по названию? Мне кажется, она была бы для Вас очень ценной, в ней открывается и душевная жизнь Кл. Н. в пору ее сближения с Антропософией, и есть кое-какие биографические данные. Если она Вам осталась неизвестной, я Вам ее пришлю — с просьбой в дальнейшем вернуть.

Вы спрашиваете об эвритмии. Да, Клавдия Николаевна *очень много* с самого начала работала в эвритмии. Ее заграничные поездки в значительной мере с этим связаны. Но главная ее работа проходила, конечно, в России и для России. Ее наследие не пропало. Ею создана книга, без которой вообще нельзя себе представить начало *русской* эвритмии. Сейчас не пришло еще время для выхода эвритмии в каких-либо, даже самых скромных, общественных формах. Но дело ее не умерло, оно живет, как живет зерно под снегом, ожидая весны.

Заболела Клавдия Николаевна в 1957—58 гг. Сначала приступы, а затем сплошные, острейшие мучительнейшие боли почти до потери сознания. О к<аком>-л<ибо> падении как причине болезни я не знаю. <...> Причину находили в каком-то процессе в позвоночнике, но точный диагноз так и не был поставлен, а попытки лечения не давали успеха, а иногда даже ухудшали состояние. Но потом процесс стал как-то сам собой загустеть. Острые боли прекратились, но постоянная боль осталась и началось разрастание костей грудной клетки, выросли два горба — спереди и сзади, и это сопровождалось потерей подвижности мускулов спины и ног. Это было постоянное мучительство. Она сказала как-то: «Я живу так, как будто на меня надели табуретку и завили». В это время она вернулась к интенсивной умственной работе. Могла разговаривать с людьми, читала и много переводила, редактировала. В частности, стихотворный перевод первой «драмы-мистерии» Штейнера «У врат посвящения» сделан М. В. Шмерлингом⁶⁴ под ее руководством. Это нигде не зафиксировано, но это так. В это же время — 60-ые годы — и Вы с ней встречались, и Хмельницкая

га Николаевна Анненкова (1884—1949) — переводчица; Трифон Георгиевич Трапезников (1882—1926) — искусствовед.

⁶³ Этот мемуарно-автобиографический очерк опубликован в переводе на немецкий язык. См.: Bugajewa K. N. Wie eine russische Seele Rudolf Steiner erlebte. Basel: Verlag die Pforte, 1987.

⁶⁴ Марк Владимирович Шмерлинг (?—1981) — поэт, переводчик, педагог; антропософский деятель.

при подготовке издания сборника стихов А. Белого. Постепенно силы слабели. Последние год-два она просто тихо уходила. Умирала она в полном сознании. Решительно отказалась пригласить священника для причастия. Это было большим горем для Лели,⁶⁵ но здесь она уступить не могла. Умерла она тихо, без агонии. При последних ее минутах с ней были две глубоко верующие души — Леля и жившая в то время в той же квартире ее подруга. Они молились. И право же — это были лучшие проводы в иной мир, чем если бы здесь присутствовал священник со своими заученными молитвами.

Ее отпевали в церкви Ильи Обыденного в Обыденском переулке на Остоженке. Потом была кремация. А позднее, уже летом, урна была похоронена в могиле Бор<иса> Ник<олаевича> в Новодевичьем кладбище. Это я знаю точно, сама присутствовала. <...>

За этим обменом письмами последовали другие послания, в которых Д. Е. Максимов и М. Н. Жемчужникова касались иных проблем, связанных с Андреем Белым и осмыслением его творческого наследия; фрагменты из них опубликованы.⁶⁶ Реализовать же свое намерение подробно рассказать о Клавдии Николаевне ученому так и не довелось: мемуарный очерк о Белом был завершен и оформлен без первоначально задуманной второй части, посвященной вдове писателя; среди бумаг, оставшихся после кончины Д. Е. Максимова, материалов, свидетельствующих о том, что работа над мемуарно-биографическим литературным портретом К. Н. Бугаевой перешла в стадию текстуального оформления, не обнаружено. Тем выше значимость документальных источников, которые легли в основу предпринятого обзора.

⁶⁵ Е. В. Невейнова.

⁶⁶ См.: «Или к “Маскам” возможен иной подход?» Из переписки Д. Е. Максимова и М. Н. Жемчужниковой. Публикация и примечания Н. И. Жемчужниковой // Литературное обозрение. 1995. № 4/5. С. 74—76.

Эдгар По в Петербурге: контуры легенды. — От слов к телу. Сборник статей к 60-летию Юрия Цивьяна. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 129—143.

Юрий Сидоров: на подступах к литературной жизни. — *A Century's Perspective. Essays on Russian Literature in Honor of Olga Raevsky Hughes and Robert P. Hughes* (Stanford Slavic Studies. Vol. 32). Stanford, 2006. P. 38—62.

Вячеслав Иванов и Александра Чеботаревская. — Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 238—255 (Вступительная статья к публикации А. В. Лаврова «Письма Вячеслава Иванова к Александре Чеботаревской»).

Французская выставка под знаком «Аполлона». — Западный сборник. В честь 80-летия Петра Романовича Заборова. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2011. С. 221—238.

О «шотландском» мотиве в поэзии Георгия Иванова. — Стих, язык, поэзия. Памяти Михаила Леоновича Гаспарова. М.: РГГУ, 2006. С. 280—286.

«Взвихрённая Русь» Алексея Ремизова: символистский роман-коллаж. — *Ремизов А. М. Собрание сочинений*. <Т. 5>. Взвихрённая Русь. М.: Русская книга, 2000. С. 544—557.

Вслед Тименчику. Несколько заметок на полях прочитанного. — Шиповник. Историко-филологический сборник к 60-летию Романа Давидовича Тименчика. М.: Водолей Publishers, 2005. С. 202—214.

Поэт Иван Бездомный и его литературное окружение. — *Varietas et Concordia. Essays in Honour of Professor Pekka Pesonen. On the Occasion of His 60-th Birthday* (Slavica Helsingiensia. 31). Helsinki, 2007. P. 388—397.

Андрей Белый и «кольцо возврата» в «Защите Лужина». — *The Real Life of Pierre Delalande. Studies in Russian and Comparative Literature to Honor Alexander Dolinin. Part 2* (Stanford Slavic Studies. Vol. 34). Stanford, 2007. С. 539—554.

Владимир Набоков в поисках утраченного времени: «Забывший поэт». — Авангард и остальное. Сборник статей к 75-летию Александра Ефимовича Парниса. М.: Три квадрата, 2013. С. 511—522.

«Судьбы скрещенья». Теснота коммуникативного ряда в «Докторе Живаго». — Новое литературное обозрение. 1993. № 2. С. 241—255.

К истории журнала «Новый Путь»: официальные документы. — «Габриэлиада». К 65-летию Г. Г. Суперфина. <http://www.ruthenia.ru/document/545433.html>

Голос с «Башни»: «Венок из фиговых листьев» Максимилиана Волошина. — Башня Вячеслава Иванова и культура Серебряного века. СПб.: Филологический факультет С.-Петербургского гос. ун-та, 2006. С. 74—84.

Вячеслав Иванов и Максимилиан Волошин в 1907 году (Эпистолярные иллюстрации). — *Donum homini universalis*. Сборник статей в честь 70-летия Н. В. Котрелева. М.: ОГИ, 2011. С. 143—161.

Дружеские послания Вячеслава Иванова и Юрия Верховского. — Вячеслав Иванов — Петербург — мировая культура. Материалы международной научной конференции 9—11 сентября 2002 г. Томск; М.: Водолей Publishers, 2003. С. 194—219.

Леонид Семенов — корреспондент Андрея Белого. — Россия и Запад. Сборник статей в честь 70-летия К. М. Азадовского. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 226—247.

«Прекрасный рыцарь Парсифаль»: М. И. Сизов — корреспондент Андрея Белого. — Параболы. *Studies in Russian Modernist Literature and Culture*. In Honor of John E. Malmstad. Frankfurt am Main: Peter Lang. Internationaler Verlag der Wissenschaften, 2011. С. 65—99.

Андрей Белый — путешественник по Средиземноморью (Новые материалы). — *Laurea Loriae*. Сборник памяти Ларисы Георгиевны Степановой. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 381—388.

Андрей Белый и Эллис о задачах «Мусажета». — *Russian Literature*. 2005. Vol. LVIII—I/II. С. 93—107.

Книга Эллиса «*Vigilemus!*» и раскол в «Мусажете». — Книгоиздательство «Мусажет»: История. Мифы. Результаты: Исследования и материалы. М.: РГГУ, 2014. С. 13—33.

Лейб Яффе и «Еврейская антология». К истории издания. — Художественный перевод и сравнительное изучение культур (Памяти Ю. Д. Левина). СПб.: Наука, 2010. С. 120—138.

Автобиографии А. А. Кондратьева. — ПОЛУТРОПОН. К 70-летию Владимира Николаевича Топорова. М.: Индрик, 1998. С. 770—787.

В. А. Мануйлов — ученик Вячеслава Иванова. — Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 1. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2010. С. 620—669.

Владимир Щировский — корреспондент Максимилиана Волошина. — Озерная школа. Труды пятой Международной летней школы на Карельском перешейке по русской литературе. Поселок Поляны (Уусикирко) Ленинградской обл., 2009. С. 68—76.

Штрихи к биографии Андрея Белого и К. Н. Бугаевой (По материалам архива Д. Е. Максимо-

ва). — Литература как миропонимание. Literature as a World View. Festschrift in honour of Magnus Ljunggren. Göteborg: University of Gothenburg, 2009. С. 179—204.

Письма Д. С. Мережковского к С. Я. Надсону. — Новое литературное обозрение. 1994. № 8. С. 174—192.

«Сирин» — дневниковая тетрадь А. М. Ремизова. — Алексей Ремизов. Исследования и материалы. СПб.; Салерно: Europa Orientalis, 2003. С. 229—248.

Валерий Брюсов и журнал «Аполлон». Переписка с С. К. Маковским и Е. А. Зноско-Боровским. — Печатается впервые.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГЛМ — Отдел рукописей Государственного литературного музея (Москва).

ГРМ — Сектор рукописей Государственного Русского музея (С.-Петербург).

ИМЛИ — Рукописный отдел Института мировой литературы им. М. Горького (Москва).

ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (С.-Петербург).

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).

РГБ — Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва).

РГИА — Российский государственный исторический архив (С.-Петербург).

РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (С.-Петербург).

ЦГАЛИ СПб. — Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга.

ЦГИА СПб. — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга.

ЦГИАМ — Центральный государственный исторический архив Москвы.